

"Второй брак"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Хелен Брукс

Второй брак

ГЛАВА ПЕРВАЯ

- Минуточку, Грейс, она только что вошла. - Мать протянула трубку Клэр, удивленно поднявшей тонкие брови. - Это Грейс. Кажется, она нервничает.

- Грейс? - Клэр почти вырвала трубку из рук матери, торопясь поговорить с подругой. Грейс столько перенесла за двадцать пять лет своей жизни! И вроде бы наконец обрела счастье. Во всяком случае, казалась счастливой неделю назад, когда они в последний раз говорили.

Боже мой, взмолилась Клэр, поднося трубку к уху, пусть все будет хорошо. Господи, сделай так, чтобы все было благополучно. Пусть Грейс будет здорова, пусть будущий ребенок будет в порядке, пусть все будут живы-здоровы... Несколько лет назад у Грейс уже умер грудной ребенок, мальчик по имени Паоло; ему было всего полгода. И с того страшного времени она впервые отважилась забеременеть.

- Извини, ты, наверное, только что пришла с работы, - начала Грейс каким-то хриплым голосом. - Но мне просто необходимо с тобой поговорить.

- А что случилось? Сегодня у тебя было ультразвуковое обследование, верно?

- Да. Не волнуйся, с ребенком все в порядке... точнее, с детьми.

- Близнецы?

- Ну да, близнецы, - ровным голосом подтвердила Грейс.

- Это же прекрасно! - откликнулась Клэр.

- Да, конечно, - в голосе Грейс теперь было больше жизни. - Донато на седьмом небе, я тоже рада. Нет, правда, рада. Но я ошеломлена...

- Это понятно, - сказала Клэр, и ее большие карие глаза затуманились от тревоги за подругу.

Грейс выросла в детском доме и не испытала безоглядной материнской любви. Она была очень близка со своей свекровью Лилианой, но та, к несчастью, умерла два с половиной года назад. А ведь, готовясь к родам, так хочется чувствовать поддержку матери, свекрови, сестер, то есть женской половины семьи... Однако Грейс не от кого было получить эту поддержку.

- Клэр, - нерешительно проговорила Грейс, - я не должна бы тебя об этом просить, но... не могла бы ты приехать сюда, к нам? Я хочу сказать... пожить?

- В Италии? - Клэр смотрела прямо перед собой, не в силах собраться с мыслями.

- Ну, не обязательно прямо сейчас, - ответила Грейс, - я не ограничиваю тебя сроками. Но мне так хотелось бы, чтобы ты была рядом, когда малютки родятся.

- А что скажет твой муж, если я приеду надолго?

- Он сам это предложил! - воскликнула Грейс. - Когда мы узнали, что будут близнецы, он первый подумал о том, что хорошо бы мне кто-то помогал в первые месяцы. И Донато

вспомнил, как ты говорила летом, когда была здесь, что размышляешь – не сменить ли работу. Ты же училась ухаживать за младенцами. Мы будем платить тебе, так что ко времени возвращения в Англию у тебя наберется кругленькая сумма.

- Ну уж нет, – возразила Клэр, – если я приеду, то это будет дружеская помощь.

- Ладно, посмотрим, – Грейс явно не хотела вступать в спор. – Ты сможешь жить либо в главном доме, либо с нами – как захочешь. Лоренцо тоже будет счастлив, если ты поживешь здесь какое-то время. Он так скучал, когда ты уехала в сентябре...

- Я тоже по нему скучала. – Клэр улыбнулась при мысли о младшем брате Донато – ему едва исполнилось тринадцать. Чувство юмора у него было не хуже, чем у нее самой. – Он потрясающий парень.

- Мне так хотелось бы, чтобы ты приехала, – повторила Грейс с подкупающей интонацией. – Я всегда считала, что мы с тобой – как сестры...

- Да-да, – сказала Клэр.

Это было правдой. Девушки познакомились не так давно – когда Грейс, расставшейся с Донато, пришлось жить в Англии. Но они подружились так крепко, как это бывает раз в жизни. У Клэр было пять братьев-здоровяков, но не было сестры, и Грейс, даже не подозревая, заняла это место в сердце подруги.

- Ты подумаешь, да? – спросила Грейс. – А вот и Донато пришел. Он тоже хочет с тобой поговорить.

Разговор этот состоялся два месяца назад, и теперь, в январе, когда была уже давно позабыта праздничная рождественская суматоха, Клэр с радостью оставила по-зимнему сырую, ветреную Англию.

Пройдя в аэропорту таможеню, Клэр искала глазами Донато, который должен был ее встретить...

Все вдруг растаяло, будто в тумане: ее работа в регистратуре хирургического отделения, большая дружная семья – родители плюс три пока неженатых брата, – воспоминания о трагедии, пережитой еще до знакомства с Грейс. Все исчезло. Глядя сквозь стеклянные стены аэровокзала на мягкий солнечный свет, струившийся с неба, Клэр с облегчением вздохнула.

- Мисс Уилсон? – спросил кто-то холодным тоном. На нее с вежливой улыбкой смотрел смуглый мужчина. – Вы мисс Клэр Уилсон?

- Да... – Ее бархатные карие глаза вдруг наполнились тревогой, и красивое лицо мужчины стало в ответ еще холоднее.

- Я Романо Беллини, муж сестры Донато, – проговорил он. – Донато пришлось срочно уехать по неотложному делу, и он просил меня встретить вас, так как боялся отпустить Грейс одну в автомобиле.

- Вот как? – Голос Клэр почему-то сорвался.

Этот мужчина, какой-то слишком... мужественный, подавлял ее. Когда-то она видела на фото

этого Романо. Он приходился зятем Донато и был его лучшим другом. Впрочем, мужчина на фотографии мало походил на стоявшего перед ней. Хотя снимок был сделан давно, еще до гибели его жены, единственной сестры Донато...

- Может быть, мне стоит подтвердить свою личность? - спросил красавец, пока Клэр лихорадочно искала подходящие слова. - Или вы хотите позвонить Грейс?

- Нет-нет, все в порядке, - наконец-то нашлась девушка. - Я... видела ваше фото... Я знаю, кто вы.

- Вот и хорошо. - Он улыбнулся, но улыбка снова была ледяная. Клэр при всем желании не смогла бы улыбнуться в ответ. - Значит, у вас нет проблемы, si? Я тоже видел фото, где вы сняты вместе с Грейс. Это было прошлым летом. Вам понравилось тогда в Италии?

- Да. - Ну говори же что-нибудь, побуждала себя Клэр, поддерживай разговор.

Тем временем Романо легко поднял два ее тяжелых чемодана, не дожидаясь носильщика с тележкой.

- Как себя чувствует Грейс? Она в порядке?

- Грейс чувствует себя замечательно, - ответил он. И, кивнув в сторону выхода, предложил: - Пошли?

- Да-да, конечно. - Клэр засемила рядом с ним.

Ей не нравился не просто его суровый вид и не то, что он ее... подавлял. Ей не нравилось в нем все. Его рост, широкие мускулистые плечи, угадывавшиеся под легким пиджаком, холодная загадочная внешность и почти осязаемое чувство превосходства, которое исходило от него. Пожалуй, он даже пугал.

Неужели он меня пугает? - подумала Клэр и, как только это слово возникло в ее мозгу, отбросила его прочь. До чего же я глупа! Чем он может меня испугать? Это же лучший друг Донато, значит, и Грейс, моей подруги, которая о нем столько рассказывала летом. Жена Романо погибла два с половиной года назад, и, возможно, он до сих пор еще не смог оправиться от этой потери. Жена его была такой красавицей... Нет, он не страшен мне. Может, он просто слишком сдержанный человек? Замкнутый?

Вслед за Романо Клэр подошла к его машине, последней модели «БМВ». В просторном багажнике тут же исчезли ее огромные чемоданы. В салоне Клэр увидела светло-серую обивку из бархатистого нейлона. Закрыв за ней дверцу, Романо направился к месту водителя.

Еще прошлым летом богатство и огромные возможности мужа Грейс, Донато, поразили Клэр. И теперь она сделала заключение, что его друг Романо - того же поля ягода. Одет он был явно не из магазина для публики средней руки. Ботинки, конечно, сделаны на заказ... а уж о золотых часах «Ролекс» на запястье и говорить не приходится. Что называется, родился с серебряной ложкой во рту... Впрочем, по мнению Клэр, ложка эта усыпана бриллиантами. А люди, которым посчастливилось родиться с таковой, защищены от всех неприятностей. Что-то есть в их жизни нереальное - как в кино.

- Что-нибудь не так?

Она и не заметила, что он за ней наблюдает. Но теперь, выйдя из задумчивости и почувствовав

на себе пристальный взгляд, Клэр мучительно покраснела.

- Нет, все нормально, - ответила она.

Повернувшись, Романо беззастенчиво изучал ее взглядом, а рука его скользнула по верху ее сиденья.

- А вы уверены? - мягко переспросил он.

Девушка собрала всю свою волю, чтобы не разразиться пустой скороговоркой. Лишь молча кивнула. Взгляд мужчины был все так же прикован к ней. Никогда еще Клэр не испытывала подобного смущения.

- Сколько вам лет? - спросил он. И тут же добавил: - *Scusi* [1], я не имел права задавать такой бестактный вопрос. - Он сел удобнее в своем кресле и включил зажигание. Мотор, просыпаясь, заурчал. Лицо мужчины снова стало отчужденным и замкнутым.

- Да нет, все в порядке, - обратилась Клэр к чеканному профилю. Она чувствовала себя так, словно нечаянно схватила за хвост тигра и теперь не знает, как это исправить. - Мне двадцать четыре года, но я думаю, что выгляжу моложе.

- Да, вы правы, - сказал он, не глядя на нее и осторожно выводя громадную машину на дорогу. Глаза его сощурились от яркого солнечного света.

- А это у нас наследственное, - заговорила Клэр оживленно, хотя его сдержанный тон не очень к этому поощрял. - Моя мать, родившая шестерых детей, выглядит гораздо моложе своих лет, так что мне, видимо, суждено выглядеть подростком, когда мне будет уже за тридцать.

Густые черные брови мужчины иронически поднялись, но он промолчал. Какой все-таки неприятный тип, подумала Клэр. Она стала смотреть в окно с безучастным выражением лица, хотя и чувствовала, что снова краснеет. Вот уж действительно *неприятный* тип.

Вспомнив фотографию его жены, Клэр смущенно вжалась в сиденье. Эта итальянка была не просто красивой, она явно отличалась особой чувственностью и при всем том была явно не глупа. Наверное, Романо как раз и любит таких умудренных опытом, но страстных женщин, с досадой думала Клэр. А я совсем другая. Да, совсем не такая. У меня хрупкая мальчишеская фигура. Я не пользуюсь косметикой, не ношу украшений. Нет-нет, я не хочу ничего менять в своем облике, поспешно добавила про себя Клэр. Такие мужчины, как этот Беллини, мне никогда не нравились. Да и он, вероятно, предпочитает женщин ярких... чувственных, подчеркивающих его собственную суровость.

- Кажется, вы работали вместе с Грейс, когда она жила в Англии? - спросил Романо. Он поинтересовался вежливо, но без всякого интереса, как человек, принуждающий себя поддерживать беседу. - Вы как будто были регистратором у хирурга?

- Да. - Поскольку ответ вышел слишком краткий, Клэр поспешила добавить: - Когда мы с Грейс познакомились поближе, выяснилось, что мы обе получили специальность - работа с маленькими детьми.

- Ах вот как? - Он на секунду повернулся к Клэр, и от взгляда его черных глаз ее словно пронзило током. - И что же, работа с детьми вам не нравилась? - Он снова стал смотреть на дорогу.

- Я бы не сказала.

- Вы не любите детей?

- Да нет, я люблю детей. - Она не хотела развивать тяжелую для нее тему. К тому же он сидел от нее слишком близко, и от запаха дорогого, изысканного лосьона, подчеркивавшего его суровую мужественность, у нее путались мысли. - Просто... случилось нечто такое... что... после чего это было неудобно.

Боже, что я говорю? Неудобно?! Это было, скорее, невозможно. Это была трагедия...

- Ясно.

Он метнул в ее сторону острый, как бритва, взгляд, но Клэр слегка наклонила голову, и ее прямые темные волосы, длиной до плеч, наполовину закрыли лицо.

- Ну что ж, может, когда близнецы появятся на свет, вы попрактикуетесь и снова вернетесь к этому занятию.

- Может быть.

Она сказала это тоном, которым ставят точку. Клэр не хотела обсуждать подобные вещи с незнакомцем. Она и так сказала уже больше чем достаточно.

Минут пять прошло в тягостном молчании, и Клэр собралась было нарушить его какой-нибудь банальной фразой о красоте окружающего пейзажа, но тут Романо заговорил снова - все тем же холодным тоном:

- Здесь, на побережье, есть отличный ресторанчик. Я думаю, нам стоит остановиться и поесть в нем. Как вы думаете?

- Поесть?

Вопрос ее прозвучал так, словно он предложил нечто страшно неприличное; из ответа Романо было ясно, что он это заметил:

- Вы же едите время от времени, не так ли?

Да, конечно, в смущении подумала Клэр, но сидеть с ним за одним столом - в этом кроется нечто интимное, и это пугает. Разумеется, приглашение на ленч - лишь жест вежливости человека, обещавшего Донато и Грейс доставить девушку в целости и сохранности. Но быть еще какое-то время с *ним* наедине...

- Я... я думала, что Грейс ждет меня, чтобы поесть вместе. И я пока еще не голодна, - выдавила Клэр.

- А вот я умираю с голоду, - ответил Романо, и в голосе его было что-то не совсем понятное: то ли Романо ее поддразнивал, то ли злился. У Клэр по спине потекла струйка пота.

Боже, помоги мне... Да что же это со мной творится? Разве я не ездила с мужчинами в машине до сегодняшнего дня?

Ездила, но это мужчина необыкновенный, ответила она сама себе. Если разобраться, то я и не встречала таких, как он. Что-то в нем есть угрожающее. Нет, не угрожающее, скорее,

пугающее. Мое первое впечатление было правильным. Он опасен.

- Так что же?

Услышав снова этот бесстрастный голос, она отвела взгляд и стала лихорадочно подыскивать слова.

- Может, вы согласитесь уделить мне несколько минут? Я бы за это время утолил свой аппетит.

Клэр взглянула на него, на это лицо, словно исполненное резцом ваятеля, и залилась краской.

- Я думаю, Грейс как раз предполагает, что я накормлю вас, а уж потом доставлю в ее жаркие объятия, - добавил он.

Да ведь он надо мной смеется! Клэр разозлилась. Как он смеет? Теперь она уже не сомневалась, что правильно поняла его предыдущие слова. Уловив ее беспокойство и смущение, он решил над ней посмеяться.

Так, значит, он думает, что очаровал ее своим атлетическим видом, богатством и красотой. Да она скорее умрет, чем...

Щурясь от гнева, она вдруг нашла нужные слова и произнесла их резко, ядовито:

- Вы можете удовлетворить свой аппетит, мистер Беллини, я вам не помешаю. Просто я думаю, что Грейс рассчитывает обедать со мной, и ей будет неприятно, если она узнает, что я этим пренебрегла... Что касается нескольких минут... Я проведу с подругой и ее мужем несколько месяцев, так что эти минуты не имеют значения.

Да и вы не имеете для меня значения, подумала Клэр, но не посмела этого сказать.

- Какая вежливость с вашей стороны! - Его голос стал подчеркнуто ласковым - он дал знать, что перчатка поднята, вызов принят, - Скажите, в Англии у всех девушек такие замечательные манеры?

- Я уверена, что вы прекрасно осведомлены об этом, - так же мягко ответила Клэр и на миг высунулась из окна автомобиля. - У вас же множество знакомых женщин, синьор Беллини, и в Англии, и за ее пределами.

- Вы так думаете?

- Грейс мне рассказывала, что ваши деловые связи простираются по всей Италии и Соединенным Штатам. Разве нет?

Ее деланная наивность, ее широко раскрытые глаза не обманули итальянца.

- Мои деловые связи... Ах да. - Голос был ироничным, и ей показалось, что Романо даже слегка забавляется. А неприкрытая чувственность его интонации заставила Клэр затрепетать. - Мои деловые связи бывают подчас страшно утомительными.

- Охотно верю. Но я убеждена, что ваша работа доставляет вам также и удовольствие.

- Я стараюсь, чтобы это было так, Клэр.

- А вот у меня работа интересная, - сказала Клэр. - Это для меня главное. Никогда не вынесла

бы скуки на службе.

Клэр затараторила, описывая свой рабочий распорядок дня, возникающую иногда минутную панику и прочее. Она понимала, что ему это нисколько не интересно, но хотела предотвратить дальнейшие расспросы. Как только она смолкла, он тут же спросил:

- А есть в Англии человек, который будет терпеливо ждать вашего возвращения?

- Хотите сказать - друг? - уточнила она осторожно.

вернуться

1

Извините (итал).

- Именно.

- Нет, - ответила девушка просто.

- Нет? И вы не собираетесь разъяснить это довольно загадочное заявление?

- Загадочное? Не думаю. - Она хмыкнула.

- Загадочное, я настаиваю. Если красивая девушка двадцати четырех лет от роду решительно заявляет, что...

- Я ничего не заявляю решительно - просто излагаю факты. И потом, вы знаете не хуже меня, что я не красивая девушка, синьор Беллини.

- А вот с этим я поспорю, - перебил он ее. - И ради Бога, не называйте меня «синьор Беллини», я для вас Романо. А поскольку вы намерены пожить какое-то время в усадьбе Каса Понтина, нам всем будет только удобнее, если мы будем называть друг друга по имени. *Si?* Наши отношения станут от этого только приятнее.

- Отношения? Какие отношения? - На этот раз ее явная растерянность не позабавила Романо, как раньше. Он ответил ледяным тоном:

- Донато и Грейс - мои друзья, Клэр.

- Да, я это знаю, но...

- А друзья видятся иногда, верно? Мне кажется, что даже в Англии этот приятный обычай все еще жив, а?

- Да, но...

- Значит, время от времени мы будем встречаться, предположим, будем ужинать вместе, - заговорил он строгим тоном. - Разумеется, вместе с Грейс и Донато. Я только сказанное и имел в виду. Я не собирался вас... как это... *завлечь*.

- Я ни секунды не думала, что подобное входит в ваши намерения.

- Хорошо. Значит, ситуация ясна.

Его тон вдруг стал учтивым, как у обходительного сердцееда. Клэр от неожиданности открыла рот.

А он уже выруливал с шоссе на боковую дорогу, по которой повел мощную машину к арке, с пышными цветочными клумбами по сторонам, и въехал в тихий дворик.

- Все-таки я повторю, - сказал он, выключив зажигание и улыбнувшись с легким сарказмом, - что вы красивая девушка, Клэр. Любой мужчина со вкусом подтвердит вам это. Лично я - поклонник красоты, хотя и понимаю, какую развращающую силу она может иметь и какое таит коварство.

- Коварство? - эхом отозвалась Клэр, догадавшаяся, что странная фраза о ее внешности - вовсе не комплимент.

- Ну конечно. Красота - это та самая ловушка, которую природа использует в своих целях, разве не так? Возьмем белладонну, - продолжал Романо, - с ее сиреневыми цветами и прелестными, но ядовитыми ягодами. Или кисти болиголова. А что может быть более чарующим, чем морские анемоны? Они привлекают рыб и другие существа, которых и пожирают. Так что природа коварнейшим образом пользуется красотой.

- Да. - Глядя не отрываясь на это смуглое лицо, она лихорадочно соображала, на что он намекает. - Однако красота бывает и прекрасным явлением, которым мы восхищаемся. Например, закат.

- Но и закат поблекнет, оставив нас среди мрака ночи. Ничто не вечно.

Он говорил о своей жене, которую так трагически потерял... Когда это дошло до Клэр, она растерянно уставилась на него, не находя слов. Бьянка была поразительно, ошеломляюще красива. До ее гибели они прожили вместе всего несколько лет. Он все еще ее любит...

- Воспоминания тоже могут быть прекрасны, - мягко сказала она. - Когда закат погас, его свет долго живет в нашей душе, наполняя ее радостью и покоем...

- Я совсем другого мнения на этот счет, - возразил Романо так решительно, что стало ясно: тема закрыта. - Пойдемте? - он показал на уютный домик медового цвета прямо перед ними. - Вы убедитесь, что у Альдо разнообразное меню... и что отсутствие аппетита у вас - не помеха. Мне кажется, лучше устроиться на открытом воздухе, а? Позади ресторанчика - прелестный садик.

С последними словами Романо вышел из машины, обогнул ее спереди и открыл дверцу для Клэр. Потом протянул ей руку и помог выйти. Клэр вспомнила, что и у Донато такие же хорошие манеры. Но если на Донато она смотрела просто как на джентльмена, то с его лучшим другом все обстояло иначе: он казался обольстителем, и это мешало.

Ведя девушку по мощенному булыжником двору, Романо взял ее под руку. Они вошли в уютный, оформленный в пестрых тонах ресторанчик. Сразу стало ясно, что Романо здесь завсегдатай, - полный, но подвижный хозяин заведения встретил его с бурной радостью.

После обмена приветствиями на итальянском Альдо провел их через главный зал на крытую веранду, где несколько столов были расставлены так, что солнечные лучи освещали их даже на закате. Здесь было удивительно тепло. Сев за столик, Клэр огляделась вокруг.

Квадратный по форме сад был невелик, но красив: кружевную кованую решетку, ограждавшую его по периметру, покрывала пышная, источавшая дивный аромат растительность. Сквозь старые каменные плиты двора там и сям пробивались кусты, а в одном углу пышно цвела огромная магнолия, дававшая тень и в летнюю жару.

- Здесь очень красиво, - с неожиданной застенчивостью сказала Клэр. Оказавшись с Романо за одним столиком, она едва не онемела от его броской красоты. Из машины она не особенно рассматривала ландшафт вокруг Неаполя - ее мысли и во время краткой поездки тоже были заняты сидевшим рядом мужчиной, обладавшим странным магнетизмом...

Идиотка, мысленно одернула она себя и опустила глаза на поданное хозяином меню. Ты ничего не видишь, кроме него! То-то он бы обрадовался, узнав об этом...

- Вам перевести?

- Что? - Подняв глаза и увидев его пристальный взгляд, Клэр пожалела, что не может ответить: «Спасибо, я свободно владею итальянским».

- Я сказал - вам перевести, что написано в меню? - Голос его был терпелив, но с ноткой страдания, будто он говорил с трудным ребенком.

- Спасибо, в этом нет необходимости. - Да она лучше пройдет по раскаленным углям, чем попросит его о чем-либо! - Мне хотелось бы съесть только салат и выпить чего-нибудь холодного. Большой бокал.

- Нет проблем. - Он склонил голову, и это движение могло бы показаться вежливым, если бы не доля насмешливости. - Советую вам овощной салат с чесноком. Здесь это одно из лучших блюд.

- Спасибо. А вы не подскажете мне, где туалетная комната? Хотелось бы вымыть руки.

- Сразу налево от входной двери. Я вас провожу.

Оставшись одна в просторной туалетной комнате со стенами, выложенными из камня, с большой, глубокой, старинного образца раковиной, Клэр уставилась на свое отражение в зеркале - тоже очень красивом, в старинной резной раме. Все почему-то идет вкривь и вкось... А ведь еще сегодня утром все было так хорошо! В чем же дело? - мучительно соображала Клэр. Большие карие глаза на смугловатом лице, обрамленном густыми каштановыми волосами, пыливо смотрели на нее из зеркала.

Красивая! - сказал он. Клэр состроила гримасу. Это же явная ложь. Или не совсем?.. Нет, не может он так думать всерьез. Девушка потрясла головой, и волосы мягкой, шелковой волной рассыпались вокруг лица. Я знаю, что я не дурнушка, продолжала размышлять Клэр, но и не красавица. Мне, например, далеко в этом смысле до Грейс. Когда мы рядом, мужчины всегда оборачиваются, чтобы еще раз взглянуть на нее, но никак не на меня. Впрочем, подруга обычно равнодушна к их вниманию.

Пожав плечами, Клэр отвела глаза от зеркала и стала мыть руки, а потом плеснула холодной водой в лицо. Мне и без него хорошо, с теми, кто меня окружает, думала она. А если принять во внимание мою вспыльчивость и прочие недостатки, то внешность, какой бы она ни была, сразу отходит на второй план. Однако очень жаль, что все началось неважно с другом Донато. Ведь смысл поездки - облегчить положение Грейс! Я же успела объявить войну зятю и ближайшему другу ее мужа.

Придется иногда и прикусить язык, когда рядом этот Романо, думала Клэр. Подняв голову, она снова решительно посмотрела на свое отражение. Я же могу со всем этим справиться. Разве нет?

Да, я себя веду неприлично, заключила Клэр.

Возвращаясь в садик и садясь за стол, она была полна благих намерений. Я очень мило поблагодарю его за то, что он меня встретил, думала она, и буду лучезарно улыбаться, даже если он меня раздражает. Не поддамся ни на какие провокации.

И потом, после того, как Романо благополучно доставит ее в Каса Понтина, он, видимо, просто не будет ее замечать, иногда навещая своих друзей...

Последняя мысль должна была бы утешить Клэр, но вместо этого она испытала легкую грусть.

ГЛАВА ВТОРАЯ

- Клэр! - Грейс вышла из парадных дверей, переваливаясь как утка, и протянула руки навстречу подруге. Клэр выскочила из машины и подбежала к Грейс, намного опередив Романо. Молодые женщины обнялись - насколько это позволял торчащий живот Грейс.

Отступив на шаг назад, Клэр рассматривала подругу с изумлением.

- Да ты просто огромная. - Замечание прозвучало не очень вежливо, но ведь они всегда были откровенны друг с другом.

- И ты о том же, - вздохнула Грейс. - Я и так уже не могу смотреть по телевизору программы о животных. Мне кажется, что я выгляжу точь-в-точь как гиппопотам.

- Ладно, не переживай. - Теперь они обе хохотали. - Ты такая же красотка, как и раньше, только немного...

- Немного полновата?

- Я бы сказала, что ты просто выглядишь «мамашей». Но ведь ты ею и будешь. А как себя чувствуешь?

- Устала. Все у меня болит. И при этом я... безмерно счастлива.

Грейс широко улыбнулась, они снова обнялись и тут услышали голос:

- Может, мы войдем в дом? Донато поручил мне присмотреть за тем, чтобы ты немного отдохнула, Грейс, - до того, как он вернется. Вы с Клэр можете всласть поболтать, но - сидя на диване.

- Видишь, что творится? - Грейс поморщилась, потом взяла подругу за руку и повела к дому. - Не только Донато и Лоренцо донимают меня своей заботой, но и Романо. Меня окружают мужчины, которые думают, что я вот-вот рассыплюсь.

- Это не так уж плохо. - Клэр снова улыбнулась подруге, пока они поднимались по широкой каменной лестнице, ведущей к двери виллы, а дверь эта, украшенная металлическими гвоздями, была сама по себе зрелище. - Теперь я тоже буду тебя донимать, раз уж я здесь.

В сопровождении Романо подруги вошли в огромный вестибюль со сверкающим полом. Вилла,

поддерживаемая в порядке в течение долгих веков, была просто великолепна.

Затем все трое двинулись в гостиную, тоже великолепную, где их ждала прислуга, желавшая поздороваться с Клэр. Это были Чечилия, дородная повариха, а также миниатюрные горничные Анна и Джина.

Длинный, низкий кофейный столик буквально ломился от закусок и выпечки.

- Я думала, что ты проголодаешься, - заметила Грейс. - Ужин еще не скоро. А впрочем, Романо обязательно хотел накормить тебя по дороге. Как прошла трапеза - мило?

- Очень мило, - ответила Клэр, не углубляясь в детали. И вспомнила, что, когда она вернулась из туалетной комнаты, Альдо принес еду буквально через несколько секунд. Но она так нервничала, что могла бы есть и опилки, не замечая их вкуса.

Романо, однако, неожиданно преобразился в идеального кавалера: был остроумен, обаятелен. И все же оставалась в нем какая-то едва заметная холодность, заставлявшая Клэр думать, что он играет роль, наблюдая за ней со стороны. Это, разумеется, не способствовало пищеварению - Клэр даже не смогла доесть свою порцию, хотя еда была очень легкой. А теперь вдруг Клэр поняла, что умирает с голоду, и доверху наполнила свою тарелку, поставленную перед ней горничной.

- Ты останешься с нами ужинать? - спросила Грейс у Романо, когда прислуга вышла из комнаты. - Лоренцо сейчас у своего друга, но Донато захватит его по дороге домой. - Говоря это, Грейс села вполборота к Клэр, чтобы включить ее в разговор. - А Лоренцо, кстати, сказал, что хочет обязательно увидеть своего любимого дядюшку.

- Неужели? - воскликнул Романо. Он снял изящного покроя пиджак и откинулся на спинку стула. Клэр, увидев широкую, мускулистую грудь, которая угадывалась под черной шелковой рубашкой, чуть не подавилась бутербродом с осетриной. - Мне кажется, это должна решить Клэр. Свой первый вечер здесь она, возможно, захочет провести в кругу семьи.

- Но ты - член семьи.

- Да нет, я нисколько не возражаю, чтобы вы остались, - поспешила заверить его Клэр.

Обе женщины рассмеялись: Грейс - вполне искренне, Клэр - принужденно. Она не просто была против его присутствия - она его боялась. Но знала, что этого нельзя говорить вслух.

- Вот и хорошо, - сказала Грейс. - Значит, у нас будет уютный, милый ужин с людьми, которых я люблю больше всего на свете. - В голосе ее прозвучало удовлетворение.

Донато и Лоренцо появились сразу после семи вечера. Донато принялся извиняться перед Клэр за то, что не смог встретить ее в аэропорту. И хотя девушка произнесла все необходимые слова и междометия, ей показалось, что Романо слушал с иронией ее повествование о нем и об их совместном завтраке.

- А что, «милый» - это еще одно их любимых словечек у вас, англичан? - спросил Романо, склоняясь к уху Клэр. - У Грейс все «милое»: погода, обед и так далее. По-моему, язык становится каким-то невыразительным. - Говоря это, он шел вместе с Клэр в комнату Лоренцо, чтобы навестить его любимого попугая по кличке Бенито.

Клэр не сразу нашлась с ответом. Ее смущало уже то, что Романо вызвался проводить ее в

большую гостиную, отведенную для Лоренцо, где и проживал Бенито.

- А чем бы вы хотели заменить это слово? - спросила она.

- Честно? - Большие черные глаза смотрели на нее так, словно человек, прятаясь за маской, спрашивал сам себя, зачем он провоцирует эту девушку. Ведь она с первого взгляда почувствовала неприязнь к нему. Она - подруга Грейс, пробудет здесь месяц-другой. За это время и увидит-то его с десятков раз, не больше.

- Так чем же? - спросила Клэр осторожно, помня клятву, данную себе в туалетной комнате: не раздражаться, как бы он ее ни провоцировал.

Романо пожал плечами вместо ответа, а Клэр залилась краской. Знает ли он, какое впечатление производит на женщин? - спросила она себя. Еще бы! Как можно этого не знать человеку, на которого женщины наверняка просто бросаются. Еще не родилась та, что не мечтала бы, увидев Романо, оказаться у него в постели. Впрочем, Клэр не понравились эти мысли, и она прогнала их прочь.

Она твердо знала, что эти два мира - тот, в котором живет Романо Беллини, и ее, Клэр Уилсон, - далеки друг от друга. Романо - баловень судьбы: богатый, красивый, с большими возможностями. В его записной книжке телефонов женщин, готовых отдаться, едва он поманит пальцем, столько, что книжка эта наверняка трещит по швам. Клэр видела таких прошлым летом, когда весь «цвет» был в Италии: элегантных, умудренных опытом красавиц с фигурами манекенщиц и сверкающей улыбкой. Увешанных драгоценностями, как новогодняя елка - игрушками. Одним словом, похожих на его жену Бьянку.

- Входите же, Клэр. - Это Лоренцо, обогнав их, приглашал, стоя у двери. - Я еще утром сказал Бенито, что вы приедете, а он не любит ждать.

Благодарная мальчику за то, что не придется продолжать разговор с Романо, Клэр пошла вперед. Бенито - величественный во всех смыслах представитель птичьего мира - по неизвестной причине полюбил девушку с первого взгляда и каждый раз, когда она гладила его перышки, склонял голову с хищно загнутым клювом к ее рукам и глядел на нее глазами-бусинками.

Бенито слышал, как мальчик назвал девушку по имени, и только она вошла - затанцевал на жердочке, выкрикивая:

- Клэр, Клэр! Кто умная птичка? Милая птичка. Умная, милая птичка.

Этим словам Клэр научила его еще летом и теперь всей душой желала, чтобы Бенито произнес другие слова, любые - только не эти. Она кожей чувствовала, как Романо злорадствует.

- Привет, Бенито. Так кто у нас умница? - Поглаживая оперение попугая, Клэр восхищалась его плотным, упругим тельцем, его шелковистыми перьями. Бенито спрятал голову ей в ладонь и, воркуя, выражал свое удовольствие от встречи.

- Я вижу, вы не боитесь этого разбойника, - сказал Романо, подходя к клетке. Клэр собралась сказать что-то в защиту птицы, но, подняв глаза, поразились тому, какая нежность была написана на лице мужчины. Почувствовав ее взгляд, Романо тут же придал лицу выражение равнодушия.

- Зачем мне его бояться? Мы друзья, правда, Бенито? - ответила Клэр, снова глядя на попугая.

Тот хитро посмотрел на девушку, прежде чем в поле его зрения попал Романо.

- Романо, Клэр, - произнес попугай, словно бы в раздумье, и это прозвучало абсолютно по человечески. Бенито переводил взгляд с одного на другого, в глазах его светился вопрос, как у добродушного дядюшки, размышляющего: не сосватать ли эту пару. - Клэр и Романо... Милые, милые... ребята.

- Я вижу, ты растерялся, Бенито, - произнес Романо без всякого смущения - будто и не догадывался, что у попугая на уме. Что касается Клэр, лицо ее залилось краской, а это, по ее убеждению, совсем ей не шло. - Про Клэр нельзя сказать «ребята», - продолжал Романо, - она у нас леди.

- Леди, леди. - Бенито наслаждался вниманием, которое ему оказывали. Вообще, красоваться перед публикой было его любимым занятием. - *Frutta, frutta?* - затем спросил он с надеждой: попугай никогда не упускал возможности получить угощение. - Хорошая птица, - добавил Бенито, чтобы выдать весь свой репертуар. И закончил «речь» выразительным вздохом.

- Скорее уж, жадная птица, - сказала Клэр, которую насмешило самодовольное заявление попугая.

Она знала, что Бенито - любимец всей семьи. Что же касается Грейс - та его страшно баловала.

- Клэр, пойдете, я покажу вам новые компьютерные игры, которые мне подарили к Рождеству, - сказал Лоренцо, тем самым выручив ее, страдавшую в присутствии Романо от чувства неловкости из-за выходки Бенито. - У меня здесь двойной плеер, - похвастал Лоренцо, уже сидевший за компьютерным столом.

- Ну что ж, не буду вам мешать, - заметил Романо, улыбнувшись своей рассеянной улыбкой, и повернулся, чтобы уйти. Какое-то время Клэр смотрела на удаляющуюся фигуру и размышляла о силе, заключенной в этом мужском теле. Краска снова залила ее щеки.

Боже мой, я теряю рассудок, думала она, пока за Романо закрывалась дверь. Никогда еще меня так не влекло к мужчине.

И она вполне могла представить себе его реакцию, покажись она ему хоть частично раздетой. Рука ее невольно потянулась к животу, словно порываясь его прикрыть. Девушку остановил голос Лоренцо:

- Начинайте, Клэр, все готово.

Но пока ее тиранозавры воевали с Кинг Конгом за господство над джунглями, голова Клэр отчасти была занята совсем другими мыслями.

Как же все было у меня хорошо до того, как произошел несчастный случай, думала она. Я была вполне уверена в себе. Я любила свою работу. Была помолвлена с человеком, в моем представлении единственным и неповторимым... И вдруг, в какие-то считанные минуты, все полетело в пропасть. Сердце ее забило в невыразимой тоске, и Клэр закрыла глаза.

В том, что случилось, не было ее вины: все убеждали ее в этом - полисмены, родители и братья, свидетели происшедшего. Молодой парень в модной спортивной машине совершенно неожиданно врезался в ее микроавтобус на перекрестке, в результате чего скончался в

больнице. Клэр же провела в больнице несколько недель, терзая себя мыслями о том, что ни за что ни про что пострадали трое детей, ее воспитанники, которых она везла. Если разобраться, их травмы были не так серьезны, но можно было бы вообще избежать их. Увы, Клэр не смогла дотянуться до детей, и никто не смог их моментально вытащить, потому что обе машины были сильно искорежены. Еще долгое время после аварии в ушах Клэр звучал испуганный плач малышей...

- Клэр? - Нетерпеливый голос Лоренцо требовал, чтобы она сосредоточилась. Приложив усилие, она вернулась из прошлого в настоящее. Но всего на миг...

Никто не смог бы предотвратить трагедию - ни водитель с полувековым стажем, ни двадцатилетняя девушка, какой была тогда Клэр. Она знала это, но... считала себя виноватой.

Если физические последствия несчастья были незначительны - едва заметные швы на животе, которых, кроме нее, никто не замечал, - то психика ее пострадала гораздо сильнее. Клэр понимала, что должна преодолеть душевную травму, но пока что ничего не получалось. Возможно, если бы Джеф не бросил ее именно тогда, когда больше всего был нужен, несчастный случай не повлиял бы на нее так пагубно.

Джеф навестил ее в больнице всего несколько раз, но Клэр знала его отвращение к лечебным заведениям. Впрочем, она страшно скучала о нем, и часы посещений превратились для нее в пытку - ведь к другим пациенткам приходили толпы родственников, мужа и поклонники. Разумеется, родители навещали ее каждый день. Друзья и братья были предельно внимательны. И все же это было не то.

А за два дня до выписки ей принесли письмо. Его содержание впечаталось ей в мозг, видимо, на всю оставшуюся жизнь.

«Дорогая Клэр...» Уже это сухое обращение могло бы ее насторожить: раньше Джеф называл ее в письмах не иначе, как «любимая» или «драгоценная моя Клэр». Дальше следовало:

«Не знаю, что писать, но уверен, что должен написать тебе это письмо. Иначе будет нечестно по отношению к нам обоим. За то время, что мы находились врозь, я увидел наши отношения в ином свете. Отчетливо выступили некоторые проблемы - я думаю, ты знаешь, о чем речь».

Нет, я не знаю, подумала тогда Клэр. Она читала дальше, а сердце стучало как молот.

«Мне кажется, Клэр, нам стоило бы расстаться на какое-то время, скажем на полгода, стать снова свободными, не иметь никаких обязательств. Я чувствую, что слишком рано тебя связал, и нам лучше расстаться сейчас, чем в будущем, когда у нас появятся дети. Очень надеюсь, что ты меня поймешь, и прошу тебя оставить себе кольцо, мой подарок.

До свидания, Джеф».

Боже милостивый, какое лицемерие! Поразмыслив немного, Клэр поняла, на что намекал ее бывший жених. И удивилась, что не догадалась об этом в его самое первое посещение. При виде ее ран и ушибов на лице Джефа отразился такой ужас и отвращение, что сразу можно было понять, какие мысли его одолевают.

Она проплакала почти весь день - от отчаяния. А к вечеру ее пришел проведать самый старший брат, Чарли, и тут выплыла истинная причина происходящего. Чарли рассказал, что

уже целый месяц Джеф встречается с длинноногой блондинкой, с которой вместе работает. Она под стать Джефу: посещает гимнастический зал и вообще нацелена на поддержание физической формы.

- Мне удалось все узнать, только когда я съездил ему по физиономии, - сказал Чарли с явным удовольствием. - Думаю, ему придется вставить парочку зубов. Впрочем, мне не хотелось, чтобы ты узнала, какой он подонок, сестренка.

На следующий день Клэр отослала Джефу кольцо, подаренное по случаю помолвки...

- Клэр, вы готовы? - В голосе Лоренцо было настоящее страдание, и девушка весело ему улыbnулась, снова отгоняя прочь мрачные воспоминания.

- Конечно, готова, и на сей раз задам тебе перцу, - ответила Клэр.

- Это мы еще посмотрим.

Поиграв с мальчиком с полчаса, Клэр поспешила в свою комнату, которую ранее ей показала горничная Анна. Чемоданы были уже распакованы, платья и другие вещи убраны в огромный, как кладовка, шкаф для одежды, а туалетные принадлежности аккуратно разложены на столике в ванной. Комната ее оказалась очаровательной - каким можно было назвать и весь дом. Но сейчас некогда любоваться из окна садом. Надо смыть с себя пыль и усталость, накопившиеся за день, переодеться к ужину и ровно в восемь вечера войти в гостиную.

Когда Клэр еще играла с Лоренцо, к ним заглянула Грейс и сказала, что все будут переодеваться к ужину, ведь сегодня первый вечер Клэр в этом доме. И просила не опаздывать: аперитивы подадут уже в восемь.

Клэр просмотрела свои платья: они выглядели довольно жалко и занимали всего лишь один угол огромного гардероба. Драгоценные минуты уходили... Наконец Клэр остановилась на своей обычной «выручалочке» - маленьком черном платье, к которому надевала элегантные вечерние туфли из черного крепа.

Быстро приняв душ, девушка вытерлась огромным пушистым махровым полотенцем - оно пахло луговыми цветами. Завернувшись в это же полотенце, она прошла в спальню и села у туалетного стола, напротив высокого зеркала.

Как же причесаться - поднять волосы кверху или распустить по плечам? Какие надеть серьги? Маленькие «пуговики» из горного хрусталя или большие золотые кольца, подаренные родителями к Рождеству? Какие тени наложить на веки - голубые или светло-зеленые? Что мне больше пойдет? Поток ее размышлений резко прервался при виде отразившихся в зеркале горящих глаз и алеющих щек.

Прекрати, Клэр, приказала она себе с гримасой неудовольствия на лице. Да он на тебя и не взглянет. Впрочем, тебе это и не нужно. *Не нужно.* Он был женат на потрясающе красивой женщине и вряд ли оправился после ее гибели даже сейчас. А если и захочет забыться, то едва ли с тобой - маленькой, ничего собой не представляющей англичанкой. Ты же подпорченный товар.

Эта фраза застряла у Клэр в мозгу с того момента, как она прочла письмо Джефа, хотя таких слов там и не было. В тот страшный для нее вечер, оставшись одна после ухода родителей и брата, она вдруг вспомнила, когда слышала эти слова. Несколько месяцев назад они с женихом

смотрели телевизор и увидели кадры документального фильма о пересадке кожи у больных раком. Одна пациентка после такой операции собиралась выходить замуж.

- Как можно на ней жениться? - вопрошал Джеф с неподдельным удивлением. - Она не похожа на ту, за которой он ухаживал. Да и вообще вышла из игры: она теперь подпорченный товар.

- Что ты говоришь, Джеф? - возмутилась Клэр. Он тут же объяснил свои слова, и это объяснение на какое-то время ее успокоило. А может, и нет. Просто мне хотелось успокоиться, думала девушка. Я верила в то, во что хотелось верить, ведь я так сильно его любила. Только несчастный случай открыл, что любила я придуманного, несуществующего человека.

Когда десять минут спустя Клэр вошла в гостиную, с распущенными и сверкающими как медь волосами, с глазами, чуть тронутыми светло-зелеными тенями, Романо Беллини застыл на месте и только спустя минуту-другую двинулся ей навстречу от окна, где он стоял, глядя в сад.

- У нас в Италии в основном пожилые женщины носят черное, но, видимо, эту традицию нужно менять, - сказал он тихо.

- Благодарю вас, - ответила Клэр, - если это... комплимент. - В ее голосе была обезоруживающая нерешительность, заставившая мужчину с минуту помолчать, а затем разразиться смехом. Он смеялся, запрокинув голову, громко и хрипло. Звук был такой, словно Беллини давно разучился смеяться.

- Конечно, это комплимент, - сказал он торжественно, наблюдая за румянцем, заливающим щеки девушки.

Клэр чувствовала взгляды, бросаемые на них женатой парой с другого конца комнаты, где Донато смешивал коктейли, и так засмушалась, что торопливо пошла вперед, забыв про высоченные каблуки. В результате один каблук застрял на миг в пушистом персидском ковре, и она чуть не растянулась на нем. Но Романо был тут как тут и подхватил ее на лету.

- Осторожно, англичаночка, - сказал он глубоким, мягким голосом. - Может, вы и считаете меня большим серым волком, способным на кровавые дела, но не стану же я, согласитесь, покушаться на вас прямо на глазах у друзей! Зачем же от меня убежать?

- Не говорите глупостей, я всего-навсего споткнулась.

Клэр ответила не так твердо, как хотелось бы, и все потому, что он поразил ее своим видом. Романо успел переодеться, теперь на нем был темный вечерний костюм с синей шелковой рубашкой. Да еще эта его ироническая улыбка... Короче, вид у него был ошеломляющий. Клэр чувствовала, как жжет ей плечо его рука. Она постаралась успокоиться.

- Конечно, споткнулась, - повторил он холодно, а она высокомерно вздернула подбородок - в порядке самообороны.

Клэр почувствовала себя увереннее, когда в комнату вбежал Лоренцо. Еще прошлым летом она подружилась с этим мальчиком, младшим братом Донато; педагогический талант ей никогда не изменял, и теперь она стала болтать с парнем о том, как они недавно играли в компьютерные игры.

- Вы умеете общаться с детьми, - сказал Романо, когда вся компания двинулась в столовую; он вел ее под руку, слегка прижимая к себе. - Теперь я понимаю, почему ваше имя не сходило с губ Лоренцо в ваше отсутствие. Он вас просто обожает.

- Он милый... он прелесть. - Клэр удивилась тому, что простое прикосновение Романо бросило ее в дрожь. - Грейс мне рассказала, что ему пришлось многое перенести: он потерял и родителей, и... сестру. - Клэр запнулась, поняв, что напоминает Романо о его собственном горе. - Но он сумел выбраться из этой ситуации, не разочаровавшись в жизни.

- Да, но часть заслуги в этом принадлежит Донато и Грейс.

Как только запах его лосьона коснулся ее ноздрей - то ли оттого, что запах был превосходен, то ли он идеально отражал сущность самого Романо, - Клэр почувствовала, что в теле ее разливается жар.

- Они решили два-три года отдавать все свое внимание мальчику, чтобы он убедился в их любви и преданности, - сказал Романо. - Потому и не заводили собственных детей.

- В самом деле? - Клэр остановилась в дверях столовой, пропустив вперед остальных. - Они хорошие люди, правда?

- Да, конечно. Но такая доброта иногда делает человека беспомощным, - сказал Романо ледяным тоном. - Доброта - это товар, который нужен в наши дни гораздо меньше, чем скепсис, например. Не верить, сомневаться, вопрошать - вот что гораздо полезнее в наш век.

- Возможно, в определенных условиях, - ответила Клэр. - Но вы же не считаете это правилом на все времена? - Она поежилась от откровенного цинизма его слов.

- Вот именно, считаю, - ответил Романо. Голос его был снова безучастным, хотя он и заметил, что щеки ее порозовели от возмущения.

- Но я с вами не согласна! - воскликнула Клэр, сверкнув глазами и приняв воинственную позу. - Это же ужасно! Значит, вы никому не доверяете, ни в кого не верите и имеете дело только с людьми, на которых у вас уже есть «характеристика».

- Вы, в общем-то, близки к истине, хотя и несколько преувеличиваете. Однако нас ждут, - он кивнул в сторону обеденного зала.

Накрытый стол можно было принять за выставку серебра - солидного, старинного. Сервировку дополняли изящные хрустальные бокалы, скатерти и салфетки из тончайшего льна. В самом центре стола красовался огромный букет из оранжевых цветов, наполнявших зал тонким ароматом.

В течение ужина Клэр не пришлось специально себя успокаивать: одно блюдо сменялось другим (каждое вкуснее предыдущего), вино было изысканным, а хозяйка дома изо всех сил старались, развлекавая гостей. Уходил из памяти утомительный день, который она провела в самолете, потом в автомобиле. Таяли смущение и тревога, вызванные присутствием смуглого красавца, который сидел напротив. Клэр наполняло умиротворение. Хорошая еда, отличное вино и приятный разговор делали свое дело. Клэр знала, что все это лишь короткая передышка, но - необходимая, как воздух.

- Наверное, вы ездили домой переодеваться? - спросила девушка у Романо к концу ужина, хотя мысль эта вертелась у нее в голове весь вечер.

- Да, это совсем недалеко, - ответил Романо, вежливо улыбнувшись. - Вам нужно побывать у меня, пока вы в Сорренто.

Боже мой, получилось, что я напросилась в гости, подумала она с тревогой. Но ведь я не хотела.

- Благодарю вас, но я думаю, у меня будет полно дел с будущей мамашей. - Смягчая отказ, Клэр мило улыбнулась: он должен понять, что она его совсем не привлекает. Однако в его глазах снова мелькнула обычная холодность.

- Я не сомневаюсь, что у вас найдется время, - сказал он строго. - Мне будет приятно вас принять.

Ну вот, я его обидела. Bravo. Видимо, ему ясно, что я поняла: он пригласил меня из вежливости. И теперь будет, по причине чисто итальянского гостеприимства, настаивать на своем.

- Я знаю, как вы заняты, - мне рассказывали Донато и Грейс. Дайте подумать... - Она не закончила фразы, а он все смотрел на нее взглядом, который мешал соображать.

- В субботу вечером, - сказал Романо твердо.

- Что? - Клэр заметила, что остальные трое присутствующих прекратили разговор - они обсуждали имена для будущих новорожденных - и с интересом ждали, что она ответит.

- Ужин - в субботу вечером, в моем доме, - сказал Романо тоном, совсем не напоминавшим приглашение. Эти холодные, жесткие слова скорее можно было назвать приказом. А у Клэр не было желания подчиниться.

- Не думаю, что...

- Разумеется, я также приглашаю Донато и Грейс.

Ну конечно, он понял: она не поедет к нему одна, поэтому и приглашает родственников. Но именно эта скрытая насмешка не позволит ей принять приглашение. Клэр внутренне оцетинилась: что он себе позволяет, в конце концов?

Обращается со мной как с глупой школьницей, не умеющей за себя постоять!

- Извините, Романо. Это очень любезно с вашей стороны, но мне правда хотелось бы сначала обжиться в этом доме. - Сказано было твердо. - Я уверена, что у нас еще будет возможность встретиться.

- Значит, в следующую субботу, - невозмутимо проговорил Романо.

На мгновение девушкой овладела паника: ее пыталась подавить воля гораздо более сильная, чем ее собственная, но отнекиваться дальше - значило бы выглядеть грубиянкой.

- Этого времени хватит, чтобы привыкнуть? - спросил он с притворной, как ей показалось, мягкостью. Черная бровь лукаво приподнялась.

- Думаю, что да. - Клэр лучезарно улыбнулась, делая вид, что не замечает никакого подтекста. И тут же внутренне сжалась, услышав слова Донато:

- Все получается очень удачно. У нас с Грейс как раз на следующий субботний вечер билеты в оперу. Помнишь, Романо, ты подарил их нам к дню моего рождения? Я хотел было предложить, чтобы Грейс пошла в оперу с Клэр, но, раз Клэр будет у тебя в гостях, мы пойдем вдвоем. А

всей компанией – какнибудь в другой раз.

– Конечно, я помню, что в следующую субботу твой день рождения, – ответил Романо. Было в его голосе что-то, что подсказало Клэр: Романо ни на миг не забывал про день рождения Донато и про свой подарок. Она повернулась к итальянцу, чтобы посмотреть ему в глаза. Этот черный омут... – Я уверен, Клэр предпочтет, чтобы вы с Грейс вместе пошли на спектакль, – добавил Романо. – Разве я не прав, Клэр?

– Мне... – О, гром и молния!.. Почему я не согласилась на эту субботу, когда Донато и Грейс тоже могли принять приглашение? – Да, конечно, – поспешно сказала Клэр, потому что черная бровь поднялась еще выше. – Я ни в коем случае не взяла бы твой билет, Донато. Но, может, нас всех устроит суббота еще через неделю?

– Вздор! – произнес Романо так твердо, что было ясно: разговор окончен. – Донато и Грейс будут спокойно наслаждаться музыкой, зная, что вы у меня под присмотром, Клэр. – Черные глаза удерживали ее взгляд, а фраза была явно предназначена для нее одной. Потом выражение его лица стало таким благодушным, что у Клэр появилось желание хорошенько стукнуть его. Романо же обратился к остальным: – Значит, решено? Это будет вечер, приятный для всех четверых.

Только не для меня. Слова эти так громко прозвучали у нее в мозгу, что Клэр была почти уверена: их все услышали. Во всяком случае, Романо услышал.

– Я очень вам благодарна и буду ждать этого вечера с нетерпением.

– Замечательно, – заключил Романо, – очень, очень... *мило* с вашей стороны.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Дура. Господи, какая же я все-таки дура. Сидя у туалетного столика, Клэр сердито посмотрела на собственное отражение в зеркале и откинулась на спинку стула. Ужинать один на один с Романо Беллини – самое последнее из того, чего бы она себе пожелала. Почему же она сейчас так готовится к этому? Ей бы молить Бога, чтобы он наслал на нее головную боль, грипп, умопомрачение – что угодно, только бы предотвратить встречу!

Клэр поерзала на стуле, ненавидя себя за панический блеск в глазах. Она не встречала Романо со дня своего приезда, но каждый раз, когда звонил телефон или раздавался звонок в дверь, сердце у нее екало. И все это – до тех пор, пока Донато случайно не упомянул за обедом, что Романо сейчас за границей, в деловой поездке.

– Он вернется вечером в пятницу, – добавил Донато, как бы подтверждая, что встреча не отменяется. – Клэр, ты готова?

Нет, она была не готова, но у нее не хватало духу сказать об этом вслух. Романо связал ее по рукам и ногам... Остальные же считали, что он просто уделяет внимание девушке, оказавшейся в чужой стране. Вот что ее раздражало!

Громко, сердито вздохнув, Клэр наклонилась поближе к зеркалу и стала наносить последние штрихи макияжа. Учítывая, что за ужином они будут только вдвоем, Клэр оделась просто, но элегантно. Белая вязаная кофта «букле» до талии, с длинным рукавом, длинная юбка из черной джинсовки.

Что касается прически, Клэр закрутила в узел свой каштановые волосы на самой макушке.

Надо надеяться, несколько прядей, свободно свисавших вдоль лица, да еще густая челка несколько смягчат строгий стиль прически.

Осталось наложить серые тени на веки да вдеть в уши большие золотые кольца, и она будет готова. Покончив с этим, Клэр снова критически взглянула на свое отражение. Неплохо, подумала она, хотя я совершенно не похожа на женщин, к которым он привык. Однажды они с Грейс провели вечер, перелистывая альбомы со старыми фотографиями. Клэр убедилась в том, что Бьянка была красавицей и в детстве, и в зрелом возрасте. Тогда это ее почти расстроило.

Видимо, будет не так просто провести вечер с мужчиной, предпочитающим женщин типа манекенщиц: высоких и чувственных. Такими были его приятельницы, снятые с ним еще до появления Бьянки.

- Я думаю, в свое время Донато и Романо были настоящими прожигателями жизни, - сказала в тот вечер Грейс, но по ее улыбке было видно, что бурная молодость супруга несколько ее не трогает.

- Гмм. - Клэр не могла оторвать взгляд от красавца на фото, кажущегося мальчишкой по сравнению с тем, какой он сейчас. Но ведь он потерял жену, а подобная потеря заставит возмужать кого хочешь. - Он очень горевал, когда Бьянка погибла? - осторожно спросила Клэр. - Видимо, для всех вас это был страшный удар.

- Да, страшный. - Клэр замечала и раньше, что ее подруга не очень любит говорить о сестре Донато. И сейчас, видя тень, пробежавшую по лицу Грейс, упрекнула себя за невольно заданный вопрос. - Но Романо справился. Мы все справились.

- Прости меня, Грейс, - проговорила девушка, - мне не следовало спрашивать. Я знаю, что вы с Бьянкой были не слишком близки, но все же она была твоей ровесницей...

- Клэр... - Грейс внезапно замолчала, на лице ее читалась борьба чувств. - Я... есть нечто такое...

- Что именно?

Ответа Клэр не узнала, потому что в комнату ворвался Лоренцо, за ним вошел Донато, и возможность поговорить была упущена.

Робкий стук в дверь спальни прервал воспоминания Клэр, и в ответ на ее «войдите» показалась горничная Джина.

- Извините, синьорина, но синьор уже приехал. - Маленькая горничная сияла так, словно это было изумительное известие. А у Клэр сердце остановилось на миг, а потом понеслось вскачь.

Итак, он здесь. Закрыв дверь, Джина снова оставила ее одну. Клэр зажмурилась, прижав руки к груди, и стала себя уговаривать: спокойно, спокойно.

Обрадуется ли он, узнав, как действует на нее? Клэр открыла глаза и гордо выпрямилась. Нет, она не покажет виду. Скорее умрет... Уму непостижимо, как могло случиться, что эти чувства обрушились на нее, чувства к человеку почти незнакомому. Да ей и не хочется узнавать его ближе! Она его недолюбливает.

Сегодня она будет держаться с ним за ужином холодно и бесстрастно. И даст Бог, ему больше

не захочется повторять это «развлечение», исполняя свой долг родственника и друга семьи.

С этим решением Клэр вошла спустя несколько минут в гостиную. Романо сидел у камина с тлеющими поленьями и листал журнал для автомобилистов, который выписывал Донато. Как только Клэр появилась в дверях, Романо не спеша поднял голову, при этом его лицо было непроницаемо.

- *Ciao*, Клэр.

Он был так же неотразим, как и раньше. Только иначе одет: сейчас короткая кожаная куртка черного цвета с черными джинсами подчеркивали его какую-то темную, магическую силу. Клэр пришлось собраться с духом, прежде чем она смогла ответить:

- Добрый вечер, Романо.

- Это мы еще посмотрим, добрый ли. - Темная голова с блестящими волосами склонилась набок, он улыбался дразняще, но испуганное лицо Клэр заставило его разразиться (уже во второй раз) каким-то дьявольским хриплым смехом. - Простите меня, я, видимо, грубиян, но мне ужасно нравится вас дразнить. Ваши янтарные глазички смотрят так, словно я - сам сатана. Не бойтесь, *tiariccola* [2], я не сожру вас в своем логове.

- Надеюсь, что нет, - ответила Клэр довольно резко. Ей хотелось сразу изменить его представление о себе как о наивной девице. - Прежде всего, я не поддамся.

- Если бы так сказала другая женщина, я бы принял это за простое кокетство. Но у вас, видимо, слово не расходится с делом.

- Вы правы, - жестко ответила Клэр.

- Ну что ж. Мне кажется, вы не согласитесь на краткий романчик с итальянскими декорациями - чтобы увезти воспоминания в Англию. Вот и прекрасно. Теперь мы на равных. - Он сказал это со своей обычной спокойной самоуверенностью. Впрочем, Клэр расслышала некую нотку в его голосе, выдававшую, что ситуация не вполне устраивает Романо.

Итак, самодовольному Романо Беллини не понравилось то, что ему диктуют, как себя вести. Тем более что диктует маленькая, незаметная англичанка. Будь мы незнакомы, думала Клэр, он, возможно, и не взглянул бы на меня дважды. Клэр поспешно опустила глаза - чтобы он не прочел в них эти мысли.

- Так что же - едем? - Клэр старалась говорить ровным голосом.

- Ну конечно. - Он поднялся с кресла с какой-то хищной грацией и подошел к ней. Несмотря на все намерения девушки оставаться хладнокровной, сердце ее учащенно заби-лось. - Позвольте поухаживать.

Взяв из ее ослабевших рук жакет, Романо помог ей одеться с легкостью обольстителя, успев незаметно повернуть Клэр к себе лицом. Он загляделся на нее с нежностью, сразу смягчившей его черты.

- Я надеюсь, Клэр, что вам понравится у меня. - Сказано было тихо, без всякого желания поддразнить. - Нам доставит удовольствие этот вечер. Вы гостя в доме Донато, но для меня важнее то, что вы близкая подруга Грейс. Я тоже хочу быть вашим другом. Вы меня понимаете?

Клэр неожиданно растерялась, она не находила слов, не могла поднять на него глаза. Но через минуту нашла верный тон.

- Я не сомневаюсь, Романо, что мы будем друзьями, - ответила она как можно веселее, - не зря же Донато и Грейс считают вас близким человеком.

- Да, это так, - ответил он. - Может, я, в конце концов, не такое уж чудовище, каким вы меня считаете? - Он глядел своими черными как смоль глазами с густыми черными ресницами прямо в ее золотисто-карие глаза.

Клэр стояла неподвижно, а смуглое лицо какой-то миг парило над ней, и вдруг его твердо очерченные губы коснулись ее губ, потом лба, потом он выпрямился и отпустил ее - и все это почти в одну и ту же секунду.

Пока она приходила в себя, Романо уже пересекал огромную гостиную. Клэр поспешила за ним, а голова ее все еще кружилась, сердце стучало. Видимо, это по-итальянски, подумала она в дверях, где он на миг замер, пропуская ее вперед. Этот поцелуй неотделим от его безупречных манер, его умения красиво ухаживать и опекать женщину. Неотъемлемая часть романской культуры: там, где англичанин пожмет руку, итальянец поцелует. Но это светский обычай, не более того.

- До свидания, Джина. - Глубокий баритон Романо пробудил Клэр к реальности. Она осознала, что прошла мимо горничной как слепая, не заметив.

- Простите меня, Джина, - улыбнувшись, Клэр притронулась к плечу девушки. - Я обещала Лоренцо, что позабочусь о его попугае, когда вернусь. Накрою клетку платком и прочее. Так что не беспокойтесь о нем, ладно?

Лоренцо уехал к другу с ночевкой, и Бенито, как всегда, был главной заботой мальчика.

- Хорошо, синьорина. - На лице Джины было написано облегчение. Всю семью забавляло соперничество между слугами и то, что проницательный попугай все замечает. А зловердная птица, понимая, что слуги ее боятся, бессовестно этим пользовалась.

- Как только закончите свои дела, ложитесь спать. И скажите Анне и Чечилии, что они могут сделать то же самое.

- Хорошо. До свидания, синьорина. До свидания, синьор.

Романо и Клэр вышли из дома. Их встретила мягкая февральская ночь с ее прохладным, влажным воздухом, пропитанным слабым запахом дремлющих цветов и деревьев. Казалось, что Лондон, где, судя по сводке погоды, сегодня была самая жестокая за последние годы метель, этот Лондон находится на другой планете. А здесь... здесь по черному бархатному небу неспешно проплывала луна, черная бездна сверкала мириадами звезд, словно усеянная бриллиантами.

- Какое удивительное небо! - вырвалось у Клэр. Она подняла вверх лицо с полузакрытыми глазами, наслаждаясь волшебством итальянской ночи. - Оно так красиво, что кажется нереальным, правда?

- Да, слишком красиво, - мягко ответил Романо, но взгляд его был прикован к изящному профилю Клэр. Романо вел ее к красному «феррари», припаркованному у парадной лестницы.

- Вы везли меня из аэропорта не на этой машине, - заметила девушка, спускаясь по ступенькам.

- У меня две, - сухо ответил Романо. - А что, она вам не нравится?

- Да нет же, нравится, она... - Клэр прикусила язык, чуть не сказав «милая». - Она очень, очень впечатляет.

- Я вообще люблю машины, - отозвался Романо, открывая для нее дверцу и жестом приглашая садиться. - Эта машина, - продолжал он, - не только красива. Она подчиняется моему малейшему желанию. Как идеальная женщина, я бы сказал.

Клэр дернула головой, готовясь к словесной битве, но поймала смешинки в черных глазах Романо и промолчала.

Когда Романо скользнул на место водителя, Клэр вдруг осознала свою беспомощность в машине, этой ловушке, рядом с итальянцем.

Они не спеша ехали по широкой извилистой дороге, окаймленной по обеим сторонам роскошными садами. Потом выбрались на шоссе.

Клэр влюбилась в Сорренто еще во время прошлогогоднего пребывания в этих местах. Город расположен в горах над прозрачными голубыми водами Неаполитанского залива. Величественная морская панорама, симпатичные, словно с цветной открытки, улочки и переулочки, красивые площади, магазинчики - все это покорило ее сердце. Теперь же прекрасный южный город пробежал мимо, почти не замеченный девушкой, которая пыталась совладать со своими чувствами.

Держи себя в руках, мысленно повторяла Клэр всю дорогу, вплоть до самой виллы Романо.

Грейс рассказывала ей, что усадьба Беллини расположена в районе Сорренто, который называется Сант-Анжело, среди обширных апельсиновых рощ, насаженных предками Романо еще два века назад. Вот уже много лет апельсины составляют основную часть богатства Романо. Теперь он так же, как его отец и дед, вкладывает деньги в самые разные, но неизменно выгодные предприятия и владеет целой империей бизнеса, являясь к тому же единственным представителем фамилии. Родители его погибли во время морской прогулки на яхте, когда Романо был еще подростком.

Наконец «феррари» подъехал к воротам виллы. Луна ярко светила, и Клэр невольно прильнула к окну, горя желанием увидеть дом, в котором живет Романо.

- О, Романо... - вырвалось у нее. Вилла выглядела совершенно иначе, чем Каса Понтина, но, на вкус Клэр, была намного красивее. Приземистый, широкий и длинный дом, построенный в старинном стиле, казался гораздо уютнее, чем роскошный дом ее друзей. Старые незыблемые стены нежно-кремового цвета были увиты цветущей бугенвиллеей и огненно-красным плющом, а решетчатые окна и узорчатые балкончики из кованого железа напоминали о неторопливой жизни давно ушедших лет.

Обогнув посреди двора фонтан с нежно журчавшей водой, автомобиль остановился. К своему изумлению, Клэр увидела в одном конце двора голубятню из белого камня - с живыми голубями. Голубятня была не просто красивой - это было нечто прекрасное, даже волшебное. На минуту Клэр потеряла дар речи.

- Вам нравится? - спросил Романо, заранее уверенный в ответе: голубятня не могла не понравиться. Клэр не сомневалась, что он и привез ее сюда для того, чтобы произвести впечатление, показать, что он нечто большее, чем сердцеед и безжалостный делец, каковым она его считала. Однако каков же он на самом деле?

вернуться

2

Моя малышка (итал.)

Пока Клэр смотрела на дом, Романо, в тишине машины, вглядывался в ее тонкий профиль. Он не мог сказать, каков он или каким хочет быть. Но твердо знал: он не хочет больше никаких связей, обязательств или ответственности за кого-то. Все это кончилось в один прекрасный летний день, почти три года назад.

С этими мыслями Романо вышел из машины, не дожидаясь ответа девушки. Открыв ей дверцу и подав руку, он не улыбнулся даже в ответ на ее слова:

- Конечно, мне нравится, Романо. Я бы сказала, что это самое красивое место на земле.

- Вы, англичане, любите все преувеличивать. - Теперь он улыбнулся, но холодной, отстраненной улыбкой, такой же, какой встретил ее в аэропорту.

Разве она преувеличивает? Внезапно разозлившись, Клэр, как всегда, вздернула подбородок и прошествовала к парадной двери, обогнав итальянца.

В напряженном молчании они вошли в дом, где все дышало тем же покоем, что и снаружи: пол из золотистого полированного дерева, стены, выкрашенные белой краской и оживленные редкими картинами - работами старых итальянских мастеров...

- Давайте пройдем в гостиную, - сказал Романо и пошел вперед, даже не прикоснувшись к ее руке. Миновав винтовую лестницу, они оказались в длинной, красиво обставленной комнате; видимо, она тянулась по всей длине дома. Одна стена, стеклянная от пола до потолка, включала несколько французских окон-дверей; стена выходила в сад, который сейчас был искусно освещен.

- Что будете пить? - спросил Романо ровным тоном. - Вино, шерри или что-нибудь покрепче?

- Романо, может, я что-то сделала не так? Обидела вас? - тихо спросила Клэр.

Она не собиралась этого говорить, слова выскочили сами собой. Он долго смотрел на нее, прежде чем сказал:

- Почему вы так решили?

- Вы заставили меня так думать. - Она и правда не хотела с ним ссориться. Ей предстояло жить в Италии какое-то время, и их пути должны были пересекаться чаще, чем ей бы хотелось. Именно поэтому она не могла допустить, чтобы вечер был испорчен пререканиями.

- Клэр... - Романо замер, глядя на нее, готовую защищаться. Глаза ее горели, рот сжался. Она пыталась скрыть свою уязвимость и смущение. Он покачал головой. - Видимо, я зря привез вас

сюда, это несправедливо по отношению к вам. Я из тех людей, с которыми нелегко. С тех пор как погибла моя жена... – он жестом предложил ей сесть в кресло, – с тех пор, как жена погибла, я старался жить просто, ни чем себя не обременяя. Мне так нравится.

- А что – пригласить кого-то на ужин для вас слишком обременительно? – Клэр едва верила тому, что она это произнесла.

Она права, черт возьми, подумал Романо. Чего я от нее добиваюсь? Она дала ясно понять, что хочет видеть меня как можно реже, я же вынудил ее принять приглашение. Зачем? Я ей не нравлюсь, и это меня вполне устраивает. Значит, лучшее, что я могу сделать, это провести с ней вечер и – с плеч долой. Но я никак не мог предположить, что, видя ее здесь, в своем доме, почувствую... почувствую...

- *Scusi*. – В один момент вернулся отстраненный, ироничный, очаровательно небрежный тип. Вернулся бизнесмен, у которого весь мир в кармане. – Вы правы, Клэр. Простите. Вернемся к напиткам. Что вам налить?

- Белого вина, пожалуйста.

Пока он наливал, Клэр наблюдала за ним, внешне спокойная, но одолеваемая бурей чувств. Притворяйся равнодушной, Клэр, холодной и незаинтересованной, внушала себе девушка. Решение, принятое раньше, окрепло в ней. Этот Романо – богатый и всемогущий красавец с лицом киногероя – вместилище всего, что она ненавидит в мужчинах. Холодный, самодовольный эгоист. Впору пожалеть его покойную жену; видимо, жизнь с ним была сущим адом...

- Вы меня отпустите на несколько минут? – спросил Романо. – Я должен заняться ужином.

Голос его прервал ее мысли, и только тут она заметила, что он стоит перед ней с бокалом в руках. Клэр так быстро схватила бокал, что чуть не выронила его.

- Ужином? – она уставилась в недоумении на Романо. Он сам займется ужином? А где же кухарка?.. – Да, конечно. А разве у вас нет... – она растерянно замолчала.

- Прислуги? – спросил он тихо. – Да нет, Клэр, боюсь, мы с вами в доме одни. Никто не будет вашей дуэньей.

Дуэнья? Этого смысла она не вкладывала в свои слова, ну да ладно...

- При жизни моей жены, – продолжал Романо, – у нас беспрестанно менялись слуги, и ни один человек не мог продержаться больше нескольких месяцев. Ей было очень трудно угодить. Она, как правило, сравнивала наших слуг с вышколенной службой в Каса Понтини и находила в наших всевозможные недостатки. А когда ее не стало... ей-Богу, мне не захотелось начинать все это сначала. Намного проще обслуживать себя самому. Правда, есть женщина, которая приезжает из Сорренто через день, убирает и стирает.

- Понятно. – Клэр все еще смотрела на него с изумлением. – Значит, вы умеете готовить? – Это как-то не вписывалось в созданный ею образ.

- Давайте выслушаем вас после дегустации, – мягко ответил он.

- Что ж, хорошо.

Ужин оказался превосходным. Суп, как заверил ее Романо – когда Клэр заметила, что суп очень вкусный, – был не из концентратов. Второе блюдо – рис с зеленым горошком, луком и ветчиной, тушенными в курином бульоне, – было настолько сытным, что заменило бы весь ужин целиком, не будь остального. За рисом последовал омар, таявший во рту – так же, как и сочные овощи в гарнире. Завершили ужин апельсины в жженом сахаре – еще один кулинарный шедевр.

Ну ладно, он умеет готовить, думала Клэр с досадой. Ну и что же? Мужчины должны это уметь. Между тем два больших бокала ароматного сухого вина делали свое дело: голова ее слегка кружилась, и красивое смуглое лицо слегка расплылось перед ней.

- Кофе? – спросил Романо глубоким, мягким голосом, который почему-то ее возбуждал.

- Да, спасибо, – поблагодарила Клэр. – Какой прекрасный обед вы приготовили, Романо... Должна признать, вы первоклассный повар.

Он слегка поклонился, потом со своей иронической улыбкой произнес:

- Сознайтесь, вам не хотелось это говорить. Эти слова противоречат тому образу, что вы припрятали в своей головке: там я нахал, просто свинья... Уверяю вас, я не уникален, – добавил Романо, – в Италии многие мужчины умеют готовить.

Клэр заставила себя улыбнуться, чтобы он не понял, что почти угадал. А еще – что она чуть опьянела.

В течение этой долгой, неторопливой трапезы Романо без устали подливал вино в ее бокал, одновременно рассказывая короткие забавные истории, которые не вязались с его обликом. Клэр и не заметила, как выпила довольно много. Не настолько, чтобы опьянеть, но достаточно, чтобы чувствовать себя размякшей и беспечной. Но она держала себя в руках, зная, что следует сохранить ясность мысли.

- Мы будем пить кофе в гостиной, – сказал Романо, отодвигая ее стул, так что ей волей-неволей пришлось встать и последовать за ним в комнату, которую она уже видела. И если в столовой, где их разделял огромный полированный стол, вся обстановка была как бы официальной, то здесь Клэр ждала неизвестность.

- Садитесь, – пригласил Романо. Она не поняла, как он ухитрился усадить ее на один из диванов, мягких, обитых роскошной тканью, – вместо стула, который она себе наметила. Через минуту-другую он появился из кухни, неся поднос с горячим ароматным кофе.

Клэр не знала, разозлиться ли ей или обрадоваться, когда итальянец сел в кресло напротив, поставив кофейный столик так, что он стал преградой между ними.

Итак, напрасны мои страхи, что он будет меня соблазнять, подумала она, придется приструнить свое воображение. Вероятно, я возбуждаю его не больше, чем мраморная Венера в углу комнаты.

Романо подал ей чашку с кофе, Клэр протянула руку – вот тут-то все и случилось. Чашка накренилась, соскользнула с блюдца, и горячий кофе разлился по ее ногам.

Хотя толстая джинсовая юбка предохранила Клэр от сильных ожогов, все же было очень больно. Издав громкий стон, Клэр вскочила с места.

- Холодной водой!

- Что?!

Опомнившись, Клэр осознала, что Романо бежит вверх по лестнице – с ней на руках. Кожа горела. Клэр не понимала, от чего кружится голова: от боли или от выпитого вина. А может, от того и другого?.. На втором этаже, прижимая ее к своей мускулистой груди, Романо устремился напрямик к одной из ванных комнат. Клэр чувствовала, что сердце его стучит как молот. Кожа Романо отдавала чем-то пьянящим и терпким. Наконец он поставил ее на ноги.

- Снимите юбку.

- Что?! – Она смотрела на него в ужасе, а он не мешкая усадил ее в плетеное кресло напротив душа и направил холодную струю вниз, в решетчатый пол.

- Ваша кожа будет гореть, значит, нужно ее охладить. Снимите юбку немедленно, – сказал он твердо.

- Тогда выйдите, пожалуйста. – Она смотрела на него умоляюще.

- Не выдумывайте. У вас болевой шок, вы можете упасть, – в голосе его было раздражение. – Девушка, я же не прошу вас раздеться догола. Только снимите юбку! На вас останется намного больше одежды, чем на пляже.

Клэр чувствовала, что не может, не в силах раздеться: рука ее инстинктивно прижалась к тому месту, где на животе остался шрам. Вязаная кофточка доходит только до талии, а трусики-бикини прикрывают лишь то, что необходимо прикрыть. Клэр запаниковала. Он увидит шрамы...

- Ну хорошо. Я отвернусь, а вы будете лить воду себе на ноги. И скажите мне, если почувствуете головокружение или что-то в этом роде. – Он явно терял терпение. – Я и не подумаю вас насиловать, черт возьми! Я даже не подойду ближе, чем на полшага. Да встаньте же, наконец, под этот проклятый душ!

Сняв юбку, Клэр встала под «проклятый душ»; струя холодной воды полилась на горевшую кожу ног, и она сразу же почувствовала облегчение. К ее досаде, одежда, прикрывавшая ее сверху, тоже промокла в несколько минут, хотя струя ручного душа была направлена в пол. Клэр стояла промокая насквозь и дрожала от холода. А напротив маячил Романо, всей своей позой выражая гнев и обиду. Вдруг ей подумалось, что все ее тщательные приготовления к этому вечеру пошли насмарку и теперь она выглядит как ондатра, вылезшая из ручья. И ей стало смешно.

- Долго мне еще так стоять? – спросила Клэр, когда тело ее стало неметь от холода. – Я замерзла.

- Нужно десять минут душа. Значит, осталось еще пять, – сказал Романо сердито. – Как вы думаете, могу я оставить вас и навести порядок внизу? Вам ничего не требуется?

- Нет. – Поколебавшись, девушка добавила: – Боюсь, я промокла насквозь. Можно мне взять какой-нибудь ваш халат?

- Конечно, можно. Вон в том углу, в шкафу, полно халатов, да и полотенце тоже.

- Спасибо. - Учитывая свое дурацкое положение, Клэр говорила смиренным тоном.

Когда Романо ушел, она послушно поливала себя еще пять минут, потом сошла с решетки и насухо вытерлась. Теперь кожа была лишь светло-розовой и совсем не болела, если не считать того места, куда упала чашка с кофе. Сняв с себя мокрую одежду, Клэр порылась в шкафу, где было столько халатов, что хватило бы для отдыхающих небольшого санатория, и выбрала себе синий махровый и мягкие шлепанцы в тон. И то и другое было гораздо просторнее, чем ей требовалось по размеру.

Оставив на решетчатом полу свою мокрую одежду, Клэр вышла из душевой и побрела на лестничную площадку. К счастью, прическа ее почти сохранилась, волосы все еще были собраны на макушке в узел. Зато в остальном она являла собой комическое зрелище: рукава халата, подвернутые несколько раз, были все равно длинны, подол тащился по полу, шлепанцы падали с ног. Никогда еще она не чувствовала себя такой нелепой...

- Привет, - сказала Клэр, став на пороге гостиной. Романо сидел с закрытыми глазами, и было непонятно, дремлет он или просто размышляет. Она поняла лишь то, что кровь ее снова побежала быстрее и сердце забилося при виде него. Озноб от холодного душа сменился жаром во всем теле.

Романо не спеша выпрямился в кресле и открыл глаза. Его взгляд остановился на девушке. Он проделывал это и раньше, гипнотизируя ее. Не говоря ни слова, он встал и направился к ней гибкой походкой тигра. У Клэр все внутри задрожало.

- Вам холодно, - сказал он, заметив ее дрожь. Клэр не могла вымолвить ни слова. Она знала, что сейчас произойдет, но не могла этого предотвратить. - Я вас согрею.

И, не успев охнуть, она оказалась в его объятиях, его губы впились в ее рот. В голове промелькнула мысль: я знала, что это случится, знала с той самой минуты, когда его увидела. Это было неизбежно...

Руки ее легли на его мускулистые плечи, а тело невольно прижалось к нему. Его поцелуй породил в ней желание, пронзившее ее как кинжал.

Он был хорош, Боже, как он соблазнителен! Сколько же женщин перебивало в его руках, если он умеет так целовать?.. Но это свидание для него - всего лишь эпизод.

- Клэр, моя маленькая, теплая Клэр... - бормотал он, целуя ее шею. - Я с ума схожу, я обезумел...

Снова его рот овладел ее губами, это был голодный, жадный поцелуй. Клэр прижалась к Романо, отвечая с такой же страстью.

Теперь, сквозь тонкий покров одежды, она могла почувствовать, как он возбужден. Ей следовало бы испугаться этого неведомого ощущения... Она не испытывала ничего подобного с Джефом. А с тех пор как Джеф ее бросил, она не смотрела на мужчин. Но происходящее сейчас доставляло ей высшее, пронзительное наслаждение. Потому что Романо желал ее.

Руки его скользили вверх и вниз вдоль ее тела, сначала по халату, а потом, со стоном желания, он проник под этот покров и стал ласкать ее груди. Клэр затрепетала. Соски ее набухли. Но когда руки его скользнули вниз и пояс халата развязался, она вскрикнула:

- Не надо! - Возглас этот был продиктован инстинктом, да еще памятью о словах Джефа... о его

отвращении к ее израненному в аварии телу. Клэр отступила от мужчины так резко, что выдала свой панический страх. Отвернувшись, она поспешно завязала пояс халата.

- Я... не хочу... - лепетала она, заикаясь. - Не могу...

- Хорошо, хорошо, я не буду, - успокаивал ее Романо. Но когда он сделал шаг к ней, она, скрестив руки на животе, отшатнулась прочь, с лицом белым как мел.

- Не прикасайся ко мне, - прошептала Клэр. - Отвези меня в Каса Понтина, сейчас же. Прошу тебя.

- Не смотри на меня так, я не причиню тебе зла. Я не желал, чтобы это случилось, так же, как и ты, - сказал Романо. - Это произошло само собой. Клэр...

- Я не хочу ничего такого. Я не хочу тебя. - Объятая страхом и стремлением скрыть свой «изъян», Клэр плохо понимала, что говорит. - Я не такая, как ты: не завожу романы, не сплю со всеми подряд...

- Минуточку, - сердито перебил Романо. - Что тебе наговорили обо мне?

- Ничего. Никто... никто ничего не говорил. Просто я... видела фото...

- Какие еще фото? - зарычал он.

- В альбоме.

- Дорогая, я никогда не обладал большим терпением, но и то, что у меня было, кончается. - Романо заскрипел зубами. - Соблаговоли объяснить, какие фото ты видела. И где?

- У Грейс. - Набрав побольше воздуха, потому что голос ее не слушался, Клэр продолжала: - Там ты и Донато... с разными женщинами. Еще до женитьбы.

- Ах до-о-о... - протянул он с иронией. - Значит, увидев меня и Донато на фото с женщинами, ты сделала вывод, что я сексуальный маньяк? Извращенец?

- Нет, но...

- Не «нет» а «да». Ты считаешь, что я спал со всеми женщинами, с которыми встречался до женитьбы, так? - Глаза его сузились и сверкали как стальные клинки. - Поскольку ты близкая подруга Грейс, я кое-что тебе объясню. Женившись на Бьянке, я уже не был девственником. Но и не вел себя как жеребец-производитель. Это понятно? - Теперь глаза его полыхали огнем. - Не стоит меня бояться: того, что было сегодня, больше не произойдет. Это была случайность. - Презрение, с которым он смотрел на нее, было трудно перенести. - И не могу сказать, что мне это так уж понравилось.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Так мне и надо, думала Клэр, плывя по огромному, олимпийских размеров бассейну. Делая мощные броски, выкладываясь до последнего, она словно бы хотела избавиться от мысли, преследовавшей ее с того несчастного вечера, три недели назад. Да, я заслужила от Романо те резкие слова... Но все равно их было очень тяжело вынести.

В тот вечер в машине, пока он вез ее домой, царило напряженное, ледяное молчание. Клэр куталась в огромный халат, а подъехав к Каса Понтина, без слов вышла из «феррари». Видя,

как машина с ревом понеслась по аллее прочь, Клэр поняла, что стала идиоткой в глазах Романо.

С того вечера он несколько раз был в доме, но явно старался не оставаться наедине с Клэр.

- Клэр, - спросила как-то Грейс, - вы с Романо не поссорились? В тот субботний вечер, я хочу сказать. У вас все в порядке?

- Конечно. - Вот чего не хотелось Клэр, так это волновать подругу в последние дни ее беременности. - У нас все нормально. Просто мне кажется, что мы не очень подходим друг другу, у нас мало общего. Нам не о чем говорить, вот и все.

- Зато у тебя, видимо, много общего с молодым де Медичи, - поддразнила ее Грейс. - Я заметила, что вы прекрасно ладите друг с другом.

- Аттилио - милый человек. Не говоря уже о том, что замечательный репетитор. Как давно он занимается с Лоренцо?

- Несколько лет. Аттилио очень подходит племяннику. И попугаю, - добавила Грейс иронически. - Хотя учитель настоял на том, чтобы заниматься в комнате, где не будет Бенито.

- Это можно понять, - сказала Клэр. И правда, попугай бывал очень криклив, когда ему не уделяли внимания.

- Ты не находишь, что учитель довольно привлекателен? - спросила Грейс.

- Кажется, да, - рассеянно ответила Клэр.

- Просто «да»? - переспросила Грейс. - Ну что ж...

Вспоминая этот разговор, Клэр вылезла из бассейна и постояла, пытаясь отдышаться. Было начало марта, дни выдались довольно теплые и приятные, хотя солнце еще не светило во всю мощь.

Клэр потянулась было к своему халату, оставленному у края бассейна, когда к ней подбежал Лоренцо. За ним появился Аттилио.

- Клэр, ты ведь не уходишь? Не уходи, Клэр, давай поиграем в воде, а?

- Не знаю, право...

- Хорошо бы вы остались, Клэр. Подумайте, как мне будет трудно с ним справиться без вас, - вмешался Аттилио. - Этот сорванец уже полчаса как пристает ко мне с купаньем, зная, что вы здесь. Но я - учитель строгий и настоял на том, чтобы он доделал свое задание.

Клэр неопределенно улыбнулась: в словах репетитора вроде бы не было ничего такого, что могло бы ее смутить, фактически же за последние полмесяца был один или два случая, когда она почувствовала, что нравится Аттилио. А если это действительно так, то совсем ни к чему поощрять его. Он очень привлекателен, с этими темными глазами на смуглом лице и светлорусыми, почти белокурыми волосами. Но хотя она с ним на дружеской ноге, дальше этого идти не стоит.

Аттилио - настоящий джентльмен, он очень вежлив и забавен. Но он давно догадался, что хозяйева виллы и их друзья не включили его в свой круг, невзирая на его знатное

происхождение. А ему явно нравились девушки-англичанки и американки, в свои двадцать девять лет он был не прочь остепениться, женившись на «подходящей» девице. Уже несколько раз учитель вместе с Лоренцо разыскивал ее после занятий. А Клэр испытывала неудобство, зная, что ничего любовно-романтического между ними не будет.

- Пошли, Клэр. - Лоренцо решил вопрос просто: он отнял у нее халат и подтолкнул ее к бассейну. Она вновь оказалась в прозрачной голубой воде, позолоченной солнечными лучами.

- Давай устроим догонялки в воде, а ты будешь водить, ладно? - Лоренцо смотрел на девушку просительно и с такой улыбкой, против которой было невозможно устоять.

По правде говоря, ей было удобнее в воде. Уже очень внимательно смотрел на нее Аттилио, и хотя черный купальник закрывал ее почти всю, мокрый трикотаж так прилип к телу, что полные маленькие груди с торчащими сосками обозначались очень четко.

- Но с тобой трудно играть, ты слишком быстро плаваешь.

- Да, здесь я с вами соглашусь. - Аттилио оказался совсем рядом, и уже в который раз Клэр мысленно задалась вопросом, почему бы ей не влюбиться в него. У него стройное, гибкое и в то же время мускулистое тело, и его очень красит ранний загар... Но вот искры между ними почему-то не возникает... - Когда вы истратите лишнюю энергию, мы поиграем в мяч, идет? - продолжал Аттилио. - А «свинка» будет в середине.

- Клэр будет «свинкой»! - закричал Лоренцо.

- Ну уж нет, Клэр никак не «свинка», - возразил Аттилио. - Клэр у нас голубка, чистая, нежная голубка. - Теперь он плыл рядом с ней, отчего смущение Клэр усилилось.

- Я так не думаю, Аттилио. - Произнеся это, Клэр хлебнула воды и закашлялась. - Моя мать знает меня лучше, чем кто-либо другой, и она всегда звала меня «Завитушкой».

- Странно, - сказал Аттилио, окинув взглядом ее прямые волосы.

- Просто вы не знаете одного детского стихотворения: «Жила была девчушка, головка в завитушках...» В нем говорится о том, что, когда девочка хотела, она была сама благовоспитанность. А иногда в нее вселялся бес.

- И ваша мама считала вас... бесенком. - Аттилио рассмеялся.

Клэр тоже засмеялась.

- В некоторых случаях я оправдывала это мнение. Например, когда заперла своих братьев в подвале (они меня дразнили) и спрятала ключ. В конце концов отцу пришлось высадить дверь.

- Не могу в это поверить.

Теперь к ним подплыл Лоренцо, он совсем забыл про догонялки, поскольку разговор был уж очень интересным.

- А еще? Что еще ты вытворяла, Клэр? - спросил Лоренцо.

- О-о-о, я была просто чудовищем! - Она рассказывала им одну историю за другой, и через несколько минут общий смех этой троицы уже разносился над всей усадьбой. Держась за руки, они плескались водой и предавались бурному веселью, которое прервал неожиданно

прозвучавший низкий холодный голос:

- Клэр! Тебя ждут в доме.

Романо. Только благодаря тому, что Аттилио и Лоренцо ее поддержали, Клэр не пошла камнем ко дну, вдруг увидев огромную, мощную фигуру в дальнем конце бассейна.

- Что-нибудь случилось? - вскрикнула Клэр.

- Грейс неважно себя чувствует, - сказал Романо таким тоном, будто в этом была ее, Клэр, вина. - Я думаю, тебе следует прекратить шумную возню и вернуться в дом.

Клэр с тревожно бьющимся сердцем быстро поплыла к краю бассейна.

Романо уже стоял с ее халатом наготове. Он нагнулся и протянул руку, чтобы помочь ей, и она увидела над собой темное, как грозовая туча, лицо.

Отвергнув его помощь, девушка подтянулась на руках и выбралась из воды. Вырвала из рук мужчины халат, плотно завернулась в него и завязала пояс.

- Клэр! - Обернувшись на зов, она увидела Аттилио, плывшего к ним вместе с мальчиком. - Можно мне пойти с вами и помочь, если нужно? - Держась за цементный край бассейна, он смотрел на нее снизу вверх. Мускулы на его плечах красиво напряглись.

Клэр открыла было рот, чтобы поблагодарить и отказаться, но Романо ее опередил, сказав голосом, «мягким» как наждак:

- В этом нет необходимости. Грейс хочет лишь немного тишины и покоя в обществе своей подруги, вот и все. Надеюсь, ты уже успела наплаваться и это не будет для тебя большой жертвой? - добавил Романо, глядя на Клэр.

- Никакой жертвы. - Она понимала, что он явно жаждет ссоры. Ей хотелось стукнуть его. Ведь она все утро провела с Грейс, и та сама предложила подруге освежиться в бассейне. Клэр перевела взгляд на Аттилио и сказала мягче: - Спасибо, но я уверена, что все будет в порядке. - Увидев, что Лоренцо принялся нырять, не обращая внимания на взрослых, она добавила: - Мне кажется, пока я не узнаю, что случилось, вам лучше подержать мальчика здесь... с полчаса.

- Понимаю. - Как только Лоренцо вынырнул, Аттилио тронул его за плечо: - Давай поупражняемся в плавании: двадцать раз по бассейну туда и обратно. Все равно у нас сейчас урок физкультуры.

- Спасибо, Аттилио, - тихо проговорила Клэр.

- К вашим услугам, - улыбаясь, ответил учитель.

- Так что же? Ты будешь стоять, глаза на своего обожателя, или вернешься в дом и позаботишься о Грейс? - холодно спросил Романо.

- На моего... кого?

- Обожателя. Впрочем, не знаю, какое слово здесь лучше бы подошло. - Романо уже повернулся и направился к особняку. Клэр пришлось едва ли не бежать рядом с ним. Голова ее доставала лишь до его плеча. Романо засунул руки в карманы, глаза его смотрели вперед.

- Здесь подошло бы слово «друг», но это, между прочим, не твое дело. - Теперь глаза девушки метали искры, она могла бы сказать, что еще никто, за всю жизнь, так ее не злил. —

Меня возмущают твои придирки, я ни в коей мере не оставляю Грейс без присмотра.

- Ах, вот как. - Казалось, чем больше горячилась девушка, тем более холодным и отстраненным становился ее собеседник.

Клэр резко повернулась и встала перед ним, загородив дорогу.

- Не смей со мной так разговаривать! Являешься сюда... бросаешь мне в лицо обвинения...

- Никаких обвинений я не бросаю, - сказал он мрачно.

- Бросаешь! - Она почти наскочила на него. - Я знаю, я была не в своей тарелке в тот вечер, у тебя дома, наговорила лишнего и очень об этом сожалею. Но... - она запнулась, - я не хотела допустить того, о чем бы мы оба потом пожалели. Мне следовало бы остановиться и остановить тебя даже раньше... И, однако, случившееся не дает тебе права вести против меня... эту зловещую кампанию, иначе не назовешь. - Клэр уже не могла сдержаться. - Ты страшный человек, холодный и жестокий. Ненавижу!.. Ненавижу тебя!

Клэр увернулась от руки, которую мужчина протянул, чтобы ее схватить, и помчалась к особняку. Она слышала, что Романо ее зовет, громко и сердито, но не остановилась. Словно вихрь ворвалась она в вестибюль Каса Понтина и только здесь немного постояла, чтобы успокоиться. Сделав несколько глубоких вдохов, она пригладила мокрые волосы и быстро прошла в гостиную, где Грейс, прикрыв глаза, отдыхала на одном из диванов.

- Романо говорит, что тебе плохо, - сказала Клэр, волнуясь. - Что с тобой?

- Ничего, - открыв глаза при ее приближении, произнесла Грейс сонным голосом. - Не считая легкой боли то тут, то там. Именно этим я и поделилась с Романо. Но мужчины сходят с ума, когда речь идет о беременности. Донато - точно такой же. Если бы мне было плохо, я сама позвала бы тебя. - Грейс села. - А что случилось? Что тебе сказал Романо? - Теперь она окончательно проснулась.

- Сказал, что мне следует немедленно вернуться, - произнесла Клэр ровным голосом, опускаясь в кресло рядом с подругой.

- Боже мой, мужчины! Эти двое доведут меня до психушки прежде, чем я рожу. Из-за них уже и Лоренцо смотрит на меня с тревогой. Ты же знаешь, если бы ты была нужна, я послала бы за тобой кого-нибудь из горничных... А ты купалась?

- Да. Аттилио и Лоренцо нашли меня, и мы договорились устроить соревнования. Как раз начали резвиться, когда пришел Романо, - быстро заговорила Клэр.

- Резвиться, говоришь? - как-то сосредоточенно переспросила Грейс. - И он сказал, что тебе следует вернуться в дом?

- Да. - Что-то в голосе подруги заставило Клэр насторожиться. - А что?

- Да нет, ничего. - Грейс пожала плечами. - Тебе не показалось, что Романо как-то... нервничал?

- По поводу тебя? Конечно, нервничал. - Отвечая, Клэр поднялась: она услышала голос Романо, что-то говорившего одной из горничных в холле, и решила, что лучше ей сейчас удалиться. Она примет душ и переоденется. И если повезет, то, когда она вернется, он уже уйдет.

- Я найду к тебе попозже, - сказала Клэр подруге.

- Ладно.

Наблюдая, как Клэр и Романо, встретившись в дверях, обменялись холодными взглядами, Грейс призадумалась. Кажется, они успели поссориться. Интересно, из-за чего. Очень интересно. Погладив рукой большущий живот, Грейс приветливо улыбнулась гостю, который сел в кресло напротив.

Когда минут через двадцать Клэр, в узеньких джинсах и свободном, мешковатом свитере почти до колен, вошла в большую гостиную, она с досадой обнаружила, что Романо все еще в доме.

Как ей ни хотелось не обращать на него внимания, сердце ее предательски забилося еще на лестнице, при звуке его голоса. И хотя она надела маску холодного равнодушия, у нее засосало под ложечкой.

- Привет, - сказала Грейс, весело улыбаясь, - как раз о тебе мы только что говорили. Я в затруднении, и Романо обещал меня выручить.

- Правда? - Клэр бросила на мужчину осторожный взгляд. Вот уж кого она не видела в роли спасителя, так это Романо Беллини.

- Ты же помнишь, - продолжала Грейс, - что мы планировали навестить, все вчетвером, с тобой и Лоренцо, наших знакомых Анну и Алессандро. Так вот, сегодня я почувствовала, что автомобильная поездка мне повредит.

- Можно ведь и не ездить, - тут же ответила Клэр, чуя недоброе.

- Но Лоренцо так расстроится, - в голосе Грейс был легкий упрек. - Ты же знаешь, как он любит Джузеппе, и они уже целую вечность не виделись. Кроме всего прочего, Анна и Алессандро жаждут познакомиться с тобой. Я им столько о тебе рассказывала!

Клэр с усилием улыбнулась.

- Донато тоже не поедет, если я останусь дома. Но Романо завтра свободен, и он сказал, что с удовольствием отвезет тебя и Лоренцо в Амальфи. Он и сам хотел навестить наших общих знакомых.

Что тут ответить? Клэр охватила паника, в ушах зазвенело.

- Если Романо заедет за тобой и Лоренцо завтра в девять утра, тебя это устроит? - В тоне Грейс даже не было вопроса. - Тебе понравится у них, Анна просто душка. А поскольку Лоренцо останется ночевать, ты сможешь уехать в любое время, хоть сразу после ленча.

- Понимаешь, Грейс, я...

- Ты очень меня выручишь, я не буду думать, что нарушаю всем планы, - сказала Грейс, теперь уже жалобно.

Боже, вздохнула про себя Клэр, ну почему бы Грейс сначала не спросить, хочу ли я ехать куда-то там в Амальфи? И почему я сама не намекнула ей, что Романо мне неприятен? Конечно, невозможно сказать Грейс, что ее лучшая подруга не переносит лучшего друга ее мужа...

- Девять утра тебя устроит? - Глубокий, бархатный голос нарушил ее мысли. В глазах Романо светилось ехидство. - А может, ты хотела бы ехать позже?

- Да нет, как раз хорошо. - Набрав воздуха, Клэр подтвердила: - Да, в девять. Договорились.

На лице Грейс появилась улыбка довольной свахи.

- Тогда до завтра. - Романо, продемонстрировав безупречные манеры, встал, стоило Клэр войти в комнату. Теперь же он поднес ее руку к губам, чтобы попрощаться, а она, вздрогнув как от удара током, почти вырвала у него руку и отступила назад.

В глазах итальянца, встретившихся с ее глазами, было изумление. Тем не менее он ровным тоном попрощался с Грейс, легким шагом направился к двери и вышел.

Клэр упала в кресло. Завтра их ждет забавное приключение: Романо повезет в гости к друзьям женщину, которую он плохо переваривает. Эта прогулочка будет тренировкой воли для обоих. Им придется хотя бы делать вид, что у них нормальные отношения. Лоренцо скрасит обстановку по пути туда, обратно он уже не поедет...

- Знаешь, я о нем иногда беспокоюсь.

- О ком? - Слова Грейс, не сразу проникли в сознание Клэр сквозь вихрь собственных мыслей. Она заставила себя сосредоточиться. - Извини, что ты сказала?

- Меня беспокоит Романо. - Красивые глаза Грейс затуманились. - Живет совершенно один в огромном доме. У Романо нет ни кошки, ни собаки, чтобы составить ему компанию. Слишком он одинок, даже если учесть... - она не договорила.

- Что учесть? - спросила Клэр.

- То, что ему это нравится.

- Может, он изменит этой привычке, - утешающе сказала Клэр. - Когда встретит женщину, похожую на Бьянку...

- На Бьянку?! - В голосе Грейс послышалось нечто враждебное, а может, Клэр показалось?

- Ну да. Она была такая красивая... И так недолго им довелось вместе пожить...

- О Клэр, если бы я могла тебе рассказать... Но я поклялась молчать, - сказала Грейс с отчаянием.

- Поклялась? Извини, я не поняла.

- Ох, я слишком разболталась, забудь этот разговор. - Грейс было явно не по себе.

- Договорились, все забыто. - Улыбнувшись, Клэр перешла на тему, имевшую успех все эти дни: о том, какие имена дать близнецам. Но, даже болтая и смеясь в течение часа или двух, Клэр знала, что ничего не забудет. И сознавала, что Романо Беллини волнует ее, как ни один другой мужчина, встреченный до сих пор.

ГЛАВА ПЯТАЯ

- Ну как, тебе было очень тоскливо? - Обычно суровый голос был сейчас так мягок, что Клэр показалось: это не Романо.

«Феррари» вез их обратно, из Амальфи в Сорренто. День с Анной и Алессандро прошел очень приятно. Романо ни разу не нахмурился, не вздохнул. И вообще Клэр могла бы сказать, что ей было хорошо все это время, каждую минуту.

- Не знаю, о чем ты, - ответила она осторожно. - Мне самой хотелось познакомиться с этой супружеской парой. И доставить удовольствие детям. К тому же Грейс рассказывала, какая Эммануэль прелесть...

- Я не об этом. Со мной было тоскливо?

Она, конечно, знала, что он именно об этом спрашивает, но ей так хотелось сохранить тяжело доставшееся перемирие хотя бы до дома...

Сейчас, в машине, он казался таким огромным, даже пугающим...

- Почему ты решил, что я ждала чего-то плохого? - спросила она вместо ответа.

- А разве нет? - Он тоже ответил вопросом, на секунду резанув ее взглядом черных глаз, после чего снова стал глядеть на дорогу. Его рот кривила усмешка.

- Ну, не совсем. - Клэр пыталась сохранить вежливость.

Романо недоверчиво засмеялся хриплым смехом.

- Мне нравится созданный тобой образ скромной англичаночки, - поддразнил он ее. - Нравится гораздо больше, чем вулкан, изрыгающий пламя, которого я ожидал. Но думаю, ты была такой... милой ради Алессандро и Анны. Или просто боялась испугать детей.

- Нет, вы только посмотрите! - Опять он за свои штучки. Клэр просто не могла сдержаться.

Романо вдруг свернул в сторону и остановился у кювета так резко, что из-под колес фонтаном брызнула пыль.

- Я смотрю на тебя, Клэр. - Голос его был глубоким и мягким: этот голос ее успокаивал. - Должен признаться, мне нравится на тебя смотреть. Сегодня я смотрел весь день, и... это очень приятно.

- Прекрати. - Она повернулась к нему, чтобы обжечь взглядом, но не смогла. Выражение его глаз заставило ее замереть.

Романо медленно поднес руку к лицу девушки, слегка приподнял его за подбородок, наклонился и прижался губами к ее губам. Это был ласковый, теплый поцелуй, он быстрее погнал кровь по жилам Клэр. Голова ее сладко закружилась, желание разлилось по всему телу, и она поплыла куда-то... и лишь спустя какое-то время поняла, что происходит. А тогда рывком отодвинулась и открыла глаза.

- Не надо, - прошептала Клэр едва слышно.

- «Прекрати»... «Не надо», - тихо передразнил Романо - А ведь все твое существо жаждет...

- Нет, - резко перебила его Клэр. Лицо ее пылало. - А даже если и так - что ж, это простая физиология, больше ничего.
- Хочешь сказать, что ты то же самое испытывала с любым своим поклонником? - спросил он деланно сладким голосом. - Например, с Аттилио?
- С Аттилио? - При чем здесь учитель, недоумевала Клэр. - Аттилио - мой поклонник не больше, чем ты сам, - огрызнулась Клэр. - И вообще мои любовные приключения, - или их полное отсутствие, добавила она про себя, - тебя совершенно не касаются.
- Справедливо. - Теперь он откинулся на спинку сиденья и скрестил мускулистые руки на груди. Глаза его сердито сощурились. Эта его поза внушала Клэр тревогу.
- Ну что? - спросила Клэр через минуту, когда молчание стало невыносимым. - Мы едем домой или нет?
- Нет. - Романо включил зажигание.
- Как это «нет»?! - взвизгнула Клэр. - Что означает это твое «нет»?
- То, что я не сразу повезу тебя к Донато и Грейс. - Романо вернул машину на шоссе, но бесстрастный голос его звучал подозрительно и настораживал. - Сначала мы хотя бы поужинаем.
- Но они ждут меня! - панически воскликнула Клэр. - Не говоря уже о том, что я не одета для ужина в ресторане.
- Ты прекрасно одета. - Он оглядел ее черными как агат глазами, и она снова почувствовала силу его взгляда. - То есть для меня - прекрасно.
- Романо...
- Но это же просто ужин, Клэр. - Голос его был ласковым. - Все равно тебе нужно поесть, мне - тоже. Почему же не сделать этого вместе?
- Но...
- Я позвоню Грейс и сообщу ей наши планы. О'кей? - Жесткий профиль никак не предполагал отказа. Да и что она могла сделать? Выброситься из автомобиля, как некая героиня тридцатых годов, оберегавшая свою невинность? Клэр не хотела с ним ужинать, это было опасно, она играла с огнем, и все же... Все же ей хотелось этого больше всего на свете. Безумие какое-то...
- Ну так что? - мягко настаивал он.

Да почему нет? - билась в ней мысль, почему нет? Клэр знала, почему «нет»: четыре года она карабкалась, выбиралась из пропасти, в которую бросила ее автокатастрофа. Пыталась понять, кто она теперь, преодолеть предательство Джефа, избавиться от горечи и злости. Пыталась выбросить из памяти самую катастрофу, картина которой посещала ее по ночам еще и теперь.

В те дни на какое-то время Клэр потеряла всякую уверенность в себе, упала на самое дно отчаяния. Но стала упрямо ползти вверх, день за днем. Знала, что когда-нибудь снова начнет работать с детьми и, может быть, встретит хорошего человека. Это произойдет. Так зачем же бояться ужина с Беллини? Совершенно незачем.

В конце концов, Романо же не тащит ее в постель. Клэр инстинктивно прикрыла живот рукой. Он просто приглашает ее поужинать с ним. И ей тоже этого хочется.

- А почему бы и нет? - сказала она вслух.

- В самом деле, почему бы и нет? - повторил Романо очень довольным тоном.

- Боже, как здесь красиво! Какое шикарное место, Романо... Но я одета совершенно неподобающе.

- Вздор. - Он обнял ее за талию легким, но уверенным движением, ведя ко входу в великолепный ресторан, освещенный, наверное, сотней фонарей. - Вздор, - повторил Романо, - здесь едят самые разные люди, от королей до нищих.

Уж я-то знаю, к какой категории себя отнести, подумала Клэр, когда они, миновав главный вход, попали в огромное помещение, напоминавшее своей архитектурой средневековый замок.

Собираясь знакомиться с Анной и Алессандро, Клэр надела строгую блузку из белого шелка с длинным рукавом, а к ней - темно-зеленые брюки. Простой и строгий костюм был идеален для обычного визита, но никак не годился для ужина в дорогом, даже очень дорогом ресторане при шикарном отеле.

Приветствовавший их официант был явно знаком с Романо. Официант провел их к уютному столику на двоих, почти у танцевального круга и в то же время довольно уединенному. Клэр была очень рада: такое место давало ей возможность прийти в себя и оглядеться, не привлекая внимания. Туда-сюда сновали официанты, оркестр наигрывал какую-то завораживающую мелодию, а публика была такая, которую называют благородной.

- Ты часто здесь бываешь? - Уже задав вопрос, Клэр пожалела: ужасно избитая фраза... Но Романо, казалось, этого не заметил. Он вглядывался в лицо девушки, потом взгляд его затуманился.

- Теперь не часто, - ответил он бесстрастным голосом. - Раньше - да.

Ну разумеется, он бывал здесь с женой, подумала Клэр. Она выдержала взгляд, хотя ей хотелось отвести глаза. Бьянка, несомненно, прекрасно вписывалась в здешнюю обстановку; и когда эта пара входила в ресторан, все на них смотрели: красивая, изысканно одетая женщина в сопровождении весьма интересного мужчины...

- С женой? - спросила Клэр. Вопрос вырвался сам собой, против ее воли.

- Да. - Он не уклонился от ответа. - Бьянка любила это место... А тебе здесь нравится?

Что могла она ответить? Мысли понеслись вскачь, и прошло несколько секунд, прежде чем она поняла, что следует сказать правду. А правда была простой: она не Бьянка, не Грейс. Но она нравится себе такой, какая есть. И если не нравилась в первые дни и недели после катастрофы, то это из-за Джефа, внушившего ей, что она - второй сорт. Однако на самом деле она кое-чего стоит. Мысль поразила ее как молния.

- Да, здесь очень мило. - Клэр произнесла «мило» без всяких колебаний. - Я люблю необычные места, в своем особом стиле. Вот только жаль, - продолжила она, - что старинные здания превращают в рестораны и прочие заведения подобного рода, из-за этого мы теряем наше

прошлое. Ты меня понимаешь? – Клэр смутилась. – Девяностые годы – это сплошная лихорадка, люди заняты погоней за деньгами и властью. И не останавливаются, чтобы задуматься над истинными ценностями.

– А я и не знал, что ты философ. И что ты лично считаешь истинными ценностями? – спросил он тихо, не отводя глаз от ее раздумывавшегося лица.

Вернулся официант, неся бокалы с искрящимся розовым коктейлем, заказанным Романо; разговор прервался. Но едва они остались одни, Романо вновь спросил:

– И что же?

– Что я считаю истинными ценностями? – Клэр глотнула из бокала. Изумительный напиток. Набрал в легкие побольше воздуха, она сказала: – Это те ценности, с которыми я выросла: честность, радость бытия, семья...

– Ты считаешь, что люди, собравшиеся здесь, придерживаются других ценностей?

– Этого я не говорила. – Ей не понравился его едкий тон. – Но действительно думаю, что многие люди одержимы жаждой успеха и ради успеха приносят в жертву семью и друзей. Конечно, человек должен работать, чтобы добыть хлеб насущный, но атмосфера нынешнего века... я бы сказала, агрессивная. Слишком много требований к женщине. У нее должно быть красивое лицо, идеальная фигура. Да и к мужчине – тоже. Он должен иметь власть и деньги, иначе его не будут уважать. Стремление преуспеть во что бы то ни стало, оно везде и всюду...

– Гмм... – Романо задумчиво смотрел на нее, сощуренные черные глаза блестели. – Ты рассуждаешь слегка цинично.

– Ничего подобного! – вспыхнула Клэр. – Просто я не гляжу на мир сквозь розовые очки. Ведь половина населения земного шара голодает, потому что у другой половины – корыстные правительства. Люди вырубают леса, а из-за этого животные, птицы и насекомые исчезают с лица земли. И все – ради так называемого «прогресса»... – Клэр замолчала, смущенная его насмешливым взглядом.

– До чего же ты эмоциональная натура, – сказал он тихо.

– Пожалуйста, оставь свою снисходительность. – Клэр знала, что замечание ее грубовато и уж никак не в стиле предобеденного разговора, способствующего пищеварению, но не могла остановиться.

– Считаешь, что я смотрю на тебя сверху вниз?

– Ну да.

– А вот тут ты ошибаешься, – проговорил он со странной суровостью, которая не позволяла его перебить. – Я не смотрю на тебя сверху вниз, Клэр, скорее, наоборот. Я тебе завидую: не умею вот так болеть за всех, желать перемен к лучшему.

– Разве? Но ты должен...

– Должен? – Лицо его стало отчужденным, а голос резал, как отточенный нож. – Почему это должен? Я не вижу в человеке ничего такого, что заставило бы меня о нем печься. Он прогнал изнутри и снаружи, и даже налет цивилизации не может этого скрыть. Большинство людей

движимы лишь любовью к собственной персоне. Это единственное подлинное чувство.

- Но это ужасно. - Она смотрела на него, ошеломленная. - Неужели ты в самом деле так думаешь?

- Именно так я и думаю.

- Ты серьезно? - Клэр была вне себя. - А что скажешь о Грейс и Донато? Они любят друг друга искренне, разве не так?

- Всякое правило имеет исключения, - возразил он мрачно.

- Жизнь кишмя кишит исключениями. - Клэр откинулась на спинку стула. - Одно из них - мои родители. Ты, значит, считаешь, что настоящей любви нет?

- А ты? Ты любила кого-нибудь? - спросил он неожиданно. Он не отводил взгляда от ее карих бархатных глаз.

Она смотрела на него с минуту, не зная, что ответить.

- Одно время я считала, что люблю, - проговорила наконец Клэр.

- А теперь думаешь, что ошибалась?

- Думаю, что ошибалась, - бесстрастно ответила она.

- И что же изменилось? Ты поняла, что любовь была иллюзией и не могла длиться долго?

- Нет. - Клэр поерзала на стуле, ища ответа. - Это не совсем так. Просто Джеф был не тем человеком, за которого я его принимала. То ли я была слепа, то ли он притворялся, создавал другой образ... Короче говоря, когда я его раскусила, он мне не понравился.

- И ты его бросила?

- Нет. - Клэр смотрела Романо прямо в лицо, в глазах ее появилось страдание. - Это он меня бросил. Вскоре после того, как я попала в аварию. Он понял, что я долго пробуду в больнице. И... нашел себе другую.

Романо тихо выругался по-итальянски.

- Какой же дурак... - Романо протянул руки через стол и взял ее ладони в свои. - Как он был слеп, этот идиот.

Клэр сидела не шевелясь, не смея дышать. А он приподнялся и коснулся губами ее губ. Потом, очертив пальцем ее рот, снова сел и взял в руки меню.

Эта ласка ошеломила, потрясла Клэр - ведь она была совершенно несовместима с тем образом холодного эгоиста, который создавал Романо Беллини.

А я считала, что ошибалась в Джефе, подумала Клэр. Но насколько же я ошибалась в Романо! Он не только влечет меня физически, нет, это нечто большее. Всего лишь миг его нежности открыл мне глаза.

Я люблю его.

- Клэр?

Очнувшись, она поняла, что официант уже несколько минут терпеливо ждет, когда она сделает заказ, а она, глядя в меню, даже не может сложить прыгающие буквы в слова.

- Что тебе заказать? - тихо спросил Романо.

- Я... мне все равно.

- Может, что-то из теста? - попытался он помочь. - Или из риса? Здесь делают прекрасный пудинг. А после этого съедим рыбу, которой тоже славится здешняя кухня. Рыбу заливают вином и сметаной, посыпают хлебной крошкой, а потом запекают в духовке. Подают с салатом или с овощами.

- Да-да, я согласна, - поспешно ответила Клэр. - Звучит заманчиво.

Ей все казалось прекрасным: и ресторан, и вино. Она выпила три огромных бокала, иначе не проглотила бы и кусочка - горло сдавило. А чтобы одолеть панику, выпила еще и рюмку бренди с кофе.

Она понятия не имела, о чем они говорили во время ужина, но, видимо, речь ее все же имела смысл, потому что Романо, как всегда, хранил спокойствие. Но она... она сходила с ума.

Романо! Влюбиться в Романо, который больше не верит в любовь!

Но ведь любовь не выбирают, как пару удобных туфель или модную шляпку. Нет, любовь может поразить вас подобно молнии, когда вы ее совсем не ждете!

- Хочешь потанцевать? - Романо смотрел на нее своим непроницаемым взглядом. Несколько пар, покончив с едой, уже кружились по площадке.

Танцевать с ним, чтобы он сравнивал меня с женщиной, все еще владеющей его сердцем? - подумала Клэр. Наверняка Бьянка танцевала превосходно.

- Нет, спасибо, я... Я в этом смысле безнадежна. У меня обе ноги - левые.

- Сомневаюсь. - К ее ужасу, он встал, протянул руку и поднял ее из-за стола. - Очень сомневаюсь.

- Романо, мне не хочется. - Но на самом деле ей еще как хотелось, и когда он за руку привел ее на площадку, потом слегка повернул и заключил в объятия, Клэр поняла, что обрела рай на земле.

Романо касался подбородком ее головы, и от его запаха, от ощущения его тела она погружалась в какой-то безграничный чувственный и даже слегка болезненный восторг. Через минуту-другую Романо чуть отстранился, чтобы взглянуть на нее, и пробормотал с улыбкой:

- Кто-то мне говорил, что не умеет танцевать?

- Я и правда не умею. - Клэр нервно улыбнулась. - Просто следую за тобой.

- Это что же - скрытый комплимент? Осторожно, не поскользнься. Ты ведь помнишь, что я огромный серый волк, а ты... ты - Красная Шапочка, и ты в моей власти. - Отняв руку, он ласково прикоснулся к ее шелковистым блестящим волосам, потом снова прижал ее к себе.

Это было трудно вынести. Клэр никогда бы не поверила, что это возможно – любить кого-то так, что любовь граничит с физической болью. Но вот она – ноющая боль в сердце... жар, проникающий в каждую жилку, возбуждающий каждый нерв... А Бьянка – она владела им целых пять лет! Или шесть. Просыпалась рядом с ним, они вместе смеялись, дурачились. Предавались, любовным утехам в тишине теплой и долгой итальянской ночи...

– Клэр... – прошептал он в гущу ее душистых волос, снова крепко прижав ее к себе. И тут она почувствовала в нем, испытал минутный шок, возбуждение, которое он не смог скрыть.

Значит, он меня хочет, мелькнула мысль. Закрыв глаза, она подавила желание дотянуться до его лица и найти эти резко очерченные, не терпящие отказа губы. Он хочет меня, хочет всем своим существом. Что бы он ни думал о своей Бьянке, как бы ни заледенело его сердце – он хочет меня.

– Ты знаешь, что ты красивая? – спросил он почти шепотом, но слова эти погнали огонь по ее жилам. – Очень, очень красивая. У тебя кожа как сливки.

Сливки? – грустно повторила про себя Клэр, думая о сизых шрамах на животе; они побледнели, но все же видны. От этой мысли Клэр съежилась.

– Не бойся меня. – Романо объяснил ее внезапную отстраненность по-своему. – Я не буду навязываться всего лишь из-за... физиологии, как ты выразилась. Хотя она вновь дает о себе знать. – Это прозвучало как-то уныло, и Клэр вдруг разозлилась. Она хотела, чтобы он был взбудоражен, чтобы желание разрывало его на части, так же, как и ее. – Расслабься, Клэр, – продолжал Романо – В конце концов, мы взрослые люди и можем наслаждаться друг другом, не думая ни о чем.

Что он хочет этим сказать? Клэр собиралась спросить, но он еще крепче прижал ее к себе, и она... растеряла все мысли.

Они провели на танцевальной площадке больше часа, за это время Романо успел поцеловать ее не один раз. Склоняя к ней голову, дразнил губами, пока она не открывала свои, и целовал ее до полного изнеможения.

Клэр давно уже подозревала, что Романо – страстный мужчина, несмотря на личину равнодушия, предъявляемую миру. Эту страстность выдавали огненно-черные глаза и твердо очерченный чувственный рот. Но час, проведенный на танцплощадке, стал для Клэр открытием: можно, оказывается, ласкать друг друга в огромном зале, среди толпы людей... Романо проделывал нечто невероятное с ее телом, а она – с его. Она чувствовала его возбуждение через одежду. А когда попыталась представить себе, что было бы, останься они наедине, то едва не лишилась чувств.

Настало время для небольшого шоу, и танцующие сошли с круга. Клэр не смогла бы добраться до их столика, если бы Романо не вел ее твердой рукой...

Ресторан они покинули в двенадцатом часу. Идя к машине, Клэр дрожала с головы до ног и молила Бога, чтобы Романо этого не заметил. Еще ни разу в жизни не чувствовала она себя такой уязвимой – не только из-за того, что физическое влечение к Романо оказалось сильным, мучительным, но еще и потому, что Романо безраздельно завладел ее мыслями.

– У-у-у, какое у нас серьезное лицо, – сказал он весело, усаживаясь на водительское сиденье. А когда Клэр не ответила, приподнял пальцем ее подбородок, с минуту смотрел ей в глаза, а потом, едва коснувшись, поцеловал в губы.

- Давай уберемся отсюда, идет?

Что же дальше? – спросила себя Клэр. Она то ли испытывала облегчение, то ли жутко злилась на него. Скорее – последнее. После целого часа чистого соблазна... неужели он просто отвезет ее домой и вручит подруге, как пропавший чемодан?

Несколько минут спустя он остановил машину в глухом переулочке и выключил мотор. Клэр взглянула на него с удивлением.

- Я хочу поцеловать тебя как следует, дорогая, – сказал Романо. Он повернулся к ней. И Клэр показалось, что они одни на всем белом свете. – Мне хотелось этого весь вечер.

Что значит «как следует»? – изумилась Клэр. Кажется, он только и делал в ресторане, что целовал меня так. А потом она поняла.

Склонившись к ней, он жадно впился в ее рот, и тут же ее пронзило желание – горячее, неодолимое. Это было пламя, пожиравшее ее всю. Как только она приоткрыла губы, он ворвался в ее рот, и язык его проникал все глубже и глубже, а потом от запаха и вкуса этого мужчины у нее закружилась голова.

Клэр прижалась теснее к нему, и его руки заскользили по ее телу. Это была страшная вспышка желания, и его хриплое, прерывистое дыхание, его ищущий рот распалили ее все сильнее.

Клэр не верилось, что это происходит именно с ней: она никогда не считала себя страстной женщиной. Точнее говоря, она умела владеть собой и всегда легко пресекала всякие поползновения Джефа. Но сейчас все было иначе. Ей хотелось отдаться, раствориться в нем, стать неотъемлемой его частью.

Желание, которое пробудил в ней Романо, было непреодолимым. И становилось опасным. Он не делал вид, что влюблен, фактически с первой их встречи он был как-то грубо откровенен. Она для него – просто естественная потребность. Как хлеб для голодного. Эта мысль вдруг отрезвила Клэр, словно холодный душ.

- Романо! – воскликнула она, отшатнувшись. – Я хочу... мне нужно спросить тебя.

- Нет, не сейчас. – Он притянул ее к себе сильными руками, голос его хрипел от волнения.

- Именно сейчас! – Увернувшись от его ищущего рта, она заговорила: – Скажи, для тебя все это что-нибудь значит? Ну, кроме того, что это... короткая интрижка?

- Клэр, что с тобой?

- Я должна знать. – Несмотря на отчаянное биение сердца, на желание быть еще ближе к Романо, она спросила. И догадывалась, каков будет ответ.

Романо застыл как изваяние. Это и был его ответ.

- Романо, я хочу домой. – Катастрофа, предательство Джефа – все, все было пустяком по сравнению с той душевной болью, которая разрывала ее на части сейчас.

- Клэр, ты же знаешь, что я не могу ничего обещать. Мне казалось, я уже и раньше дал это ясно понять.

- Да. Верно. Я... впрочем, это не твоя вина... Но сейчас... прошу тебя, отвези меня домой.

Слова ее прозвучали так по-детски жалобно, что он отвернулся, включил зажигание и молча вывел машину на шоссе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Последующие несколько недель были, пожалуй, самыми трудными в жизни Клэр, но она справилась. Была нежной подругой для Грейс, веселой сестрой и товарищем в играх для Лоренцо, а еще – оказывала моральную поддержку Донато. Хотя все это время чувствовала себя отчаянно несчастной.

И ведь нельзя было ни с кем поделиться! Романо уезжал по делам в Америку на три недели, а вернувшись, навещал их в Каса Понтина очень редко – ссылаясь на занятость. Клэр страдала от его отсутствия. Впрочем, когда он приезжал, ей было еще хуже.

Однажды, в середине апреля, после одного из визитов Романо, подруги сидели вдвоем, наслаждаясь тихим, теплым вечером. Донато и Лоренцо были заняты компьютером, для которого они составляли новую программу.

– Романо очень беспокоит моего мужа, – тихо сказала Грейс, усаживаясь поудобнее в шезлонге со множеством подушек. Она откинулась на спинку и закрыла глаза. – Донато считает, что с ним что-то происходит.

– Что именно? Что ты хочешь этим сказать? – допытывалась Клэр.

– Романо в последнее время какой-то странный, не похож на себя самого. Он и раньше был нелегким человеком. Но сейчас Донато подозревает, что его что-то гложет.

– А Донато не пробовал с ним это обсудить? – осторожно спросила Клэр.

– Пробовал. Но у Романо свои законы общения. – Тяжело вздохнув, Грейс открыла глаза и потянулась к стакану с лимонадом. Сделав большой глоток, она продолжила: – Может, дело в работе? Впрочем, Романо всегда много работал: после гибели его отца все заботы, что касается их семейного предприятия, легли на плечи Романо. А после... автомобильной катастрофы он еще больше погрузился в дела. Возможно, это терапия своего рода.

– Наверное. – У Клэр заняло сердце, но она постаралась говорить ровным тоном: – Видимо, это нелегко – потерять при таких обстоятельствах любимое существо.

– Любимое? Ах да, Бьянку – ну конечно. – Грейс взглянула на подругу, ставя бокал с лимонадом на столик у шезлонга. – Он тебе ничего не говорил? В тот вечер, когда возил в ресторан?

– Ты имеешь в виду работу? – притворилась Клэр. У нее забилось сердце. Совсем некстати было бы сейчас сообщать Грейс обо всем: о ее чувствах к Романо, о его равнодушии к ней. Сейчас, перед родами, нужно беречь ее от всяких волнений. – Не говорил, а что?

– Донато считает, что Романо стал сдавать с того самого вечера. – Грейс еще раз поправила подушку, морщась от боли в спине. – А эта поездка в Штаты только повредила ему. Романо пришлось там здорово поработать, чтобы поправить дело, загубленное в Неаполе. Как говорит Донато, у бедняги там голова шла кругом.

– Вот видишь. Наверное, в этом причина. Все у Романо войдет в свою колею, – сказала Клэр. А когда я вернусь домой, в Англию, подумала она, я забуду этот эпизод. Романо же просто недоволен тем, что не может бывать у своих друзей так часто, как ему хотелось бы, и, конечно,

считает, что она, Клэр, всему виной.

Грейс устроилась поудобнее, чтобы вздремнуть, а Клэр погрузилась в печальные размышления. И не заметила, как в стеклянную дверь вошел Донато и на цыпочках приблизился к их шезлонгам.

- Она спит? - спросил он тихо, склонившись над женой.

- Заснула с минуту назад, - шепотом ответила Клэр. В последние несколько недель Грейс засыпала с трудом, поскольку огромный живот не позволял ей лежать в удобной позе, и после прерывистого, беспокойного сна в течение ночи выглядела утром бледной и утомленной. - Что-то случилось? - спросила Клэр, глядя в его встревоженное лицо.

- Да, только что звонили из полиции. - Донато говорил, не отводя взгляда от лица жены. - Похоже на то, что в моем офисе побывал вор. Или воры. Они ранили двоих моих охранников. Причем знали, чего хотят, поскольку сразу направились к моему личному сейфу.

- Не может быть! - ахнула Клэр. - Пропало что-то ценное?

- Нет, - сказал Донато. - Обычно я не оставляю крупные суммы денег в офисе или здесь, дома. Но в сейфе были секретные документы, и у меня могут быть неприятности, если они попадут в чужие руки. Полицейские просят меня приехать посмотреть, не пропало ли что-нибудь.

- Так поезжай, - Клэр ободряюще улыбнулась. - Я здесь, рядом с Грейс, так что все в порядке.

- Я могу долго пробыть в конторе, а Грейс за обедом неважно себя чувствовала, - он явно тревожился. - Не хотелось бы ее оставлять.

- Послушай, она не впервые неважно себя чувствует. - Клэр забавляло, что этот сухой, пронизательный, безжалостный делец уже несколько дней подряд вздрагивает от каждого вздоха своей жены, а ее недомогания повергают его в панику. - Я же здесь, - повторила Клэр, - и не оставлю Грейс ни на минуту, пока ты не вернешься. Если приедешь поздно, я лягу в одной из комнат рядом с Грейс. О'кей?

- Извини меня, Клэр, - Донато грустно улыбнулся. - Считаешь меня паникером?

- Да нет же. Ты очень дорожишь женой и будущими детьми. Но я тебе обещаю: все будет хорошо. Поезжай и разберись со своими делами. А я буду сидеть рядом с Грейс, пока она спит на веранде. Потом мы переберемся в дом.

Когда Донато нехотя ушел, Клэр устроилась поудобнее в шезлонге и взяла в руки журнал из лежавшей рядом кипы. Клэр не собиралась думать о Романо, потому что он, конечно же, не думал о ней. Ну хорошо, она не очень-то правильно вела себя в тот вечер. Но ведь и Романо не без греха! А его отношение к ней просто оскорбительно...

Уж он-то знал, что делает. Хладнокровно добивался своей цели. И ясно показал, что он блестящий стратег и... любовник с большим опытом.

Тут воспоминание о том, что она чувствовала в его крепких объятиях, пронзило ее до дрожи. Да, он добился, чего хотел. Боже, как хочется его возненавидеть! Не получается. Она его любит. И в этом причина всех ее страданий.

Когда Грейс проснулась, Клэр все еще невидяще смотрела на открытую час назад страницу. Но

она тут же встала и беззаботно улыбнулась подруге.

- Ну, соня, сладко вздремнула?

- Да, но... - Грейс несколько раз глотнула ртом воздух и наконец смогла произнести: - Мне кажется... нужно позвать Донато.

Клэр опустилась на колени рядом с подругой, теперь уже и она задыхалась от волнения:

- Ты думаешь... что началось?

- Началось, - ответила Грейс с такой уверенностью, что сомневаться не приходилось.

- Грейс, Донато нет дома. Как тебе кажется, ты можешь потерпеть до его возвращения?

- Я... - Грейс задохнулась от боли, явно более сильной, чем раньше, и Клэр ответила на свой вопрос сама:

- Вижу, что не можешь. Я сейчас вызову такси, ладно? А ты попробуй расслабиться.

- Не нужно такси. - Грейс ухватила за руку Клэр и села в шезлонг. - Позвони Романо. Пока я соберу вещи, он будет здесь. Если мы его не вызовем, Донато нам этого не простит.

- Романо? - переспросила Клэр.

- Да, пожалуйста. И сообщи в контору Донато, что происходит. Если включен автоответчик, продиктуй сообщение. Это все, что мы можем сделать. - Теперь голос Грейс стал будничным, она явно настроилась на роды и не позволила бы сбить себя с толку. - А еще позвони в роддом, сообщи, что мы едем. Все номера телефонов - в холле, рядом с аппаратом.

Разговор Клэр с Романо был очень кратким. К моменту, когда он решительным шагом вошел в дом, Грейс уже появилась из своих комнат. Она пересекла холл с помощью Лоренцо и Клэр и тяжело опустилась в кресло.

- Ты, должно быть, мчался как бешеный, - весело сказала Грейс, обращаясь к Романо. - Нет никакой спешки... - Ее фразу оборвала следующая схватка, Грейс скорчилась, тяжело дыша.

- Схватки следуют одна за другой, через каждые пять минут, - вмешалась Клэр, - так что я думаю, спешка есть. - Ее глаза встретились с глазами Романо. - Я бы постаралась доставить ее в роддом как можно скорее...

Тихо выругавшись, Романо схватил Грейс на руки и в то же время сделал знак головой, чтобы Клэр открыла ему дверь. Потом обратился к Лоренцо:

- Защищай крепость, парень, ты сейчас здесь главный. Клэр оставила сообщение для Донато, она тебе сказала? - Лоренцо кивнул. - Вероятно, твой брат поедет сразу в роддом, но если позвонит, обрисуй ему обстановку. Ясно?

- Да... - Мальчик от волнения говорил шепотом. - А... как же Грейс?

- Грейс будет в полном порядке. - Голос Романо, мягкий, даже нежный, взбудоражил Клэр, и она едва не расплакалась. - Положись на меня, Лоренцо, о'кей? Ты же знаешь, я никогда тебя не подводил.

- Это так, - ответил подросток чуть подтверже.

- Распоряжайся здесь, - продолжал Романо. - Как только что-то произойдет, мы тебе первому сообщим. Но сейчас ты должен присмотреть за слугами, чтобы Донато мог сосредоточиться на Грейс и младенцах и не думать о доме.

- Это я сумею. - Голос Лоренцо вдруг стал страшно похож на голос его старшего брата.

- Я так и знал. - Романо, перед тем поставивший Грейс на пол, протянул руку к мальчику, но вместо того чтобы потрепать его по плечу или похлопать по спине, как делал раньше, пожал ему руку по-мужски, и Лоренцо напыжился от гордости. А Романо снова подхватил Грейс - как ребенка.

До чего же деликатно он вел себя с мальчиком, думала Клэр, следя за Романо, который нес Грейс. Дойдя до «БМВ», он бережно усадил Грейс на заднее сиденье и укрыл ей ноги легким пледом. Захлопнув дверцу, знаком приказал Клэр сесть впереди, рядом с ним.

Мощный мотор с урчанием проснулся, и машина заскользила по дороге. Клэр махала рукой Лоренцо, стоявшему на крыльце, пока они не свернули за угол.

- Как ты здорово с ним говорил! - Клэр высказала не покидавшую ее мысль, и Грейс поддакнула подруге с заднего сиденья.

- Ему нужно было дать задание, - ответил Романо, - заставить его о чем-то думать, только и всего. Он не может сидеть сложа руки, он из семейства Витториа.

- Некто из семейства Беллини тоже не может сидеть сложа руки, - снова вмешалась Грейс. Однако тихий стон и тяжелое дыхание показали, что ей уже не до разговоров.

Вскоре они подъехали к роддому, и Грейс попала в руки персонала. Но как только ее устроили в палате, в приемную вышла медсестра и обратилась к Клэр:

- Если ваш муж не возражает, синьора Витториа хотела бы с вами поговорить.

- Он... - Клэр взглянула на Романо, сидевшего в кресле, - я не замужем. Это друг синьора Витториа, - пояснила девушка, зардевшись. - Ты подождешь Донато? - спросила она, повернувшись к Романо. - Полицейский, ответивший мне по телефону, сказал, что Донато где-то недалеко и он все ему передаст. Донато скоро приедет.

- Разумеется, я подожду, - спокойно ответил Романо; глаза его ничего не выражали.

Как может Романо быть таким невозмутимым? - спрашивала себя Клэр, выходя вслед за медсестрой из маленькой приемной в сверкавший белизной коридор. Неужели ничто не может вывести его из равновесия? Клэр за всю жизнь не видела человека, который бы так владел собой и своими чувствами. Эта черта его была не просто странной - она пугала.

Оставшись один, Романо вскочил с кресла и, скрипя зубами, подошел к узкому окошку, за которым сгущались сумерки.

Он мечтал о ней, мысленно вдыхал ее запах, ласкал ее тело. И все это тянулось уже несколько недель.

Он застыл, засунув руки глубоко в карманы: черная кожаная куртка и черные джинсы

придавали его мощной фигуре какую-то мрачность.

Почему бы мне просто не выйти на улицу и не найти женщину... любую – только бы избавиться от этого угнездившегося во мне желания? – сердито спросил он себя. Я знаю сколько угодно таких, которые будут счастливы переспать со мной...

Довольно, вдруг оборвал себя Романо, мне следует думать о Грейс и Донато. Какой же иначе из меня друг, черт побери? Он встряхнул головой. После того, что они пережили, у них все должно быть в порядке с этими детьми.

Непрошеное видение неожиданно явилось его мысленному взору: милое детское личико в обрамлении черных шелковых кудрей. Паоло, их первый ребенок. Они так любили и оберегали его, что смерть мальчика повергла родителей в полное отчаяние. Видимо, до сих пор его оплакивают, никогда его не забудут. И хотя близнецы не займут его места, но все же помогут смягчить душевную боль, с которой живут Донато и Грейс.

Романо взглянул на часы: уже полчаса прошло со времени их прибытия в больницу. Куда, черт побери, подевался Донато? Подожду еще минут пять, а потом...

Резко обернувшись на звук открываемой двери, Романо увидел Клэр, несшую поднос с двумя чашками кофе.

- Донато приехал, – объявила она. – Прошел прямо в палату к жене.

- Как Грейс?

- В порядке. Врачи считают, что через час-два родит. Она... ей очень больно, – добавила Клэр тихо. – Но они думают, что это нормально.

- Не нервничай. – Голос Романо был ласковым и хриловатым. Он взял поднос у нее из рук, поставил на кофейный столик и тут же обнял ее. – Я понимаю, роды – нечто новое для тебя. Как, впрочем, и для меня. Но они-то все это уже проходили, не волнуйся за них. Все будет хорошо.

- Всякое случается. – Внутри у нее что-то оторвалось, но, к своей досаде, Клэр поняла, что это не из-за Грейс. Просто Романо крепко прижал ее к своему большому, сильному телу. Как долго она об этом мечтала...

- Это первоклассная больница, медицинское оборудование здесь новейшее, – продолжал Романо. Он опустил подбородок на ее макушку, а Клэр прижалась к нему и обняла его за талию. – Грейс молодая, здоровая женщина, а уж сколько весят младенцы – было ясно до родов. Не скажешь, что недоношены!

- Но ведь роды до срока...

- На две-три недели, – возразил он ласково. – Это не страшно для близнецов. Особенно если мать – настоящая слониха.

- Романо! – теперь Клэр уже смеялась. Она расслабилась, прижавшись к нему, вдыхая дурманящий запах чистой мужской кожи и дорогого лосьона, и ощутила его возбуждение. Романо отодвинулся и заглянул девушке в глаза.

- Ты принесла кофе? – спросил он оживленно. – Не помешало бы немного глотнуть.

- Ну да, конечно.

Он снова отодвинулся от нее, на сей раз мягко и осторожно, но Клэр подумала: какой он безжалостный. Она снова ощутила холод, охвативший ее до кончиков пальцев. Как это смущает и унижает – когда ты не нужна мужчине, без которого не можешь обойтись. Слава Богу, Романо не умеет читать ее мысли, иначе понял бы, что он такое для нее. Нет, она скорее умрет, чем себя выдаст.

Целый час после того, как кофе был выпит, Романо занимал Клэр разговором и старался отвлечь ее от происходившего в палате. Но время шло, и глаза мужчины все чаще останавливались на двери. И только через два с половиной часа после их приезда дверь открылась наконец и появился Донато.

- Ну как? – Оба вскочили, но Клэр поняла по лицу Донато, что дела обстоят не лучшим образом.

- Врачи обсуждают необходимость кесарева сечения, – сказал Донато. В глазах его читалась тревога. – Первый ребенок продвинулся, но не совсем так, как надо. А Грейс уже замучилась.

- Боже мой, Донато...

- Не волнуйся, Клэр! Здесь лучшие специалисты. – Донато говорил ровным тоном, но было ясно, что сердце у него не на месте. – Послушайте, я должен вернуться к ней. Я вышел только сказать, что если вы хотите уехать...

- Нет, – перебил его Романо, – мы будем ждать. – Повернувшись к Клэр, он спросил: – Верно?

- Ну конечно, – ответила она. – Ты же знаешь...

- Да. – Он долго смотрел ей в глаза, потом подошел к другу, обнял его и подтолкнул к двери: – Иди. Все будет в порядке.

После ухода Донато они несколько минут сидели молча, ошеломленные новостью. Время от времени до них доносились приглушенные больничные звуки. Потом Романо заговорил – видимо, молчание стало для него невыносимым.

- Ничего не должно случиться с этими младенцами, ничего, – начал он. – Мои друзья слишком много страдали. Я иногда думаю о детях, которых не любят – ведь их не хотели... У родителей нет для них ни времени, ни сил. Но Грейс и Донато... Они любили Паоло так, что словами не выразишь. И этих двоих будут любить не меньше.

- Я понимаю.

- Твоя семья была счастливой?

- Да, очень. У меня пятеро братьев, все старшие. Они меня беспощадно дразнили и разыгрывали, но я всегда знала: в обиду меня не дадут. А мама и папа любили нас всех. Мы часто веселились вместе, всей семьей.

- Да, вот так и должно быть. – Романо грустно улыбнулся. – Моя мать родила меня сразу, как вышла за моего отца. Я был единственным ребенком. Наследником, которого ждал отец. Он жил для того, чтобы проявлять власть и делать деньги, остальное было ему неинтересно. Это был самый безжалостный тип из всех, кого я знал.

- А твоя мать - какой она была? - Клэр ужаснуло услышанное.

- Моя мать была в высшей степени светской женщиной: она жила для того, чтобы развлекаться и развлекать других. И много раз говорила (я сам это слышал), что скорее покончит с собой, чем перенесет еще одну беременность. Думаю, что она не кривила душой.

У Клэр в глазах был испуг, и он, заметив это, иронически поднял брови.

- Ты думаешь, женщина не может так рассуждать? Уверю тебя, что может. Насколько я понял, роды не были такими уж мучительными. Просто мать была не в силах вынести всех физических перемен, связанных с беременностью. Уродства и унижения, как она считала. Видимо, так и не смогла простить всего этого мне. И тоже была несказанно счастлива, что родился наследник и ее задача выполнена.

- Да, но... когда ты родился, они оба, наверное, полюбили тебя, - мягко возразила Клэр. - Тем более что оба хотели мальчика.

- В тот же день, когда мать вернулась из роддома, меня отдали няне. Насколько я помню свое детство, отец заходил ко мне время от времени - проследить, как я продвигаюсь в развитии, и распорядиться, чтобы меня наказывали, если я не делал успехов. Что касается матери... Вероятно, она изредка появлялась в детской, хотя я этого не помню. Обычно меня водили в ее комнаты.

Взглянув в грустное лицо Клэр, Романо улыбнулся. На сей раз это была добрая улыбка.

- Все в порядке, Клэр, никакой трагедии. Моя няня оказалась прекрасной женщиной, и я был вполне счастлив до семи лет, когда она взяла и покинула наш дом, потому что вышла замуж. Меня отослали в школу-интернат, но, приезжая на каникулы, я виделся с Донато, а лет с девяти вообще почти все время жил у них в Каса Понтиня, когда бывал в Сорренто. Мои и его родители принадлежали к одному кругу, и я иногда задумывался над тем, какого мнения была Лилиана о моей матери. Сама-то она обожала детей.

Клэр с трудом удерживалась от слез, зная, что ему они совсем не понравятся. И спокойно произнесла:

- Так вот почему ты так близок с Донато! Вы многое пережили вместе.

- Он заменил мне брата, которого у меня не было, - просто сказал Романо - Его мать показала мне, что такое материнская любовь, его отец всегда находил время, чтобы поговорить со мной... Да, Донато был другом и братом. Я знал, что он никогда меня не предаст.

- К тому же была еще Бьянка, - напомнила Клэр.

- Да, была еще Бьянка, - мягко согласился он, и выражение его лица стало привычно отчужденным.

- Как жаль, что вы так недолго пробыли мужем и женой, - проговорила Клэр, у которой сердце разрывалось на части. - Наверное, это было ужасно, когда... Ужасно не только для тебя, но и для ее братьев...

- А ты не знала, что Бьянка была приемной дочерью? - вдруг спросил Романо - Ее взяли, когда врачи сказали, что после Донато у Лилианы не будет больше детей.

- Кажется, Грейс упоминала об этом.
- В жилах Бьянки не было крови Витториа, – сказал Романо сухо. – Ни капли.
- Мне... – Клэр не знала, что ей говорить теперь. – Бьянка была очень хороша собой, – наконец-то вымолвила она дрожащим голосом. – Вы наверняка гляделись красивой парой. – Больше Клэр ничего не добавила, потому что ревность и боль терзали ее сердце.
- Красивой парой... – в раздумье повторил Романо; голос звучал ровно, но был в нем холод, от которого Клэр вздрогнула. Она подняла глаза к его лицу. – Да, мы были красивой парой, Клэр, нам многие об этом говорили.

Она не могла выдержать такой пытки – чувствовала, что умирает.

- Ты, конечно, видела на кладбище мраморные памятники с выбитыми на камне эпитафиями? – спросил Романо тихо, тем же безжизненным голосом. – Глядя на них, люди восхищаются их красотой, обсуждают стоимость и мастерство, с которыми они сделаны. Но что же внизу, под этими надгробиями? Под ними – нечто совсем другое, под ними разложение, смрад и кости мертвецов.
- Не понимаю тебя, – сказала Клэр. И в самом деле – при чем тут памятники и эпитафии?
- Никто не понимает этого, Клэр, до тех пор пока не побывает в такой могиле и не увидит своими глазами разницу между тем, что внутри и что снаружи. Внутри гниение и разложение предстают во всем своем безобразии. – Романо наклонился к ней, и в глазах его темнела страшная тоска. – А я был внутри, Клэр. Я все видел.
- Романо, что ты хочешь этим сказать?
- Я всего лишь хочу сказать, что...
- Мальчик и девочка!!! – Торнадо не произвел бы больше шума, чем ворвавшийся в комнату Донато. Лицо его сияло, глаза горели огнем. – У меня сын и дочь, сразу сын и дочь, Романо! – Он кричал до тех пор, пока не сорвал голос. Уронив голову Романо на грудь, он едва сумел подавить рыдание. – Я думал... когда-то думал...
- Я знаю, о чем ты думал, – проговорил Романо глубоким, хриплым от волнения голосом; обнимая друга, он встретился глазами с Клэр. Она видела, что глаза эти увлажнились.
- А Грейс? Как она? – спросила Клэр, когда Донато немного успокоился.
- Она удивительная женщина, – произнес Донато с таким благоговением в голосе, что Клэр невольно улыбнулась. – Можете войти к ней и посмотреть на малышей, оба.
- Прямо сейчас? – Клэр смотрела на него в изумлении. – А они нам позволят?
- «Они»! Кто такие эти «они»? – зарычал Донато, с лицом, расплывшимся в улыбке. – Они не смогут запретить будущим крестным посмотреть на своих крестников.
- Будущим... крестным?.. – Клэр рот раскрыла от изумления.
- Да, это будут ваши крестники, Клэр-Лилиана и Романо-Лоренцо. – Донато сиял, но вдруг, почти в шоке от смущения, прикрыл рот рукой. – О Боже, я не должен был пока говорить... Мы хотели сделать вам сюрприз.

- Но это и есть сюрприз, - сказал Романо. - А ты окончательно выбрал имена, Донато? Мне казалось, что одного Романо вполне хватило бы для семьи.

- Окончательно... окончательно. - Донато, пританцовывая, подошел к двери. - Пойдемте, Грейс вас ждет. Она измучилась, но хочет видеть вас обоих.

В палате Клэр сразу же заметила две маленькие кроватки у постели своей подруги, которую бросилась обнимать.

- О Грейс!.. - Клэр рассмотрела две крошечные головки, видневшиеся из двух одеялец, розового и голубого. Мальчик сморщил личико, потом зевнул и приготовился заснуть снова. - Боже, какие хорошенькие!.. - прошептала Клэр, не замечая слез, текущих по ее лицу.

- Да, - согласилась Грейс; теперь она напоминала воздушный шар, из которого выпустили воздух. - Девочка весит семь фунтов, а мальчик - шесть фунтов и две унции. Как я могла их выносить, Клэр?

- Значит, обошлось без кесарева?

- Обошлось... Мальчик сначала пошел как-то боком, а потом вдруг выскочил, как пробка из бутылки, и девчушка вышла через минуту-другую. Хотя хирург уже приготовился было резать. - Голос Грейс стал ласковым: - Мы хотим назвать девочку твоим именем, Клэр, если ты, конечно, не возражаешь. А мальчика назовем Романо.

- Я им сказал, - со смущением признался Донато.

- Ты безнадежен, - пристыдила мужа Грейс, но во взгляде, который она подарила Донато, была только любовь. - Пусть Романо возьмет Клэр, а Клэр возьмет Романо, - добавила роженица.

Какая ирония, подумала Клэр, принимая мальчика в голубом одеяльце. Если бы... если бы Романо стал моим...

- До чего же малюсенькая, - произнес Романо голосом, какого Клэр никогда не слышала. Подняв голову, Клэр увидела, как бережно этот большой темноволосый мужчина держит ребенка. - Не могу поверить, что это настоящие ручки: они просто кукольные, - добавил он взволнованным шепотом, а от взгляда, которым он смотрел на младенца, в горле у Клэр запершило. - Тебя будут любить, маленькая, - сказал он тихо. - Тебя будут обожать всю твою жизнь.

Донато сжал руку друга, выражая полное понимание.

Клэр смотрела на маленького Романо-Лоренцо, и сердце ее сжалось. Она думала о том, будет ли когда-нибудь лежать у нее на руках ее собственный ребеночек. Вряд ли. Она ведь не выйдет замуж за нелюбимого. И уже никого не полюбит после Романо...

На одеяльце ребенка упала слеза, и Клэр испугалась - сейчас она разрыдается. Но в это время сурового вида медсестра вошла в палату и стала их выпроваживать.

- Да, видимо, пора прощаться, - проговорил Романо, передавая ребенка другу. Потом быстро сказал что-то сестре по-итальянски, отчего ее мрачная физиономия расплылась в улыбке. Клэр положила младенца в кроватку и вместе с Романо вышла из палаты.

- Как же они хороши - просто нет слов, - выдохнула Клэр, идя по коридору. - Просто чудо.

- Да, настоящее чудо, - откликнулся Романо. Он не предполагал, что вид двоих крошек так на него подействует. Чтобы побороть охватившее его сентиментальное чувство, он сказал деланно сухим голосом: - Грейс теперь еще больше оценит твою дружбу за то короткое время, что ты пробудешь в Италии. Когда ты собираешься возвращаться в Англию?

Слова эти, с последовавшим за ними вполне обычным вопросом, сами по себе могли бы быть комплиментом. Но тон Романо не покаялся Клэр дружеским. Она остановилась так внезапно, что Романо пролетел на несколько шагов вперед, прежде чем заметил, что она остановилась.

- Клэр? - Его поразил ее невидящий взгляд. - Что случилось?

- Романо, я не собираюсь играть в какие-то игры. Признайся, что ты мне нагрубил. - Как больно было принимать его равнодушие после часов, проведенных вместе в маленькой приемной и нескольких минут невыразимой радости в палате у Грейс.

- Я просто спросил...

- Я знаю, о чем ты спросил!

- Но я не вижу никаких оснований для такой... сцены.

- Ах, ты не видишь?.. В самом деле не видишь? - мрачно вопрошала Клэр, надвигаясь на него с горящими глазами. - Может быть, тебя удивят мои слова, но, когда ты говоришь с человеком так, словно он - прах с твоих ног, это его обижает. Ты богат, имеешь власть, ты красавец, Романо Беллини, но уверяю тебя: малая толика человечности стоит гораздо больше всего того, чем ты владеешь. И еще. - Клэр отступила на шаг, не отводя глаз от его лица. - Советую учесть: я уеду из Италии, когда сама этого захочу. Ясно?

- Ясно как Божий день. - На его скулах полыхали красные пятна. Черные глаза горели гневом. - Да и половина больницы, я думаю, тоже все слышала и все поняла.

- А мне плевать, - заявила Клэр. Боль от жестокой несправедливости происходящего привела ее в бешенство. - Мне все равно, что о нас подумают. Ты нагрубил мне после того, как мы любовались младенцами. Как ты мог?!

- Клэр...

Но она отступила от него еще на шаг, развернулась и побежала по коридору. Влетев в дамский туалет, который они только что миновали, она заперлась в кабинке и рыдала до тех пор, пока хватало слез.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Как могла я наговорить, ему такого? Эта мысль не покидала Клэр с того самого вечера, когда родились близнецы.

Тогда, выйдя из туалета, где она пробыла не меньше двадцати минут (лицо вымыто холодной водой, блестят расчесанные щеткой волосы), Клэр увидела Романо, ждавшего ее в коридоре. Романо стоял, прислонившись к стене, и казался абсолютно спокойным.

Она не знала, что последует дальше: упреки с его стороны, молчаливое презрение или бурная сцена. Однако ничего этого не было. Романо, указав рукой на выход, просто спросил:

- Домой? - И добавил: - Я позвонил Лоренцо, сообщил ему хорошие новости, чтобы он смог заснуть. Думаю, что я правильно сделал.

- Да, конечно. - Клэр удивилась своему спокойному голосу - ведь она страшно нервничала. Слава Богу, внешне это было незаметно, потому что сам Романо был невозмутим как статуя.

Всю дорогу до Каса Понтина они оба молчали, и Клэр думала о том, что она скажет, когда придется прощаться.

Когда же машина затормозила у входа в величественный особняк, Клэр смогла только выдать:

- Спасибо. До свидания.

Он ответил так же сухо. Захлопнув дверцу с ее стороны с едва сдерживаемой яростью, Романо обошел машину и сел за руль.

Мотор зарычал как тигр, Романо круто развернул машину и помчался по подъездной аллее. А Клэр еще долго стояла на крыльце, совершенно опустошенная.

Романо позвонил на следующее утро очень рано, когда вся прислуга, за исключением горничных, еще спала. Джина осторожно постучала к ней в дверь.

- Звонит синьор Беллини, синьорина, - сказала горничная, указывая на параллельный аппарат, - он хочет говорить с вами.

- Алло, - спросонок отозвалась Клэр, когда за девушкой закрылась дверь. - Клэр у телефона.

- Простите за столь ранний звонок, - начал Романо, - но нам нужно встретиться. Грейс с детьми будет дома уже завтра утром, и я не хочу ни в коем случае расстраивать жену моего друга. - Он говорил так отрывисто и сухо, что Клэр сразу окончательно проснулась и... вновь разозлилась. - Давай поужинаем с тобой сегодня вечером и выясним отношения.

- Не думаю, что в этом есть необходимость, Романо, - жестко ответила Клэр, сжимая трубку с такой силой, что пальцы ее побелели. - Я тоже не желаю расстраивать Грейс. Так что проблемы не существует. - То, что произошло вчера, останется между нами, - холодно продолжила Клэр. - Ради Грейс и детей мы должны сохранять видимость нормальных отношений.

- Значит, ты отказываешься поужинать со мной? - мрачно спросил Романо.

- Я уже сказала, что в этом нет необходимости. Меня сейчас прежде всего волнуют Грейс и близнецы, поэтому можешь считать, что обстановку мы прояснили. - Сердце ее билось так, что Клэр боялась: он тоже это слышит.

Она положила трубку на рычаг и тут же разразилась слезами, что случилось с ней довольно часто в последнее время.

И вот теперь, полтора месяца спустя, Клэр сидела с Грейс у бассейна и изо всех сил старалась не замечать двух мужчин, игравших с Лоренцо в футбол на лужайке. Особенно одного из них.

Они сидели с Грейс под тенью раскидистой ним, а рядом в своих колясках спали младенцы.

Клэр намеренно села спиной к бассейну.

Протянув руку и дотронувшись до подруги, она сказала:

- С малышами все в порядке, Грейс. И незачем жать им на животики, как проверяют говорящую куклу - пищит ли она.

- Я понимаю, - Грейс застенчиво улыбнулась. - Честное слово, я это знаю. Просто они такие симпатичные, и я их жутко люблю. А как относится к ним Лоренцо, ты заметила? По-моему, он от них в восторге.

- Да, и Бенито тоже. - Клэр слегка покачала головой. - Не увидев это своими глазами, я никогда бы не поверила, что попугай может в кого-то влюбиться. Но близнецы у него вызывают настоящее изумление.

- Знаешь, Бенито не простая птица, - сказала Грейс странным тоном. - Кстати говоря, если бы не он...

- То что? - Клэр наклонилась вперед, вся внимание. Но Грейс уже замолчала. - Что ты хотела сказать?

- Только благодаря Бенито мы с мужем снова сошлись, - медленно проговорила Грейс. —

Мы тогда так запутались. А Бенито нам помог. Донато смеется, когда я говорю, что попугай умеет думать и рассуждать, но это правда. Он умнее многих людей.

- И, уж конечно, болтливее, - осторожно вставила Клэр. Дело в том, что в последнее время у попугая появилась привычка по любому поводу связывать ее имя с именем Романо. И хотя Донато и Грейс с улыбкой объясняли факт тем, что так зовут младенцев, Клэр оставалась при своем мнении. Бенито забавлялся подобным образом еще до рождения близнецов и всегда при этом тянул «мммм» - будто раздумывал. Звучало так, словно он знает тайные желания Клэр, что немало ее озадачивало.

Вообще последние полтора месяца она испытывала постоянную сердечную муку. После того вечера в роддоме она думала, что Романо будет появляться лишь изредка в усадьбе - только чтобы Донато и Грейс ничего не заподозрили. Вместо этого он приезжал постоянно.

А может, он просто вел себя как всегда? Май в этом году выдался на редкость погожим, над головой сияло голубое небо, а солнце излучало ласковое тепло, так что нельзя было отказаться от частых трапез на открытом воздухе. Конечно же, Романо хочется быть в такие дни с друзьями, а не сидеть одиноко в своем роскошном доме, внушала себе Клэр.

Эти рассуждения, однако, не помогали ей справиться с чувством любви, переполнявшим ее существо. Она всей кожей ощущала присутствие Романо, даже не видя его.

Вот и сейчас Клэр, не оборачиваясь, почувствовала, что игравшие до того в мяч мужчины направляются к ним через лужайку.

- Солнце начинает припекать, - сказал, подойдя, Романо. Он уселся на землю у ног Клэр и поднял голову. - Ты правильно делаешь, что держишься в тени: твоя бледная английская кожа может обгореть.

- Не такая уж она бледная, - огрызнулась Клэр: как всегда, девушке показалось, что он

подтрунивает над ней. – Ты же не скажешь, что я – голубоглазая блондинка с тонкой кожей?

– Ты – кареглазое существо с гладкой шкуркой. И вообще похожа на жеребенка, быстрого и нервного. – Он сказал это вполголоса, однако так, чтобы все услышали.

– Я не соглашусь с тем, что я нервная, – Клэр ответила ему тем же беззаботным тоном, каким разговаривала с Лоренцо, когда они соревновались в остроловии. Но сравнение глубоко ее задело. Мог бы и не намекать на то, что она не похожа на пышнотелых флегматичных женщин, заполнивших пляжи с приходом лета. Не похожа она и на других – худощавых, уже загоревших и... едва прикрытых крошечными бикини. Бикини отныне не для нее.

– Каков же твой нрав – яростный, как у тигра? – не унимался Романо Его темные очки, прятавшие глаза, не позволяли понять, шутит он или говорит серьезно.

– Не уверена насчет ярости, – помолчав, ответила девушка. – Знаю только, что я не психопатка. А ты намекаешь как раз на это?

– Даже не думал намекать, – лениво пробормотал Романо. – Было бы весьма невежливо с моей стороны – как ты считаешь?

– Считаю, что соображения вежливости тебя ни на минуту не остановили бы. – Довольно поздно Клэр сообразила, что дерзит.

– Черт возьми, я совсем забыл, что жеребенок может лягнуть, если его раздражить. – Теперь он смеялся, как делал это иногда: безудержно, хрипловатым голосом. Слыша этот смех, Клэр сгорала от желания повиснуть на Романо и покрыть его лицо поцелуями. – Пошли поплаваем. – Он снова смотрел на нее, и ей показалось, что легкий разговор кончился – обычное приглашение прозвучало вызовом. – Вода теплая-теплая.

– Романо, вода-то как раз ледяная, – вмешалась Грейс. – Я купалась чуть пораньше и здорово замерзла.

– Вот видишь, жеребенок, все уже успели искупаться, кроме тебя. – Неторопливым движением он снял очки и сощурил глаза под лучами яркого света, проникавшего сквозь купол из ветвей. – Грейс и Донато сумеют присмотреть за детьми, пока ты охладишься.

Этим «охладишься» он все-таки поддел ее. Но она не собиралась сдаваться.

– Я не одета для купанья. – На Клэр и в самом деле был топ без рукавов и длинная летняя юбка. – Кроме того, скоро будем обедать. Лично я умираю с голоду. Грейс, может, я пойду и скажу Джине и Анне – пусть накрывают на стол?

– Да, я тоже пойду с тобой. В подвале есть пара бутылок «Рубино ди Пьяве», которое прекрасно сочетается с бифштексами и курами, – заговорила Грейс. – Мы берем что нужно, а мужчины тем временем займутся барбекю. Хорошо, Донато?

– Ну конечно, – ответил муж.

Барбекю и послеобеденное время прошли приятно, как и обычно по субботам. У Клэр, однако, участие в живой беседе, остроумном подтрунивании потребовало всех душевных сил. И позже, уже вечером, когда компания наслаждалась в гостинной кофе, девушка почувствовала, что должна немедленно уйти, иначе с ней случится истерика.

- Уже поздно, - сказала Клэр, встав со стула, - пожалуй, я пойду поищу Лоренцо. Он, наверное, все еще у бассейна.

- Его найдет Джина или Анна, - возразила Грейс.

- Да нет, я пойду. У меня начинается головная боль, и думаю, несколько минут на свежем воздухе мне будут полезны. - Клэр одарила Романо и всех остальных улыбкой, которую в последнее время довела до совершенства. - Пейте свой кофе, я быстро вернусь.

Выйдя из дома, Клэр постояла минуту-другую с закрытыми глазами, подняв лицо к темнеющему небу.

Как бы ни смотрела на это Грейс, я поскорее должна уехать отсюда, твердила себе Клэр. В том месте, где у людей сердце, у меня поселилась непроходящая боль.

Клэр шагала к бассейну, и решение ее крепло. Да, не нужно тянуть с отъездом, лучше всего уехать через неделю. Чем дольше она будет оставаться здесь, тем сильнее изболится ее душа.

- Помогите! Помогите... - На миг, услышав этот крик и увидев бурлящую воду, Клэр приросла к месту. Потом бросилась к бассейну.

- Лоренцо! Я здесь, Лоренцо, держись!

Трудно было сказать, сколько времени Лоренцо барахтался в воде, пытаясь выплыть, но, видя его искаженное лицо, Клэр поняла, что его схватила судорога и он бьет по воде руками уже из последних сил. Через минуту он исчез под водой.

Клэр прыгнула в бассейн и оказалась почти рядом с тем местом, где видела мальчика. Нырнув, она охватила его грудь одной рукой, а другой гребла, чтоб выплыть на поверхность, навстречу живительному воздуху.

Они выплыли, оба - хватая ртом воздух и отплевываясь. Но девушке мешала длинная юбка, она обвилась вокруг ног и тянула на дно. Лоренцо, цеплявшийся за нее руками и ногами, мешал еще больше. Они снова ушли под воду.

Тогда Клэр оторвала от себя подростка и дернула застежку юбки. После чего уже двумя свободными руками подняла Лоренцо, прижала его спиной к своей груди и попробовала подняться на поверхность.

- Успокойся, плыви, - говорила она, задыхаясь, - плыви сам, или мы оба утонем. - Лоренцо хватал воздух ртом, извивался в тисках ее рук и давился водой: вряд ли он понимал ее слова. Потом он повернулся лицом к девушке, уцепился мертвой хваткой за ее шею, и... они снова ушли под воду - в третий раз. Теперь Клэр была объята тем же страхом, что и он.

Неожиданно какая-то сила оторвала руки Лоренцо от ее горла, она вздохнула с облегчением, но в тот же миг ее схватили за волосы и потащили вверх. Теперь она заработала ногами и руками, чтобы выбраться наконец на поверхность.

- Клэр? Клэр, ты в порядке?

Она жадно втягивала воздух, ей щипало глаза, нос и горло, но она все же смогла кивнуть и сказать:

- Да, в порядке. - И почувствовала, что Романо отпустил ее и сосредоточил свое внимание на Лоренцо, который вдруг, пугая их, затих.

К моменту, когда Романо подплыл к краю бассейна, Донато и Грейс уже были там; они помогли вытащить Лоренцо, и старший брат тут же стал делать ему искусственное дыхание. Мальчик почти сразу закашлялся и вдохнул воздух, а Романо поплыл назад, к Клэр, все еще барахтавшейся в воде.

- Все нормально, я доплыву, - бормотала она, задыхаясь. Он проигнорировал ее протесты и потащил к краю бассейна, охватив одной рукой.

- Клэр, Клэр, дорогая!.. - Грейс была почти в истерике. - Мы же ничего не слышали, ни я, ни Донато, но вдруг Романо ни с того ни с сего вскочил и вылетел из комнаты. Боже мой, ты могла утонуть, вы оба могли утонуть...

- Перестань, Грейс, - мягко сказал Романо. - С ними все в порядке. Но, может, ты распорядишься о том, чтобы им приготовили горячие ванны и что-нибудь спиртное? А мы пойдем следом. Донато, ты можешь вести парня?

Донато еще явно не оправился от шока, об этом говорила его бледность и то, как он судорожно прижимал к себе Лоренцо. Медленно кивнув, он помог встать мальчику.

И вот тогда Клэр поняла, что случилось нечто ужасное: Романо... увидел ее шрамы. Ее тревога из-за Лоренцо, свой собственный страх и шок при мысли, что она утонет, - все подавило сознание того, что юбки на ней больше мет и маленькие трусики выставляют напоказ весь живот.

Значит, он заметил эти бледные серебристые шрамы на ее коже... Впрочем, его суровое красивое лицо оставалось непроницаемым, когда он вытащил ее из бассейна и взял на руки.

- Не надо, я пойду сама.

- Помолчи, я не позволю тебе идти. Ты же чуть не утонула, - сказал он строго. - Какого дьявола ты не позвала меня на помощь? - Он крепко прижал ее к себе, и у нее все поплыло перед глазами. Она едва нашла силы выговорить:

- Звать тебя - когда? На это не было времени. Я услышала, что Лоренцо кричит, и сразу бросилась к нему.

- Но ты рисковала жизнью, - ответил он мрачно.

Слезы щипали ей глаза.

- Значит, я должна была бросить Лоренцо? Дать ему утонуть?

Услышав, как дрожит ее голос, Романо остановился и, наклонив голову, стал смотреть на нее пронзительными черными глазами.

- Я просто не знаю, что делать: отшлепать тебя как следует или поцеловать? - спросил он. И добавил хриплым голосом: - Ты была такой мужественной...

Он собирался сказать что-то еще, Клэр чувствовала, что слова его идут от самого сердца и что преграда между ними рухнула. Но почему-то остановился. Клэр вспомнила его взгляд,

брошенный на шрамы, и ее пронзила душевная боль, настолько сильная, что перехватило дыхание.

Подпорченный товар. Вот оно, обвинение, которое он выскажет прежде, чем она успеет отвергнуть самого Романо.

- Опустить меня на землю. Я могу идти сама.

- Нет, не можешь.

- Не командуй мной!

- Пора начать тобой командовать.

Совсем неожиданно он впился губами в ее рот - голодный... разъяренный мужчина. Он прерывисто дышал. Ее соски вонзились в его мускулистую грудь. Желание одолевало обоих.

Вокруг них сгущалась ночная тьма, и уже через несколько минут небо растянуло над ними черный бархат, сиявший алмазами - первыми звездами. Птицы умолкли, из особняка, в отдалении, не доносилось ни звука. Казалось, они одни на всем белом свете.

Клэр чувствовала, как гулко стучит его сердце. Романо стал медленно опускать ее, пока ноги девушки не коснулись земли. Он все так же крепко прижимал ее к себе.

Теплые губы Романо двинулись по ее шее, а она дрожала, не в силах остановить его, сказать или сделать все то, что было бы разумно и правильно. Значит, это любовь, беспомощно подумала Клэр, вот это желание слиться с ним воедино душой и телом.

Клэр и не заметила, как ее пальцы погрузились в его жесткие густые волосы, и когда она притянула его голову снова к своему лицу, он тихо застонал, возбуждая ее тем самым еще больше.

Она сняла руки с его плеч - теперь они скользнули к нему под рубашку и стали гладить поросшую жесткими волосками грудь. Об этих ласковых прикосновениях она мечтала давно, но, ощущая жар его тела, Клэр не верила, что все это происходит наяву.

Он снова целовал ее, слегка покусывая нижнюю губу, проводя кончиком языка по верхней... А потом проник языком в ее рот, распалая ее.

- Я хочу тебя, я весь в огне. Что ты делаешь со мной, жеребеночек?..

Романо бормотал страстные слова, прижимаясь губами к ее закрытым глазам, а голос был хриплым от желания. Она тоже желала его, желала так, что забыла обо всем на свете.

Она ощущала его возбуждение - его затвердевшее мужское естество давило ей на живот. В голове Клэр мелькнула мысль, что нужно отодвинуться, но она была не в силах... Все мысли ее рассеялись. Не было ни прошлого, ни будущего, не осталось ничего, кроме двух тел, объятых пламенем.

Теперь его руки скользили по всему ее телу и вот коснулись ее живота. Клэр сжалась: сейчас он наткнется на ее шрамы...

- Романо, Романо, где ты? - донесся из темноты голос Донато. - Ты идешь?

Слова эти пробились сквозь бурю ощущений, помутивших ее разум, и Клэр рывком вырвалась из объятий мужчины. И отступила на шаг.

- Клэр! - он протянул руки и снова прижал ее к себе, а она не успела воспротивиться.

Он прижал ее еще крепче, чем раньше, и проговорил: - Я не хотел этого. Все случилось само собой. Поверь мне.

Она смотрела на него не отрываясь. Само собой?.. Он мог вот так ласкать и целовать ее - помимо своей воли? И все это ничего для него не значит?

- Пожалуйста, пойми... - Его снова позвал Донато, и Романо тихо выругался. - Клэр, тебе придется понять, что я не смогу дать тебе того, что ты от меня ждешь.

- Чего же я жду? - Она дрожала всем телом.

- Обязательств с моей стороны. - Слова на минуту повисли в воздухе, холодные и жестокие, потом он продолжил: - Ты ведь так представляешь себе наши отношения, верно? Это так, я знаю, поэтому и не прикасался к тебе несколько недель. - За молчав, он легонько встряхнул ее: - Не смотри на меня такими глазами. Конечно, это не те слова, которые ты надеялась услышать от меня, однако это правда.

- Но почему же... сегодня? - спросила Клэр прямо.

- Не знаю, почему именно сегодня. - Голос его был так бесстрастен, что она похолодела. - Я не хотел этого, но ты... Ты ведь чуть не утонула! - закончил он фразу с яростью, никак не вязавшейся с его прежним тоном.

- Значит, ты просто по доброте хотел меня приласкать? - спросила она слабым голосом. Да-да, так оно и было: он ее пожалел. Увидел шрамы, почувствовал ее смущение и после этого начал утешать. От этой мысли Клэр захотелось умереть.

- При чем здесь доброта, черт возьми? - Он смотрел на нее как на сумасшедшую.

- Ты... ты меня пожалел, - проговорила Клэр безучастно - голосом таким же невыразительным, каким недавно говорил он. Однако ее всю охватила дрожь.

- Не говори ерунду, - начал он сурово, но замолчал, увидев, как она дрожит. - Тебе холодно. Дьявол, ты же заболеешь. Зачем я держу тебя здесь?!

Романо подхватил ее на руки прежде, чем она успела опомниться. У Клэр не было сил сопротивляться. Она закрыла глаза и не открывала их даже тогда, когда он внес ее в дом, а потом - поднявшись вверх по лестнице - в ее комнату. И только после того, как он бережно усадил ее в плетеное кресло в ванной, а Джина и Анна стали хлопотать около нее, - только тогда она очнулась.

- Как Лоренцо? - слабым голосом спросила Клэр, перебивая бесконечные аханья и оханья горничных, которые снимали с нее топ и трусики и помогали забраться в ванну.

- Лоренцо? С ним все хорошо, - заверила ее Джина, подливая горячей воды в ванну, где пенился душистый экстракт. - У него только... как это по-английски... плохое горло. От воды, которой он нахлебался. Но он - о'кей. И доктор скоро придет.

Вскоре действительно появился доктор. И после осмотра Лоренцо, завершившегося заключением, что у мальчика все в порядке, доктор зашел к Клэр.

- *Ciao*, Клэр!

Девушка любила этого врача. Он долгие годы лечил семью Витториа, он же наблюдал Грейс во время беременности. Клэр его хорошо знала.

- Привет! - Девушка попыталась улыбнуться, но, к своему ужасу, разразилась слезами. А доктор сидел у постели и поглаживал ее руку. Клэр перестала всхлипывать.

- Скажите, Клэр, - начал врач, - эти слезы из-за вашего приключения в бассейне или здесь что-то другое?

- Я... - Она колебалась, глядя в лицо мудрого старика, потом решила, что в данном случае помогут только честность и откровенность. - Есть... есть проблема, которая меня угнетает. Мне кажется, что мне нужно уехать из Италии. Я лучше справлюсь с этим дома. Однако нельзя же вот так просто бросить Грейс...

- Я считаю, что вы правильно сделали, приехав сюда, когда она просила, - сказал врач. - И супруги будут рады, если вы проживете здесь, сколько захотите. Но ведь самое трудное время позади. Не так ли? Грейс прекрасно справляется с детьми. - Старик улыбнулся. Клэр тоже выдавила улыбку, хотя в глазах ее стояли слезы. - Ваша проблема... сердечная? - спросил врач осторожно. И когда она кивнула, заключил: - Ну что ж, в вашем возрасте это естественно.

- Думаете, я больше не нужна моей подруге? - настаивала Клэр.

- Я думаю, ей приятна ваша компания, но Грейс умная женщина и понимает, что у вас своя жизнь и что здесь вы были временно. Сейчас я дам вам таблетки, которые помогут уснуть, а утром, на свежую голову, вы обдумаете ситуацию и найдете выход. Сейчас совсем не время для серьезных решений.

После ухода врача Клэр лежала и ждала, когда лекарство начнет действовать. Она обводила глазами со вкусом обставленную комнату, рисовала себе весь дом, усадьбу. Я буду скучать по всему этому, думала Клэр: по Каса Понтина, по Грейс и Донато, по Лоренцо и маленьким близнецам. Но уехать нужно, просто необходимо. Произошедшее с Романо тому верный знак.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

- Прощальная вечеринка? - Романо перевел удивленный взгляд с приглашения, которое ему только что вручила Грейс, на Клэр. - Ты уезжаешь? Когда же? - Тон его был сухим.

- Недели через две. - Клэр сама изумилась тому, насколько спокойно она ответила. Она видела его впервые за три дня, прошедшие после случая в бассейне. И хотя Романо звонил каждое утро, справлялся, как чувствуют себя Клэр и Лоренцо, в особняке он не появлялся. - Грейс настаивает на вечеринке.

- Разумеется, настаиваю. Пока ты жила здесь, у тебя появилось много друзей. Они все захотят с тобой попрощаться. А бедный Аттилио уже погрузился в печаль. - Грейс сказала это легким тоном и как бы нечаянно взглянула на Романо. - Клэр однажды заявила ему, что ей некогда заводить любовные интрижки, но я думаю, бедный мальчик все же на что-то надеялся, пока она оставалась в Италии. А ведь из них получилась бы красивая пара, как ты считаешь, Романо? - продолжала Грейс. - Аттилио винит себя за то, что последний месяц был в отпуске,

но он еще в Рождество договорился с друзьями путешествовать по Франции. И теперь он просто в отчаянии... – Грейс засмеялась. – Однако же надеется, что в оставшиеся две недели Клэр передумает. – Грейс еще раз взглянула на Романо. И заторопилась на кухню. – Выпей чего-нибудь и налей для Клэр, – сказала Грейс. – Я скоро вернусь. – Жизнерадостно улыбнувшись, она закрыла за собой дверь, оставив их наедине.

– Хочешь выпить? – холодно спросил Романо, скользя взглядом по ее блестящим каштановым волосам, по лицу и задержавшись на пунцовых губах.

– Нет, не очень. А ты? – нервно откликнулась Клэр.

– Нет, Клэр, не хочу. – Она еще никогда не видела итальянца в подобном настроении и не могла обозначить его словами: глаза Романо сверкали каким-то странным блеском. – Итак, ты возвращаешься в Англию, разбив сердце бедному Аттилио, – продолжал Романо – Не думал я, что ты покинешь Грейс с малышами так скоро.

– Самое тяжелое время для Грейс прошло, это было еще до родов, теперь она в порядке. А я... у меня в Англии дела.

– Какие именно? – Слова резали как кинжал.

– Дела мои – личного характера.

– Это не ответ, – рявкнул он.

– Другого ты не получишь.

– Ну что ж... – Он мрачно ее разглядывал.

Какой же он красивый и... высокомерный.

Зачем было мне, дура, влюбляться именно в этого человека? – думала Клэр в отчаянии.

– Ты придешь на вечеринку? – спросила она осторожно, чтобы нарушить молчание, становившееся невыносимым.

– Ты хочешь, чтобы я пришел?

– Конечно. Донато и Грейс расстроятся, если ты откажешься прийти.

– Ну да, Донато и Грейс... Ради них я, разумеется, приду. – Он смотрел на нее, щуя черные глаза.

– Вот и прекрасно.

Настала середина июня, дни стояли жаркие. Все это время Клэр загорала осторожно и в меру, и теперь ее кожа приобрела медовый оттенок, а каштановые волосы отливали медью, отчего ее темные глаза казались огромными.

Вместе с Грейс они совершили несколько прогулок по магазинам в Сорренто. Расположенные в узких, кривых переулочках лавки предлагали покупателям все, что угодно, – от очень дорогой, модной одежды и роскошных ювелирных украшений до кустарных поделок и дешевых сувениров.

Побродив час-другой по торговым рядам, женщины останавливались в каком-нибудь кафе, где лениво потягивали кофе и жевали пирожные со сверхкалорийным кремом – вплоть до того часа, когда Грейс нужно было спешить домой, чтобы кормить близнецов.

Это могло бы быть вполне приятное времяпровождение перед отъездом. Если бы не вечно стоявшая перед мысленным взором Клэр высокая, стройная фигура итальянца. Где бы ни была Клэр и что бы ни делала, этот образ оставался с ней.

Ну что ж, думала она в день назначенной вечеринки, по крайней мере я купила подходящее к случаю платье. Она снова взглянула на платье для коктейля из парчи кремового цвета, висевшее в гардеробе. Сначала девушку ужаснула цена. Цена казалась немыслимой за короткое платье на узких бретельках. Однако, примерив его, Клэр поняла, что не может от него отказаться. Платье подчеркивало стройность ее фигурки, как ни одна другая вещь.

- Идеальное платье, Клэр, ты должна его купить! – воскликнула Грейс, порываясь оплатить покупку, но подруга настояла на том, чтобы заплатить самой. Она знала, почему это платье ей необходимо. Он не хочет иметь с ней ничего общего? Прекрасно. Он жалеет ее? Замечательно. Сегодня она сумеет уйти из его жизни, хлопнув дверью. И никаких стенаний!

Но все это будет потом, а сейчас она собиралась отправиться к бассейну вместе с Грейс и близнецами и расслабиться.

Клэр подошла к огромному зеркалу у окна, чтобы получше разглядеть свое отражение... в бикини. Клэр купила купальник в тот же день, что и платье: она бросила вызов, хотя еще толком не знала, какой именно.

Она медленно провела пальцем по еле заметным швам на животе, глядя в зеркало. Это я, размышляла девушка, хороша я или плоха, совершенна или нет, я больше не собираюсь прятаться. Люди справляются с гораздо большими проблемами и делают это мужественно. Я на время растерялась, сосредоточилась на том, что испорчено, и не придавала значения всему хорошему, что во мне осталось. Довольно!..

Мне повезло в жизни, очень повезло. Отныне я буду учитывать все свои удачи – каждый час, каждую минуту.

Клэр шла к бассейну, вдыхая теплый воздух, пропитанный летними запахами. Компания уже собралась. Донато, Аттилио и Лоренцо плавали наперегонки в прохладной прозрачной воде.

Клэр порадовалась за Лоренцо – он снова плавал со свойственным ему азартом. Подросток немного боялся воды с того дня, когда чуть не утонул. Но сейчас плавал так же уверенно, как и раньше.

Как выяснилось, в тот злополучный день Лоренцо забрел на кухню и наелся до отвала – буквально за несколько минут до купанья...

Клэр, видимо, задремала, несмотря на шум, долетавший от бассейна, потому что, когда, повинувшись смутному инстинкту, она открыла глаза, рядом с ней – Пресвятая Дева! – лежал Романо, облаченный всего лишь в узенькие плавки. Прищурившись, он смотрел на нее. У Клэр перехватило дыхание.

- Привет. – Голос его прозвучал мягко. Он лежал на боку, подперев голову рукой и повернувшись к ней так, что она могла обозреть все его загорелое мускулистое тело.

У нее не было сил ни шевельнуться, ни ответить ему.

- Грейс унесла младенцев в дом - кормить, - спокойно продолжал Романо. - Донато и Лоренцо помогают устанавливать тент на большой лужайке: Грейс решила устроить вечеринку на воздухе. Так что вокруг нас везде бурная деятельность.

- Да... исключая этот уголок, - сказала Клэр. Их шезлонги стояли под раскидистым деревом, дававшим густую тень. Девушка села, внутренне страдая от мысли, что он наблюдал за нею во сне и мог исследовать каждый сантиметр ее тела. Она вздохнула: одно дело - не бояться показывать шрамы всему свету, и совсем другое - лежать полуобнаженной перед Романо.

- Исключая этот уголок, - мягко согласился он.

- Ты... не хочешь помочь Донато? Мне же нужно посмотреть, как там Грейс, - заторопилась она.

- Я хочу поговорить с тобой.

- Поговорить? - Усилием воли Клэр подавила панику. - О чем же?

- Просто я хотел узнать твои планы на будущее, только и всего, - невозмутимо продолжил он. - Ты вернешься в Италию в ближайшее время? Грейс была бы очень этому рада.

- Я не считаю это возможным, - ответила Клэр. Она едва держалась, боясь в любую минуту впасть в истерику. Прямо перед ним. Клэр подтянула колени к голове и наклонила голову, так что шелковый занавес ее волос закрыл лицо. - В последние два месяца, пока я нянчила близнецов, я думала и... пришла к решению. Мне надо осуществить его до того, как сомнения снова возьмут надо мной верх.

Он спустил ноги с шезлонга, но она не взглянула в его сторону, даже когда он заговорил:

- Могу ли я узнать, что это за решение?

- Я хочу снова работать с детьми, - медленно ответила Клэр. - Тот случай - авария, - о котором я тебе рассказывала, очень на меня подействовал, хоть я была и не виновата. Джеф меня бросил... другой водитель погиб, а ведь ему было всего восемнадцать лет. У меня в машине были дети, которых я тогда нянчила... В общем, я утратила мужество... на какое-то время. Боялась брать на себя ответственность.

- А дети?..

- О нет, дети не сильно пострадали, у них были всего лишь порезы, синяки, легкое сотрясение мозга. Их отпустили домой из больницы уже на следующий день. Но ведь все могло быть иначе - эта мысль меня постоянно преследовала... Меня же какое-то время держали в больнице. У меня были повреждения в брюшной полости, переломы. Впрочем, шрамы у меня на животе - мелочь по сравнению с теми, что остались в душе. - В ее голосе зазвучали слезы.

- Клэр...

- Я люблю детей, люблю работать с ними, и я решила: не позволю прошлому преследовать меня, - заговорила она торопливо - чтобы он не перебил ее. Она не хотела слышать слов сочувствия.

- Ты мужественный человек, - все-таки сказал он. Была нотка в его голосе, заставившая Клэр повернуть голову. Лицо его стало белым как мел. - Очень мужественный.

- Да нет, не совсем, - сказала она грустно. - Не всегда. Вот, например, что касается тебя... - Сознание того, что она, может быть, больше никогда его не увидит, вдруг пронзило ее, и на лице ее, вероятно, отразился ужас. Пересев на ее шезлонг, Романо порывисто протянул к ней руки.

- Худшее позади, Клэр, - взволнованным голосом проговорил он, потом привлек ее к себе и обнял. - Но почему бы не повременить с отъездом, не помочь, ухаживать за близнецами - здесь? Грейс будет только рада...

- Нет, не могу...

Он внезапно впился губами в ее рот. Поцелуй этот был весь отчаяние и страсть.

Долгие минуты они прижимались друг к другу: два тела, темное и светлое...

- Остайся, ты же хочешь остаться, - пробормотал он наконец. Приподняв ее голову, он вглядывался в лицо Клэр сверкающими глазами. - Мне стоит только прикоснуться к тебе, и нас охватывает пламя. Ты же видишь...

- Да, вижу, - беспомощно согласилась Клэр.

- Тогда остайся. Поживи еще в Италии.

- Нет, не могу. - Всем своим существом она жаждала пойти навстречу его желаниям, растаять в его объятиях, взять то, что он готов был дать. - Я не могу.

- Ты ведешь бесполезную борьбу. Ты не выиграешь, Клэр, - хрипло пробормотал он. —

Нам было бы хорошо вместе, уверяю тебя. Не может быть, чтобы другие твои приятели, тот же Джеф, пробуждали в тебе такие же желания. Когда ты мне отдашься, мы испытаем бесконечное блаженство, словно ты у меня первая и я у тебя первый. Ведь ты это знаешь, чувствуешь...

- Не надо, Романо...

Он прервал ее поцелуем, рот и руки его распалили ее так, что она застонала.

- Ну вот, видишь? - Он приподнял голову, чтобы заглянуть ей в глаза. - Видишь, от чего мы оба отказываемся? А остайся мы одни... на всю долгую ночь... Я жажду ласкать тебя, целовать, пробовать на вкус каждую крохотку твоего тела. Мы отправимся в мир, где нет ничего, кроме невысказанных ощущений и радости.

Он хочет меня, хочет, лихорадочно думала Клэр, и это совсем не жалость с его стороны. Джефа отталкивали шрамы на моем теле, Романо - нет... Но...

- Но ты меня не любишь, Романо. - Она отстранилась, чтобы видеть его смуглое лицо. - Ты бросишь меня в один прекрасный день.

- Что такое любовь, Клэр? Иллюзия. Любовь живет в сердцах лишь немногих избранных. У нас будет нечто более существенное, реальное: слияние наших тел...

- Любовь - не иллюзия, Романо. - Еще за секунду до того, как заговорила, Клэр знала, что это конец. Но ей было невмозможно: она была готова согласиться с ним. А потом... Она, потерянная, лишенная воли, будет выброшена из его сердца. Она будет нужна ему лишь для сексуального насыщения. Надо покончить с этим, прямо сейчас, решила она, а поэтому следует говорить правду. - Я знаю, о чем говорю, потому что я люблю тебя, Романо, - произнесла Клэр одеревеневшим голосом. Никогда бы не смогла она представить себе такого: признаться ему в любви ради того, чтобы расстаться.

Он застыл. Минута проходила за минутой. Потом он медленно покачал головой, не отрывая от нее взгляда.

- Нет, не любишь. Ты принимаешь физическое влечение за любовь. Ту любовь, которую живописуют в романах, показывают в кино. Да они морочат голову людям в собственных интересах! Для большинства любовь - сказка.

- Если бы так, Романо. - Клэр отодвинулась от него, потом встала с шезлонга и стоя смотрела на него, а сердце ее разрывалось на части. - Если бы так. Не спрашивай, как я поняла, что люблю тебя и что буду любить всегда. У меня нет ответа, просто это живет вот здесь, глубоко внутри. - Она прижала руки к груди. - И любить тебя так же естественно для меня, как дышать.

- Ты и Джефа, думала, любишь. - Романо тоже встал, голос его был холодным и жестким. - Даже собиралась выйти замуж за него.

- Я же тебе объясняла: он притворялся, что любит меня. Но ты был честным со мной, убийственно честным. И дал мне понять: у нас не будет взаимности. А мои чувства не позволят мне остаться в Италии, Прости, Романо, но это так.

- Значит, ты сбегаешь...

- Нет, - она остановила его движением руки, - я не сбегаю. Я просто уезжаю. Есть разница. Не думай, что я свалю на тебя вину за все, я бы и не подумала, если бы...

- Если бы я не подтолкнул тебя? - подсказал он мрачно.

- Может, это и к лучшему. Не знаю. - Она покачала головой, и шелковые волосы коснулись ее лица, ставшего мертвенно-бледным. - Но я знаю, что не могу остаться. Если я уеду - я расстанусь с тобой спокойно, даже с достоинством. А если останусь - превращусь в одну из женщин, которых презираю: это игрушки, марионетки, живущие в ожидании его звонка. То есть твоего, когда ты захочешь меня в постель...

- Ты искажила картину. - Он прочесал пальцами волосы, и жест этот выдал его отчаяние. - Мы бы стали друзьями.

- Я не смогу быть твоим другом, Романо. - Она поняла, что срывается на крик, и поспешно понизила голос: - Я хочу большего, намного большего, чем дружба. Потому что иначе стану камнем у тебя на шее. Ты меня возненавидишь, а может, и я тебя возненавижу, несмотря на всю мою любовь. - Слезы хлынули у нее из глаз, но она продолжала говорить, преодолевая душевную боль. - Я хочу все... сполна: хочу быть твоим другом, женой, матерью твоих детей, хочу быть с тобой рядом на старости лет. Все хочу, все...

Он слушал потрясенный, лицо его было так же бескровно, как и ее лицо.

- Но я знаю, что это невозможно. Ты похоронил свое сердце вместе с Бьянкой, в ее могиле. Все, о чем я говорила, ты хотел иметь. Но судьба отняла ее у тебя.

Клэр не могла больше говорить, ее голос заглушило рыдание. Она повернулась и побежала. Она так торопилась, словно от этого зависела ее жизнь. Пробежав вдоль бассейна, Клэр стала подниматься в сад, окружавший особняк.

И однако - как ни смешно, как ни глупо - она хотела, чтобы он бросился за ней, схватил за руку и сказал, что он все понял. Что у них есть надежда, потому что он научится ее любить.

Но он не побежал за ней следом. Она влетела в свою комнату, где ее ждала мертвая тишина.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

- Клэр? Клэр, ты в порядке?

Услышав голос подруги за дверью, Клэр отвернулась от окна, у которого стояла уже почти час. Она ощущала себя настолько опустошенной, что не могла даже плакать.

Я сейчас совершила как раз то, чего сама себе обещала никогда не делать. Боже мой, почему, почему я не промолчала? - думала она с ужасом. Однако дело сделано. И унижение ее неизмеримо. А если бы можно было повторить все сначала, поступила бы я иначе? Клэр шла к двери, обдумывая эту мысль. Нет, вероятнее всего - нет. Конечно же, нет. Это был единственный способ заставить его понять, что она уедет и больше не вернется.

О, Романо. Клэр прислонилась лбом к двери. Она бы вынесла в тысячу раз больше унижений, если бы только он полюбил ее после этого.

- Клэр? - Грейс стояла на площадке, и голубые ее глаза смотрели с тревогой. - Что случилось? Я не хочу вмешиваться, но Донато сказал мне, что ты бежала к дому, как будто за тобой гнался сам дьявол, и что Романо уехал, даже не попрощавшись. Вы... вы поссорились?

- Не совсем. - Взгляд Клэр был печальным. - Однако все не просто, очень не просто - по крайней мере для меня. Войди в комнату, я тебе расскажу.

- Не следует мне лезть в душу...

- Но я сама хочу тебе рассказать. Поскольку Романо - лучший друг твоего мужа, ты должна все знать. Возможно, мне следовало открыться раньше. Но я не хотела, чтобы ты нервничала. Ну так скажу теперь: дело в том, что я влюбилась в Романо - без взаимности. Он испытывает ко мне только физическое влечение.

- О, Клэр... - Грейс тяжело опустилась на кровать. - А он знает? Знает, что ты его любишь?

- Как раз поэтому я и бежала домой сломя голову, - мрачно сказала Клэр. - Он почему-то решил, что мы могли бы приятно проводить время, завести легкий романчик, который кончился бы с обоюдного согласия, и что потом мы могли бы остаться друзьями. Но это совсем не для меня.

- Еще бы! - Грейс метнула гневный взгляд. - Ох эти мужчины!

- Судя по всему, он не замечал, что я влюблена в него. - Клэр вздохнула. - А теперь, вероятно, радуется, что не попался в ловушку. Его очень испугало мое признание.

- А он сказал, что не любит тебя? - спросила Грейс.
- Сказал, что больше не верит в любовь. Мне кажется, что со дня смерти Бьянки его сердце заперто на замок. И, наверное, он никого уже не будет любить так, как ее. - Клэр было трудно об этом говорить, но пришлось.
- Бьянка?.. - Глаза Грейс округлились. - Он сказал, что все еще ее любит?
- Дал понять... - Клэр снова подошла к окну и стала смотреть в сад, повернувшись к подруге спиной. - Как бы там ни было, меня он не любит. И я не могу оставаться здесь, зная об этом. Ты ведь меня понимаешь?..
- Разумеется, но... - Грейс запнулась. Потом заговорила с отчаянием: - О Клэр, мне так много хотелось бы рассказать тебе, но все это - не моя тайна. И я поклялась... - Она резко замолчала, однако через минуту продолжила: - Бьянка была совсем не такой, какой казалась. Больше ничего не скажу, но я думаю обо всем этом с тех пор, как Романо тобой заинтересовался.
- Романо - мной? - Клэр горько усмехнулась. - Может, он сам заговорит с тобой на эту тему, но будет расписывать, как нам вдвоем было бы хорошо в постели. А этого, учитывая мои чувства, мне мало. - Клэр повернулась лицом к подруге. - Впрочем, трагедии нет. Я это преодолею. - Никогда, кричал ее внутренний голос. - Но давай готовиться к вечеринке, - продолжила Клэр. - Незачем портить ее разговорами о моих чувствах. Иди к себе, одевайся. И я займусь тем же. - Подойдя к подруге, Клэр обняла ее и тихонько подтолкнула к двери. - Мы будем веселиться, а потом я пробуду с вами еще один, последний день.
- Ты меня страшно расстроила. Не могу поверить, что Романо так поступил, - жалобно проговорила Грейс, выходя на площадку. - Наверное, я плохо его знаю.
- Он не виноват, Грейс, - поспешно сказала Клэр. - Он говорил мне с самого начала, когда мы почувствовали физическое влечение друг к другу, что может предложить мне только короткий романчик. Он был откровенен со мной. Но вот я... Вся драма в том, что я не собиралась влюбляться в него, просто... это случилось само собой.
- Понимаю. - Грейс быстро обняла ее, а потом зашагала прочь с низко опущенной головой.
- Да уж... повеселимся сегодня вечером, мрачно думала Клэр, направляясь в душ и включая воду. Грейс все расскажет мужу, и оба будут выглядеть как на похоронах. Мне тоже меньше всего сейчас хочется улыбаться. Романо, конечно же, не придет...
- Сняв с себя бикини, Клэр встала под струю теплой, мягкой как шелк воды. Какая ужасная история, думала она.
- О-о, ты выглядишь роскошно, - протянула Грейс, когда Клэр вошла в гостиную, где Донато с женой уже сидели, ожидая гостей. Хозяин дома при виде Клэр открыл рот. Платье и в самом деле оказалось стоящим. Жаль только, вздохнула Клэр, что его не увидит тот, ради кого оно надето.
- А что, обычно я выгляжу гораздо хуже? - с улыбкой ответила на комплимент девушка.
- Нет, нет, - Донато первый пришел в себя. Он вскочил с кресла и сказал: - Что ты выпьешь? Белого вина, как всегда?
- Нет, сегодня - не белого. - Сегодня, чтобы продержаться мне нужно что-нибудь покрепче,

решила про себя Клэр. – А что пьешь ты? Коктейль? – В стакане у Донато, стоявшем рядом с креслом, переливалась янтарная жидкость, похожая на безобидное имбирное пиво. Но, глотнув этого «пива», Клэр чуть не поперхнулась. Впрочем, как раз такой-то напиток мне и нужно, подумала она. – Налей и мне, пожалуйста.

– Прекрасная мысль, – подхватила Грейс, никогда раньше не употреблявшая ничего, кроме легких вин. – Мне тоже.

Донато, судя по его виду, не одобрял выбор женщин, но не хотел спорить.

Через полчаса – когда стали прибывать первые гости – Клэр смогла немного расслабиться, а Грейс явно захмелела. Донато забрал у жены бокал с остатками спиртного и заменил его фруктовым соком.

– Ну, держись, – сказала Грейс подруге вполголоса, слыша, как Анна у входной двери говорит с кем-то на беглом итальянском. – Пир во время чумы начался.

– Ох, Грейс! – Клэр не думала, что хоть что-то заставит ее сегодня вечером улыбнуться, но фраза подруги, произнесенная драматическим тоном, к тому же точно передававшая ее собственное настроение, развеселила Клэр.

Вечеринка в самом деле началась. И шла своим чередом. Клэр смеялась, болтала с гостями, принимала многочисленные комплименты; она избегала влюбленного взгляда Аттилио, а когда не могла избежать – улыбалась ему так же лучезарно. Но все это время душа ее болела.

В толпе богатых, элегантно одетых людей Клэр все напоминало о Романо. Вот от кого-то едва уловимо повеяло знакомым ей дорогим лосьоном. Кто-то похожим движением повернул голову. Потом послышался хрипловатый смех. Мелькнула широкоплечая фигура...

– Ну как ты? – Грейс обняла подругу за талию. И прошептала на ухо: – Знаешь, Донато восхищен тем, как ты выглядишь и как держишься.

– Правда? – Слова Грейс не утешали.

– Через минуту-другую я объявлю, что столы под тентом накрыты и ужин ждет. А потом на главной лужайке начнутся танцы; оркестр уже прибыл. Ты же съешь чего-нибудь, да?

– Да, конечно. Перестань за меня волноваться.

Кусочек с тарелки, которую наполнил для нее Аттилио, Клэр проглотила, но тут же и отодвинула закуску. Над садом начали сгущаться серо-голубые сумерки, а потом зажглись сотни крошечных лампочек на проводах, продернутых сквозь ветки деревьев. Огоньки светились и мигали в бархатной темноте.

Все вокруг – изысканно одетые женщины и их партнеры, красивый сад, особняк с его благородной архитектурой, исполняемая оркестром томная музыка, под которую уже танцевало несколько пар, – все это казалось Клэр чуточку нереальным. Уж не сон ли мне привиделся? – спросила она себя.

– Клэр? – Аттилио поднялся со стула, слегка поклонился и протянул руку: – Вы не потанцуете со мной? Пожалуйста, прошу вас. Мне нужен этот танец. Я запомню его навсегда.

– Честно говоря, мне не хочется танцевать. – Клэр была невыносима мысль, что другой

мужчина будет обнимать ее во время танца. Кроме того, она не считала нужным поощрять юношу, выказывавшего ей безмерную преданность.

- Ну пожалуйста. - Аттилио продолжал стоять над ней с протянутой рукой, и через минуту, заметив взгляды публики, Клэр поднялась.

- Только один танец.

- Да-да. - Он улыбнулся ей с таким обожанием во взгляде, что Клэр в сотый раз подумала: ну почему я не влюбилась вместо Романо в этого красавца учителя? С ним было бы все так просто и легко!

На танцевальной площадке Аттилио крепко прижал ее к себе и повел в танце: она сразу поняла, что танцует он превосходно. Ну что ж, может быть, и все остальное он делает превосходно, подумала Клэр, однако он - не Романо.

- Клэр, вы скоро вернетесь, ведь правда? - спросил юноша тихо.

Аттилио без конца задавал ей этот вопрос в последние две недели. И она, как всегда, отвечала:

- Нет, не думаю.

- Но, Клэр...

И тут она увидела его. Глядя в сад через плечо Аттилио, уловила взглядом какое-то светлое пятно и поняла, что это белый смокинг Романо. Он стоял, небрежно прислонившись к стволу старой магнолии, у самого края лужайки и смотрел в сторону Клэр. Сумерки и большое расстояние не позволяли разглядеть выражение его лица, но Клэр не сомневалась, что в глазах его упрек: она танцует с другим мужчиной...

Клэр смутилась и сбилась с такта, а потом опомнилась - с ней же говорит Аттилио. Она заставила себя оторвать глаза от фигуры в белом смокинге.

- Простите, что вы сказали?

- Я сказал... - Учитель умолк, заметив, что ее взгляд направлен куда-то в сторону, и повернул голову. - А не Романо ли это вон там?

- Да... наверное, Романо - Сначала Клэр растерялась, но тут же в ней зародился праведный гнев. Как Романо может? Как смеет проявлять такую бестактность? Зачем явился сюда? Попрощаться - как положено воспитанному человеку? Нет, у нее нет желания идти ему навстречу, правильно это или неправильно.

Она любит его. Рассказала ему о своих чувствах. Разве он не понял, как тяжело ей это далось?

- Теперь мне ясно то, в чем я раньше не мог разобраться, - с грустью в голосе проговорил Аттилио. Взгляд юноши, оторвавшись от Романо, снова остановился на ее лице. - Это из-за него вы так поспешно уезжаете?

Ей хотелось уйти от ответа, даже солгать, но она не смогла.

- Да, Аттилио. - Она медленно кивнула и посмотрела юноше прямо в глаза. - Из-за него.

- Значит, у нас обоих - разбитые сердца. И у вас, и у меня. Как жаль, Клэр. Как было бы удобно,

если бы любовь можно было включать и выключать, словно водопроводную воду, а? Но это невозможно.

- Вы правы. - Сочувствие и понимание юноши было трудно перенести сейчас, при ее нервозности. Увидев, что слезы хлынули из ее глаз, Аттилио крепче прижал ее к себе и сказал:

- Простите меня. Я вас расстроил, но я не хотел.

- Это вы простите меня, Аттилио. Я заставила вас страдать. Не думала...

- Можете ничего мне не говорить, - перебил он ее. - Я все понимаю. Вы самая добрая, нежная...

- Мне очень неприятно прерывать ваши публичные объятия, - послышался суровый голос, - но я должен поговорить с тобой, Клэр.

Если бы в этот миг с неба посыпался снег, она удивилась бы меньше - возле них стоял Романо, источавший смертельный холод.

Клэр вскинула голову, но руки Аттилио тут же еще крепче обвилились вокруг нее.

- А если Клэр не хочет с вами говорить? - вмешался Аттилио, и на секунду Клэр не поверила, что он посмел говорить с Романо таким тоном. Романо тоже смутился, но всего лишь на мгновение.

Глаза Романо превратились в узкие щелки, словно он собирался испепелить юношу взглядом, но стоило Романо сделать шаг к ней, как Клэр сама высвободилась из рук учителя со словами:

- Все нормально, я с ним поговорю.

- Клэр, вам не нужно этого делать.

- Она будет со мной говорить, черт возьми! - прорычал Романо.

- Все в порядке, Аттилио, правда. - Клэр пыталась изобразить на лице улыбку. - Я... мне необходимо с ним поговорить. Пожалуйста, отпустите меня.

Когда вся троица покинула танцевальную площадку, Романо крепко взял девушку за локоть и так развернул к себе, что Аттилио выкрикнул:

- Ей же больно!

- Совсем не ей сейчас будет больно.

- Романо!.. - Клэр повисла на его руке и обратила на Аттилио умоляющий взгляд: - Аттилио, ради Бога, успокойтесь.

Кивнув, Аттилио отошел от них, а Романо, выругавшись вполголоса, потащил девушку через сад. На руке повыше локтя, где он в нее вцепился, будет синяк... Клэр все еще не могла поверить, что мужчины разговаривали друг с другом в таком тоне. Прежде они никогда не повышали голоса. Но минуту назад было похоже, что бросятся друг на друга с кулаками.

- Ты что - дураком меня считаешь? - прорычал Романо, когда они достигли уединенного уголка

сада, скрывавшего их от взглядов гостей. – Обнимаешься на глазах у всех с этим... с этим клоуном!

– Я не обнималась. – Она рванулась так неожиданно, что он разжал руку, и посмотрела на него взглядом разъяренной тигрицы. – Аттилио просто друг. И в конце концов, тебе-то какое дело?! Зачем нам вообще говорить в таком тоне? Все, что было нужно, уже сказано. Я ничего для тебя не значу – просто легкая добыча...

Заглянув в склонявшееся над ней лицо, Клэр захотела убежать: глаза Романо горели безумным огнем. Издали доносились звуки веселья, но здесь, в этом укромном уголке, она была во власти мужчины, которого... боялась.

– Значит, ты так думаешь? – спросил он сухо. – Именно поэтому позволила этому мальчишке обнимать и целовать тебя? И что было бы дальше, не появившись я вовремя? – Он крепко сжал ее запястье, но от злости она чуть отступила, готовая к драке. – Отвечай, Клэр, что было бы дальше? – Пальцы его сжались как наручники, и он притянул ее к себе. – Ты гуляла бы с ним по саду в тени деревьев? Потом он признался бы в любви, сказал, что не может жить без тебя, что вы должны быть вместе? А потом – интимный эпизодик?

– А если даже так?! – взорвалась Клэр. Страх ее сменился ненавистью. Кровь стучала в висках. – Я свободный человек, такой же, как и ты. Никаких привязанностей, никаких обязательств. Легкий романчик тут... там...

– Ты не такая, – вырвались у него слова. Он встряхнул ее не очень-то ласково. – Черт возьми, Клэр...

Она попыталась увернуться, но он впился губами в ее рот, и, невзирая на его вздорные обвинения, она снова почувствовала, что тает в его объятиях, что любовь к нему снова берет верх.

Это было безумие: она поступала именно так, как женщины, которых она презирала, тайно им сочувствуя. Мысли эти теснились у нее в голове, но она отмела их. Он обнимал ее, целовал – остальное не имело значения.

Может быть, если бы он угрожал, пользовался силой для того, чтобы подчинить ее, может, тогда она преодолела бы слабость, овладевшую всем ее существом. Может быть. Но он прижал ее как дитя к своей широкой, в упругих мускулах груди, целовал с такой нежностью... а сильные руки ласкали ее тело так осторожно...

– Клэр, – произнес Романо с отчаянной мольбой в голосе, – я хочу тебя. Как же я хочу тебя...

Она тоже его хотела. Неужели это так страшно – отдаться на одну ночь, волшебную ночь любви, чтобы было что вспоминать потом до конца жизни? Клэр прижалась к нему, тем самым распалая его еще больше. Его рука ворошила ее густые шелковистые волосы, а она откинула голову назад, подставляя ему свой рот, шею, мягкие груди.

Она дрожала от его поцелуев – он это почувствовал. И пламя, сжигавшее все его существо, вспыхнуло так, что никто бы не сумел теперь его погасить. По дороге в Каса Понтинна он опасался именно этого. Нужно остановиться, мне следует остановиться, стучало у него в голове. Но он пришел в состояние, которого раньше никогда не испытывал. Он почти опустил ее на мягкую траву. Контроль над собой, которым Романо всю жизнь гордился, отказал. Его переполняло желание.

- Клэр? - Это был голос Грейс, прозвучавший тревожно и резко, как полицейский свисток. - Клэр, где ты? С тобой все в порядке?

Романо вскочил на ноги, одновременно поднимая девушку. Он поддерживал ее, а она, покачиваясь, глядела огромными непонимающими глазами и даже не догадалась пригладить волосы.

- Мы здесь, Грейс, - сказал Романо ровным голосом; лицо его приобрело свое обычное властное выражение, и не было на нем теперь ни тени той страсти, что пожирала его минуту назад. Клэр будто холодной водой окатили - заметив эту перемену в нем, она пришла в себя, высвободилась из его рук, поправила платье и привела в порядок прическу. К этому моменту Грейс показалась из-за кустов и замерла при виде двух фигур, стоявших перед ней как статуи.

- Ты... ты в порядке? - спросила Грейс, запинаясь. - Я... Атилио сказал, что ты пошла поговорить с Романо, но долго не появляешься. Он начал беспокоиться.

- Можешь сама убедиться, что он беспокоился зря, - ответил Романо тоном, подсказавшим Клэр, что Романо еще сведет счеты с учителем. - Как видишь, Клэр в полной безопасности.

- Да я и не думала... - Грейс помолчала мгновение. Потом сказала более уверенно: - Ты не хочешь вернуться к гостям, Клэр?

- Романо! - произнесла Клэр со слабой надеждой в голосе, перевернувшей его душу. - Ты больше ничего не скажешь?

Они смотрели друг на друга довольно долго - высокий, отчаянно красивый и опасный в гневе мужчина и хрупкая, светлокочая девушка-англичанка.

Да, конечно, он хотел сказать, и очень многое. Рассказать, что на самом деле чувствует, воззвать к той нежности, что живет в ее сердце. Отбросить прочь сомнения. Покончить с этой пыткой...

Еще я хочу обладать ею, черт возьми, думал Романо. Он вновь возбудился при мысли, что могло бы быть, если бы Грейс им не помешала. Хочу вонзиться в это нежное, мягкое тело, думал он, заполнить ее... заполнить всю ее, пока она не потеряет способность думать. Подвести ее к самому краю, а потом не торопясь ласкать, пробовать на вкус. А потом мы вместе полетим в пропасть невыразимого наслаждения. После чего - начнем все сначала.

Я хочу видеть ее лицо в тот миг, когда буду обладать ею и когда заменю для нее собой целый мир. Хочу чувствовать ее малейшее движение, чувствовать, как она вздрагивает, когда я достигну ее самой сокровенной сути.

Да, я хочу ее. Хочу ее всю: ум, душу и тело Но обладание умом и душой невозможны, значит - остается уйти. Я еще раньше знал, что мне не следует сегодня являться сюда, но поддался непростительному эгоизму. Думал оправдать себя, объяснить необъяснимое. Нет, я не могу позвать ее в ад, в котором пребываю сам.

- Романо?

Этот смущенный, удивленный шепот был последней каплей, переполнившей чашу. Он посмотрел на нее долгим, прощальным взглядом, запоминая каждую ее черточку - влажные карие глаза с затаившейся в них обидой, дрожащие губы. Его же губы сложились в жесткую, упрямую линию:

- Прощай, Клэр.

Она не ответила, только не отрываясь смотрела на него. Грейс обняла ее покрепче. А он... развернулся и зашагал прочь.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

- Я еду с тобой в аэропорт, - уже в третий раз за это утро сказала Грейс, - и не хочу слышать никаких возражений. Джина и Анна прекрасно справятся с близнецами в эти несколько часов. Кроме того, иногда пососать из бутылочки им полезно - ты сама это знаешь. Лоренцо тоже за ними с удовольствием присмотрит. Да и Донато обещал быть дома сразу после обеда. Видишь, сколько народу будет плясать вокруг них.

- Ты действительно можешь на несколько часов отлучиться? - тихо спросила Клэр. Это будет первый случай после рождения Романо и Клэр, когда мать оставит их на какое-то время. Сначала Грейс была беспокойной мамашей, как и большинство из них: постоянно проверяла, как младенцы себя ведут, и, стоило им засопеть или застонать во сне, вскакивала с места. Но время шло, Грейс убеждалась, что близнецы набирают вес и растут, что сигнальные звоночки, укрепленные на кроватках, не подводят, и успокоилась.

- Действительно могу. - Грейс улыбнулась подруге, угадав ее мысли. - Наконец-то я уверилась, что они будут жить, - уверилась отчасти благодаря тебе, твоему здравому смыслу и четким указаниям. Я... кроме тебя и Донато я не могла ни с кем поделиться своими страхами. Знала, что должна преодолеть их сама, но ведь хотелось и поговорить...

- Я тебя понимаю, - мягко сказала Клэр.

- Я только хочу...

- Что?

- Чтобы ты не пострадала из-за этой истории. Он идиот, Клэр, настоящий идиот. Потерял тебя, и я даже не знаю, что теперь делать: стукнуть его как следует или пожалеть.

Грейс и вчера говорила то же самое; поиски уважительных причин для странного поведения Романо перемежались у нее с приступами праведного гнева, и хотя Клэр понимала, что Грейс говорит все это из любви к ней, ничто не помогало скоротать длинное, жаркое воскресенье. Но вот наступил понедельник, и в этот день Клэр улетала из неаполитанского аэропорта сразу после ленча. С Донато она попрощалась утром, когда он уходил в свой офис. С Лоренцо - едва сдерживая слезы - рассталась тоже утром, еще до его уроков. С учителем попрощалась поспешно и коротко - щадя скорее его, чем себя. И вздохнула с облегчением, когда все кончилось.

- Я буду готова, как только скажешь, - предупредила Грейс, - а твои чемоданы шофер уже уложил в багажник моей машины.

Они допивали третью чашку кофе, завершавшего неторопливый завтрак. Другие домочадцы давно разошлись по своим делам.

- Хорошо. Пожалуй, пойду попрощаюсь с Бенито, он никогда мне не простит, если я этого не сделаю, - сказала Клэр совершенно серьезно, и Грейс кивнула.

- Правильно. Он знает, что ты уезжаешь, и все последние дни сам не свой.

Попугай сидел на жердочке в своей клетке, в гостиной, отведенной Лоренцо. Пока Клэр шла от двери к его клетке, Бенито угрюмо смотрел на нее, как-то недовольно склонив голову. Экзотические перья казались еще ярче при свете солнечного утра.

- Привет, старина, - сказала Клэр. Подойдя к клетке, она стала гладить шелковистые перья, приговаривая: - Ты же знаешь: я не хочу уезжать, но у меня нет выхода. Ты ведь понимаешь, правда?

- Бенито - славный старикан, - печально произнес попугай. - Клэр и Романо. Романо и Клэр, а?

Неужели он догадывается? - подумала Клэр. С одной стороны, это невозможно, с другой - черные круглые глаза птицы смотрят с таким пониманием...

- Я бы хотела, чтобы Клэр и Романо были вместе, - ответила девушка, - правда, хотела бы. Но боюсь, на этот раз ты ошибся.

- Ошибся, ошибся, - сказал Бенито так печально, так по-человечески, что Клэр невольно улыбнулась. Все-таки он смешной старый прохвост, подумала она, я буду скучать по нему. Впрочем, мне будет всех не хватать.

Она посмотрела за окно, под которым красовался сад. Листва на деревьях уже сверкала в солнечном свете. На ярко-голубом небе не было видно ни облачка. Пахло травой только что подстриженной лужайки. Этот праздник цвета, света и тепла был полной противоположностью тому, что ожидало ее дома.

- Ты готова?

Клэр и не слышала, как подруга подошла сзади. Девушка поспешно изобразила на лице бодрую улыбку, отвернувшись от окна и прогнав тайные мысли.

- Да, готова. - Погладив птицу в последний раз, она поспешила вслед за Грейс.

В этот день аэропорт Неаполя походил на все прочие аэропорты мира: в нем царили привычные шум и суматоха. Взад и вперед сновали пассажиры - одни прилетали, другие улетали.

Пока машина везла ее из усадьбы в аэропорт, Клэр пребывала в каком-то трансе. В том же состоянии она регистрировала билет, а потом выслушала сообщение, что вылет несколько откладывается.

- Грейс, ты можешь уехать домой, я серьезно говорю, - принялась убеждать подругу Клэр. Конечно же, Грейс беспокоится о детях... - Ты знаешь, как эти отсрочки тянутся иногда. Со мной будет все в порядке, у меня с собой хорошая книжка. А задерживая тебя, я нервничаю.

- Отстань, - упрямо повторила Грейс.

- Грейс, ну правда, - продолжала настаивать Клэр. Но вдруг глаза ее подруги остановились на одной точке, и Клэр невольно повернулась в ту же сторону. В нескольких шагах от них стоял Романо. Черная шелковая рубашка и черные джинсы подчеркивали стройность и гибкость его спортивной фигуры. У Клэр перехватило дыхание.

- Романо! - воскликнула Грейс, пришедшая в себя первой. - Что ты делаешь здесь, черт

побери? – Ее обычно мягкий голос был сейчас резким.

– Мне кажется, причина очевидна, – он улыбнулся. – Приехал попрощаться с Клэр.

– Ты хочешь... – в голосе Грейс было возмущение и недоверие. – Не может быть.

– Что ты увидела странного в том, что один человек хочет проводить другого? – вкрадчиво спросил Романо. Потом поднял руку, останавливая Грейс. – Я знаю, что вы с Клэр подруги. Но Клэр взрослая девушка, и есть нечто такое, что касается только нас двоих.

Значит, он приехал не для того, чтобы попросить ее остаться. Клэр не отрываясь смотрела на этого высокого, темноволосого мужчину, а сердце больно стучало в груди. Он приехал, чтобы проститься с ней. Зачем он устроил ей эту пытку?

– Вас двоих? – чеканя слова, повторила Грейс. – Прости, Романо, но я другого мнения.

– Ну что ж... Однако, хочешь ты или нет, я должен поговорить с Клэр, причем наедине.

Ситуация становилась неприятной. Клэр положила руку на плечо подруги.

– Все в порядке, Грейс, я с ним поговорю. Ничего страшного, правда...

– Я вижу, что ничего страшного. – В голосе подруги, однако, звучала тревога. – Ты думаешь, мне можно уехать?

– Так будет лучше. А я позвоню тебе, как только окажусь дома. Малыши тебя ждут, не следует оставлять их надолго.

– О'кей.

Целую минуту подруги стояли обнявшись.

Глаза Грейс увлажнились.

– Не смей, слышишь, не смей ее снова расстраивать, – сказала она шипящим шепотом, повернувшись к Романо, который удивленно вскинул брови. Ответить он не успел: Грейс ушла, как-то странно сутулясь и опустив голову.

– Мне кажется, Грейс немного свихнулась на почве материнства, – проговорил Романо низким, глубоким голосом.

Клэр приготовила речь в защиту подруги, но поперхнулась, увидев странное, печальное выражение на этом обычно жестком лице. Он явно нервничал. Клэр как во сне двинулась вслед за Романо, который повел ее, взяв за руку, в тихий угол. Она рухнула на стул, потому что ноги ее больше не держали.

– Принести тебе кофе? – спросил итальянец. Теперь, оставшись с ней наедине, он, качалось, жалел, что она уезжает. Клэр медленно покачала головой, не в силах говорить. Ею владело единственное желание – покончить со всем этим, и поскорее. И ей совсем не хотелось, чтобы он запомнил ее плачущей, цепляющейся за него. Но она чувствовала, что вот-вот расплачется.

– Спасибо, не надо. Может, ты скажешь мне то, что собирался сказать, и уйдешь? – спросила Клэр.

Только белое как полотно лицо выдавало ее волнение.

- Клэр. - Он резко остановился, потом сел на стул напротив и взял обе ее руки в свои. Лицо его выражало отчаяние. - Не знаю, возможно, мне не стоило сюда приходить. Я в полной растерянности. Но... но не могу позволить тебе улететь из Италии... уйти из моей жизни, так и не услышав правды. Не знаю, станет ли нам от этого легче или еще тяжелее, теперь я уже ничего не знаю. Однако... я должен объяснить.

- Что именно? - Ее пугало выражение его лица.

- Ты считаешь, что я любил Бьянку и до сих пор ее люблю. Думаешь, что у нас был идеальный брак. - Он вздохнул. - Клэр, моя женитьба была самым мрачным кошмаром... наяву. Это были дни, недели, месяцы бесконечной пытки, - сказал он горько. - Бывали минуты, когда я думал, что схожу с ума. Я смотрел на других людей и спрашивал себя: почему у них все так хорошо, а у меня все так плохо?

- Романо, - Клэр смотрела на него, не веря своим ушам, - я не понимаю...

- Я тоже так и не понял всего до конца. - Он покачал головой. Потом сделал глубокий вдох прежде чем продолжить, отпустил руки Клэр, повернулся на стуле и долго смотрел в пол. - Но, видимо, мне лучше начать рассказ с самого начала... Про свое детство я уже рассказывал. Ты уже знаешь, что семья, где рос Донато, стала моей семьей. В юности мы наслаждались с ним жизнью. Точнее говоря, не отказывали себе в удовольствиях. - Он говорил глухим голосом, который приводил Клэр в дрожь. - А Бьянка была сестренкой, правильно? Сестренкой Донато. Никем больше. Однако ей исполнилось пятнадцать, потом шестнадцать, и я стал понимать, что она испытывает ко мне вовсе не родственную любовь. К тому же она умела управлять людьми, манипулировать. Потом, позже, я догадался, что это у нее болезнь. В общем, она просто хотела меня. Я пытался объяснить ей как можно мягче, что не испытываю к ней никаких чувств. Не помогло. Я перестал бывать в Каса Понтина. Я думал: со временем она что-то поймет, может быть, влюбится в кого-то еще...

- Это тоже не помогло? - спросила Клэр.

- Нет, - мрачно ответил Романо. - Она стала появляться там, где бывал я. Потом взяла себе привычку приезжать ко мне домой. По несколько раз в неделю.

- Ты рассказывал Донато?

- Пытался, но он ничего не понял. Да черт меня возьми, я и сам не все понимал! Потом заболел отец Донато, и у моего друга хватало забот: он занимался бизнесом, усадьбой... всем на свете. Я не мог наваливать на него еще и это.

- И что же дальше?

- Однажды я поздно вернулся домой и увидел Бьянку в своей постели. Бьянка была без сознания - вероятно, приняла слишком большую дозу наркотиков. И я решил: если уж она меня любит до такой степени, я должен на ней жениться, сделать ее счастливой. Слишком многим я обязан этой семье, думал я. Я был свободен, никого не любил. И вообще это не было бы для меня жертвой. Ведь Бьянка давно вошла в мою жизнь... Кроме того, я не хотел, чтобы все кончилось трагедией.

- А Донато знал про наркотики? - спросила Клэр мягко, стараясь представить себе, что он чувствовал тогда.

- Нет, и до сих пор не знает. В ту ночь я отвез ее домой, наутро мы объявили о своей помолвке. И полгода спустя поженились. Бьянке было семнадцать лет. Уже через месяц я понял, какую страшную совершил ошибку. То, что я принимал за ее любовь ко мне, было навязчивой идеей, одержимостью. Что она делала со мной... Нет, не буду посвящать тебя в подробности.

Потом Бьянка обнаружила, что не может иметь детей. Чтобы родить, ей сначала нужно было сделать операцию. Вот тут психическая болезнь ее достигла своего пика: операции Бьянка боялась и направила свой страх и ненависть против молодых женщин, способных рожать. Она сделала мою жизнь настоящим адом.

- Но ведь и Грейс вошла в семью примерно в то же время? - спросила Клэр. - А Бьянка не...

- Именно Бьянка попыталась развести Донато и Грейс после того, как умер их первенец Паоло. Бьянка была способна на все... на любые мерзости. Конечно, я не сразу все узнал: жена моя была очень хитрой, а Грейс помалкивала ради покоя и мира в семье.

- О, Романо... - Клэр легко коснулась его, а он с минуту смотрел на ее руку, прежде чем снова заговорил.

- Только после смерти жены я узнал, сколько интрижек у нее было на стороне. Я кое-что подозревал и раньше, но она была слишком хитра и никогда не оставляла следов. Ее прошлая любовь ко мне довольно скоро перешла в ненависть, особенно после того, как я начал убеждать Бьянку, что нужно лечиться. Наш домашний врач считал, что болезнь у нее, вероятнее всего, наследственная. Но поскольку Бьянка была приемным ребенком, этого никак нельзя было доказать.

Клэр с большим трудом понимала, что говорит Романо, но ей так хотелось заключить этого пострадавшего человека в своих объятиях, покрыть его лицо поцелуями, уверить его, что все будет хорошо - она сделает так, чтобы все было хорошо. Однако Клэр не решилась... Она сидела молча, рука ее неподвижно лежала на его руке. А слова Романо прожигали ее насквозь.

- Бьянка погибла в автокатастрофе - спасалась от погони. Дело в том, что ее пытались поймать, узнав о ее кознях против Грейс. Машина Бьянки скатилась в кювет, и она разбилась насмерть. Видишь ли, Донато случайно узнал, что она намерена во что бы то ни стало разрушить их брак с Грейс. Случилось так, что попугай направил Донато в ту комнату, где моя жена угрожала Грейс...

- Бенито? - почти шепотом переспросила Клэр. Она и раньше замечала, как подруга любит попугая, и теперь начала понимать причину этой особой привязанности.

- Ну да, он самый. Попугай подслушал телефонный разговор Бьянки и кое-что запомнил... Донато вовремя ворвался в комнату, где Бьянка запугивала Грейс: моя жена доходила иногда до иступления, и трудно сказать, чем бы все это кончилось.

- Ясно, - сказала Клэр, хотя в голове у нее шумело, мысли путались. Впрочем, одно она понимала теперь совершенно отчетливо: Бьянку он не любил. Этот брак был кошмаром от начала до конца, как он сам сказал. Но тогда почему же сердце не колотится от радости? Интуиция, рожденная ее чувством к нему, подсказывала ответ. И Романо подтвердил ее опасения:

- Клэр, я не могу больше привязываться к кому-то душой и телом. - Он смотрел ей прямо в глаза, а лицо его было белым от напряжения, и только на скулах пробивался румянец. - После смерти Бьянки мне стало еще хуже: я чувствовал себя виноватым, безмерно виноватым в том,

что радуюсь ее гибели. Да, я радовался, что освободился от этого кошмара. Но чувства меня захлестнули. Я просыпался по ночам в холодном поту, потому что боялся за собственный разум, – в таком я пребывал состоянии.

– Она же была безумна, – Клэр даже не заметила, что схватила его за руку, – она была больна. Романо, ты сам сказал.

– Да, но я, ее муж, отвечал за нее, – с горечью проговорил он. – Будущее тогда представлялось мне как длинная, черная дорога... настоящий ад на земле. А одиночество, отверженность, испытанные в детстве, казались раем по сравнению с тем, что я получил вместо семейной жизни. Но я был ей мужем. Я дал клятву перед алтарем быть с ней в горе и в радости, во здравии и болезни. Бежать было некуда.

– Это не повторится! – Клэр пыталась облечь в слова свой сердечный порыв. Сблизиться с ним душой, помочь ему... – То, что было с Бьянкой, не повторится. Ты встретишь женщину, которую полюбишь...

– Я уже встретил и полюбил, Клэр, – сказал он ласково, но как-то отрешенно. Клэр похолодела. – Я влюбился в тебя с первой минуты, как только увидел в аэропорту, – когда ты подняла лицо к солнцу, а волосы твои вспыхнули огнем. О-о, я, конечно, боролся с собой, на каждом шагу. Любовь – иллюзия, твердил я себе. Помнишь? И тебе. Нечто придуманное. Но всякий раз, говоря это, понимал, что люблю тебя. А потом ты сама призналась мне в любви – с такой смелостью... – Голос его стал глухим, в глазах была печаль. – Я пытался убедить себя, – продолжал Романо, – что это всего-навсего физическое влечение друг к другу. Я испытывал его к другим женщинам. Как только удовлетворишь желание, оно перестает тебя мучить. Но, услышав твоё признание, мне пришлось взглянуть в глаза правде – той, от которой я убегал все это время. Я люблю тебя...

– Романо... Романо, у нас может все получиться...

Он прервал ее мольбу: резко встал и, глядя ей в лицо горящими глазами, жестко проговорил:

– Нет, Клэр, не может. Я трус. Глядя на меня, ты видишь большого сильного мужчину, ведь так? Эдакого храбреца, который победит дракона. Но в последние две недели я убедился в своей трусости. Я люблю тебя, но больше никогда не смогу взять на себя ответственность за другого человека.

– Тебе и не придется! – воскликнула Клэр. Она тоже встала, схватила его за руки, боясь, что он повернется и уйдет не дослушав, что она не убедит его. – Мы любим друг друга. Вместе мы одолеем прошлое.

– Нет. – Он упрямо покачал головой. – У меня в душе ад, Клэр. Я не могу погрузить тебя в свои мучения. И я не врал, когда говорил, что любви нет. Ведь я не испытывал ее. Не видел ни со стороны родителей, ни со стороны жены. Не верил в любовь, пока не встретил тебя.

– Но Донато и Грейс – они любят тебя. И Лоренцо...

– Они не знают меня... настоящего, не знают, что у меня внутри. Видят только то, что снаружи. – В голосе его зазвучала безысходность.

– Нет-нет, ты не прав. У каждого из нас есть свои тайные страхи, неуверенность – все то, от чего мы просыпаемся по ночам, чего боимся днем. Вот почему так важно, чтобы был кто-то рядом, умеющий защитить, любящий нас со всеми нашими недостатками. Твое детство, твоя

страшная жизнь с Бьянкой, конечно же, отразились на тебе...

- Но с тобой рядом должен быть кто-то сильный. Ты заслужила лучшего. - Он сказал это с той мрачностью, которая всегда ее пугала.

- Ты сильный. Неужели сам этого не понимаешь? Все, что ты пережил, дало тебе умение видеть глубже, чем обычно видят люди. - О Боже, она заметила, что его красивое лицо каменеет. - Да перестань ты быть... итальянцем до мозга костей! Не надо упиваться трагедией. Я люблю, люблю тебя. Неужели это ничего для тебя не значит? - Клэр бросилась к нему с лицом, залитым слезами. Ее волновало только одно: нужно его убедить. - Снизойди до слабости реального человека!

На миг Романо растерялся, но, когда она прильнула к нему, прижал ее к себе с такой силой, что кости ее чуть не хрустнули. На секунду, всего на одну секунду, Клэр показалось, что все будет хорошо, и это была секунда счастья. Но он... осторожно отстранил ее, глядя на нее повлажневшими глазами.

- Я слишком люблю тебя, чтобы принять эту жертву. В один прекрасный день ты поймешь, что так лучше. Тебе нужен молодой, свежий, не побитый жизнью человек, такой, которого не преследуют призраки прошлого. Я стар для тебя. Да, стар душой.

- Ты только говоришь так, но не думаешь. - Клэр попыталась снова прижаться к Романо, но его руки, отстранившие ее, сделались стальными. - Вспомни Аттилио: он молодой, свежий. Однако тебе не хотелось видеть нас вместе.

- Я не говорил, что вам не следует быть вместе. Просто мне было больно видеть, что кто-то обнимает тебя. - Он покачал головой. - Давай скажем так: у нас ничего не получится.

- Романо, я люблю тебя. - Клэр затихла. Он по-прежнему сжимал ей руки, а она смотрела на него глазами, полными слез. - Я не вынесу этого.

- Послушай меня. - Он с такой же, как у нее, мукой в глазах потряс ей руки. - В один прекрасный день ты встретишь кого-нибудь. Ты молода, вся жизнь у тебя впереди. - Она хотела возразить, но он не дал; - Нет, послушай меня, Клэр. Ты в самом деле встретишь того, кого полюбишь. Выйдешь замуж, будешь жить как положено. Я не хотел, чтобы... чтобы ты уехала с мыслью, что виновата ты. Не хотел, чтобы слова, сказанные когда-то этим мерзавцем Джефом, мучили тебя. Ты красавица. Ты потрясающе красива. Я и не знал, что женщина может быть так хороша и душой и телом.

- Но для тебя я все же нехороша, - произнесла Клэр в отчаянии, не в силах остановить слезы.

- Ты покорила мое сердце, Клэр. Навсегда. Я больше никого не люблю. И никогда не женюсь.

Она вырвалась из его рук - так резко, что он покачнулся.

- Ты думаешь, эти твои слова помогут? Нет, не помогут, - почти шипела она. - Мне не нужно одно твое сердце, ты мне нужен весь - из плоти и крови, живой. Ты мне нужен каждый день. Я хочу видеть тебя утром, проснувшись, хочу быть с тобой ночью, любить тебя, кормить, смеяться вместе с тобой, иметь... иметь от тебя детей... - Она не могла больше говорить, ее душили слезы.

- Прощай, Клэр. - Голос его был хриплым, когда он повернулся, чтобы уйти. Клэр замерла от

страха. Неужели действительно уйдет? Что делать? Как его остановить? Боже, подскажи мне слова, которые он поймет...

- Романо! - Отчаяние сжало ей сердце так сильно, что было трудно дышать. Она стояла и смотрела, как он уходит из ее жизни.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Клэр стояла у окна. Ей не верилось, что на дворе июль: дождь лил как из ведра. Уже три недели день за днем дождь, резкий ветер, а главное, холод. Пришлось даже достать шерстяные свитеры.

Она отвернулась от окна и обвела взглядом спальню, серую и неприветливую в свете раннего утра. Собственно, погода не очень-то мне досажает, подумала она, просто сердце у меня ноет, все кажется таким безрадостным... Глаза ее наполнились слезами, и она заморгала, а потом смахнула слезы со щек ладонью. Подошла к платяному шкафу, достала плотные леггинсы, свободный шерстяной свитер ярко-красного цвета, в противовес настроению, и стала одеваться.

Она позволяла себе плакать только по ночам, потому что днем нужно было жить дальше, как это ни трудно. Это решение она приняла сразу по приезде домой - после того как выплакалась на пышной груди матери, пока отец силой удерживал ее братьев, стремившихся на первом же самолете лететь в Италию, чтобы проучить Романо. Наплакавшись вдоволь, Клэр решила, что хотя бы ради семьи стоит делать вид, что она успокоилась.

Давалось это ей нелегко, но Клэр держалась. Обрести силы, несомненно, помог более чем щедрый банковский чек от Донато и Грейс, который она нашла в своей сумке. Значит, сказала себе Клэр, она не будет лихорадочно искать работу, а займется тем, чем давно хотела: поработает на общественных началах в доме для детей-инвалидов. Такой приют для умственно и физически отсталых детей располагался на окраине городка в графстве Кент, где она жила.

Клэр позвонила подруге, как только нашла чек; она протестовала против такой большой суммы. И вообще она помогала справиться с близнецами из любви к своим друзьям, а не за деньги... Но Грейс расстроилась, и тогда Клэр капитулировала. А когда рассказала, чем займется, имея эти деньги, подруга пришла в восторг...

Одевшись, завязав волосы хвостом на макушке и не тратя времени на макияж, Клэр вышла из дома, успев тем не менее проверить, не осталось ли следов слез на лице: у детей, с которыми она работает, свои горести и совсем не легкая жизнь, к ним надо приходиться веселой и приветливой, что бы ни творилось у нее на душе. Впрочем, общаясь с ними, каждый раз поражаясь стойкости своих воспитанников, она забывала на какое-то время про собственные проблемы.

День выдался суматошным, но Клэр была этому даже рада. Все время требовалось что-то решать, и она отвлекалась от мрачных мыслей. В этом детдоме почти всегда было так. И вечерами, покидая здание из красного кирпича, Клэр едва держалась на ногах.

Вот и сегодня она шла, чуть ли не шатаясь, по мощенной булыжником дороге, с обеих сторон простирались зеленые лужайки. Несмотря на усталость, она, по обыкновению, отправилась домой пешком, благо ее жилье было в пятнадцати минутах ходьбы. Клэр ценила возможность обрести здесь умиротворение, так необходимое ей для общения с семьей вечером. Только уйдя в свою комнату, она могла предаться горю и рыдать хоть всю ночь напролет.

Шагая по дороге, Клэр не позволила себе думать о неприятностях; пусть самой большой из них будет погода. Однако погода изменилась: вместо дождя и ветра, досаждавших ей утром, наступила тишина и теплынь. Солнце как-то застенчиво выглядывало из-за туч, а в воздухе пахло дровами, которыми топят в этой части Англии.

Какое удовольствие – после трех недель проливного дождя... Клэр остановилась, закрыла глаза и несколько секунд стояла, запрокинув голову и вдыхая душистый воздух. На лицо ей падал сноп света, пробивавшийся сквозь ветви большого дуба справа от нее. Миг настоящего покоя...

- Простите, как называется это место?

Она и не заметила, что в конце улицы, на приличном расстоянии, стоит большой автомобиль. Он двинулся к ней, как только она вышла из детского дома. Услышав низкий голос с сильным акцентом, Клэр повернула голову и увидела темноволосого смуглого мужчину, задававшего ей вопрос из окна автомобиля. Смертельно побледнев, она смотрела на него секунду-другую, не в силах двинуться с места. А потом побежала, не оглядываясь, прочь. Бежала так, словно за ней гнались убийцы.

Она слышала, что он звал ее, но не останавливалась. И прекратила бег лишь тогда, когда рядом с ней завизжали тормоза, а потом рука железной хваткой сжала ее локоть. Мужчина развернул ее, чтобы смотреть ей прямо в лицо.

- Клэр? – Теперь его голос был полон боли. Она смотрела не отрываясь, в это дорогое лицо, которое уже не чаяла увидеть вновь. И внезапно потеряла всякую власть над собой.

- Как ты смеешь? Как ты посмел? – вскричала она, разрыдавшись, и принялась колотить по его мускулистой груди кулаками. Она плакала в голос, не зная толком, против чего протестует. Может, ее вывела из равновесия пустота, в которой она жила все эти недели, сознание того, что она потеряла Романо навек и никогда теперь не выйдет замуж, не будет иметь детей... не обретет свою половину... А может, ее разозлил его спокойный, даже небрежный тон, словно кошмар, в котором она пребывала все эти дни, совершенно его не коснувшись. Независимо от причины с ней случилась истерика, и он это понял.

- Ну все, все. Ну хватит, любовь моя.

Выйдя из машины, он взял обе ее руки в свою ладонь, а другой прижал ее, вырывавшуюся, к себе. Тепло его тела и ощущаемая в нем сила стали ее успокаивать. Потом колени ее подогнулись, и она бы сползла наземь, если бы он не прижал ее еще крепче. Клэр продолжала рыдать, целиком во власти той сердечной муки, которую испытала. Тогда Романо поднял ее на руки, открыл машину и посадил на сиденье – осторожно, как дорогую фарфоровую статуэтку. Опустошенная, Клэр с закрытыми глазами откинулась на спинку сиденья. Романо поспешно обошел машину спереди и сел за руль. И вдруг до сознания девушки дошло, как ужасно она выглядит. Она никогда не умела плакать красиво, как некоторые женщины, у нее сразу распухал и краснел нос, лицо покрывалось пятнами, а глаза наливались кровью.

- Возьми, – он протянул ей накрахмаленный носовой платок, – высморкайся.

- Не буду я сморкаться! – Это прозвучало по-детски, но Клэр не хотела принимать от него никакой помощи.

Впрочем, через секунду стало ясно, что из носа вот-вот потечет, а это уж совсем недостойно настоящей леди. Клэр, не глядя на Романо, схватила платок, вытерла лицо и высморкалась от всей души.

- Ну как - лучше?

Неизвестно, что повлияло - ласковая нотка в его голосе или то, что она взглянула на него - а он выглядел потрясающе, хотя был усталым, даже измотанным. Как бы там ни было, она упала ему на грудь, крепко обхватила его за шею и, подняв к нему лицо, вскричала:

- Ненавижу тебя!

И тут он яростно впился в ее губы. Это был жаркий поцелуй, мгновенно возбуждавший в ней желание, не уступавшее по силе его собственному.

- Клэр, не кричи, - простонал он. Потом усадил ее обратно на сиденье. В следующий миг мотор заурчал, и машина медленно двинулась к шоссе. - Пристегни ремень.

- Зачем? - Она уставилась на него.

- Я сказал: пристегни ремень. И не смотри на меня так, черт возьми! - Потом он добавил: - Или хочешь, чтобы я овладел тобой прямо в машине? Еще минута, и это произойдет.

- Не возражаю, - сказала Клэр с трогательной откровенностью.

- Зато твои братья возражают. Они и так уж дышали мне в затылок целых полчаса, пока я беседовал с твоими родителями. Не хотелось бы повторять удовольствие. Хорошо еще, что самый старший, как я понял, пока не вернулся с работы.

- Ты был у меня дома?

- Разумеется. Иначе как бы я узнал, где ты работаешь? - Вдруг он сильно крутанул рулем, чтобы не угодить в кювет. - Черт, мы оба погибнем из-за тебя.

- Из-за меня?

- Именно. То, чего я сейчас хочу, совсем не способствует осторожной езде. Однако нужно найти людное место, где мы могли бы поговорить. Я должен все объяснить, не прикасаясь к тебе.

- Зачем... людное место? - спросила Клэр, но, переведя взгляд на выдававшую возбуждение часть его тела, получила ответ. - О-о-о...

- Вот именно, о-о-о, - протянул он мрачно, не глядя на девушку.

Это ее не задело. Она теперь ни на что не обиделась бы, потому что все налаживалось. Все будет хорошо, просто прекрасно! Ведь он приехал к ней, ведь так? Не побоялся ее родителей, братьев. Разыскал ее...

Припарковав машину посреди городка, с краю базарной площади, Романо без всякого вступления сказал:

- Я люблю тебя, Клэр, и не могу без тебя.

- Романо...

- Я не могу жить без тебя, Клэр, - повторил он, - ты должна быть рядом. - Она молча смотрела на него, парализованная отчаянием в его голосе. - Тебе со мной будет нелегко, и ты должна

знать, какого мужа получишь. Это неправильно, несправедливо – то, что я делаю тебе предложение в такой форме, ведь ты – сама невинность, тепло и свет. А я... я мрачный человек, у меня мрак в душе...

- Ты делаешь мне предложение? – спросила она глуповато, поскольку была занята тем, что упивалась видом Романо, исходившим от него запахом... И ничего не соображала.

- Ты как-то сказала, что не позволишь прошлому одолеть нас, помнишь? – проговорил он хрипло.

Клэр рассеянно покачала головой, поскольку теперь сосредоточилась на том удивительном, потрясающем, невероятном факте, что он хочет жениться на ней.

- Да-да, ты так сказала, и тогда это поразило меня как... как гром небесный... И все потому, что в последние три года, с тех пор как погибла Бьянка, прошлое одолевало меня, не отпускало, обращало в ничто – в пыль. Так оно и было, хотя я не хотел себе в этом признаваться. А потом встретил тебя и влюбился до смерти. Но прошлое все еще было при мне, я боялся, что ничего у нас не выйдет. А если даже и выйдет, то... рухнет спустя какое-то время. Я повел себя как трус.

- Нет-нет, это не так. Ты старался быть честным и...

- Я был трусом, Клэр, – перебил он ее, подняв руку и улыбнувшись жалкой, кривой улыбкой, от которой у нее защемило в груди. – Я думал, что справлюсь один, что это несправедливо – погружать тебя в мои кошмары. Я и сейчас так думаю. Однако без тебя моя жизнь кончена. Я не мог ни спать, ни есть, ни работать все то время, что тебя со мной не было. И вдруг понял: лучше быть трусом рядом с тобой, чем не иметь тебя. Если ты, конечно, согласна... Я сознавал, что, возможно, оттолкнул тебя, навсегда своим признанием, и от этой мысли сходил с ума...

- Ты не можешь меня оттолкнуть, – сказала Клэр просто. – Где бы я ни была – ты в моем сердце.

- Я тебя недостойн, и жизнь со мной будет для тебя адом, можешь ты это понять? Годы моего детства, брак с Бьянкой – все это давит на меня.

- Я освобожу тебя. – Клэр придвинулась к нему и обвила руками его шею, потом прильнула к груди и сказала снова: – Ты меня слышишь? Я освобожу тебя.

- Кроме всего прочего, я ревнивец. Когда я увидел, что, танцуя, Аттилио обнял тебя... —

Романо замолчал на миг, – я был готов разорвать его на части. Сможешь ли ты жить с таким человеком?

- До гробовой доски. – Она уткнулась носом ему в подбородок, и лизнула кончиком языка его шею. В ту же секунду он прижал ее к себе изо всех сил.

- Но я буду любить тебя, Клэр, это я обещаю, – сказал Романо, задыхаясь от волнения. – Буду любить тебя вечно. Ты станешь моим солнцем, луною и звездами, воздухом, которым я дышу... Станешь моей второй половиной. Матерью моих детей. Я буду любить и желать тебя каждый день, каждую минуту. Да дьявол меня побери, ты так хороша, что хочется тебя съесть!.. – Он схватил ее в объятия и прижался горячим ртом к ее губам. Царству темных сил пришел конец. Наступало торжество света и любви.